Валерий Марксович Смирнов

Фронт Владимира Путина. Как побеждают на выборах

Предисловие

Российские выборы за два последних десятилетия прошли впечатляющий путь.

В 1989 году две трети членов вновь созданного высшего органа государственной власти СССР – Съезда народных депутатов – стали избираться на альтернативной основе. Что впервые за многие годы предполагало наличие более чем одного заранее отобранного партийной машиной кандидата в депутаты. Причем в кандидаты можно было выдвинуться самостоятельно, без какой-либо партийной поддержки, получив большинство голосов предвыборного собрания с числом участников не менее 300 избирателей.

Соответственно, у избирателей появилась реальная возможность выбрать того, кто, по их мнению, наиболее верно отражал их интересы, ведь 300 человек – это, по сути, небольшая социальная группа, состоящая из знакомых между собой людей и знакомых их знакомых, объединенных общим общественным интересом.

В 1990 году точно так же был сформирован Съезд народных депутатов самой крупной республики в составе Союза – РСФСР.

В выборах, как и ранее, принимало участие более 90% избирателей России, причем число кандидатов по каждому избирательному округу составляло зачастую более десятка, а число избирательных бюллетеней в целом по стране составило около 100 миллионов.

Несмотря на то, что на Съезд избиралось более 1000 депутатов, результаты выборов были подведены в течение 3 – 4 дней, а в окончательном виде появились уже через неделю.

При этом бюллетени подсчитывались вручную (компьютеров тогда было мало, да и никто не видел в них особой необходимости для подведения итогов голосования), а избирательные комиссии создавались лишь на период выборов, с участием действовавших депутатов и минимальным числом штатных работников. Соответственно и расходы на сами выборы, по сравнению с нынешними, были в несколько раз ниже, не говоря уже о том, что стоимость избирательной кампании не выражалась астрономическими суммами, как сейчас.

Самым же существенным было то, что никто, как внутри, так и вовне России, во-первых, не сомневался в том, что выборы были представительными, то есть выражали волю большинства населения России, и, во-вторых, что они были честными, то есть население избрало действительно тех, кого оно хотело избрать. Несмотря на отсутствие международных наблюдателей и проверок на соответствие избирательного процесса общечеловеческим ценностям.

За прошедшие с тех пор годы в России появилось постоянно действующее министерство выборов – Центризбирком с многотысячным штатом сотрудников. Число избирателей, участвующих в выборах, сократилось официально до 30 – 35%, а неофициально – почти вдвое меньше (почему в очередной версии закона о выборах вначале порог явки снизился до 20%, а потом и вовсе сократился до 0). Количество поданных избирательных бюллетеней, с учетом стремительного сокращения населения страны, уменьшилось как минимум втрое, а фактически – почти в пять раз. На выборах применяется самая совершенная вычислительная техника, связанная в тотальную избирательную систему ГАС «Выборы». Затраты как на сами выборы, так и на содержание министерства выборов со всеми его местными филиалами ежегодно исчисляются миллиардами рублей.

Однако теперь для подведения официальных (а не предварительных) результатов выборов требуется более двух недель. И при этом абсолютно за каждой избирательной кампанией тянется длинный шлейф подтасовок, судебных процессов и скандалов, после которых в честность проходящих в России выборов не верят даже дети. Как внутри, так и вовне страны. Несмотря на многочисленных наблюдателей и регулярные заявления о соответствии выборов неким «международным стандартам».

О представительности же, то есть выражении выборами воли большинства населения страны даже не стоит говорить: ее нет, так как большинство избирателей «голосует ногами», попросту не приходя на избирательные участки. А точнее, выражает свое отношение к этим выборам, заранее будучи уверенным в том, что они – фальшивка. И это не в силах скрыть даже раздутые официальные проценты принявших участие в голосовании.

Низкие проценты участия в выборах в странах с «развитой демократией» обычно принято объяснять так: мол, там и так все хорошо, избиратель всем доволен, потому и аполитично не ходит на выборы. Ему, дескать, безразлично, кто бы ни победил. Оставляя в стороне справедливость подобных утверждений – пусть они сами разбираются со своей демократией, – заметим сразу, что в России это не так. В стране в течение последних двух десятилетий сверху интенсивно проводится политическая и экономическая перетасовка, кокетливо называемая реформами. Это затрагивает жизненные интересы всех жителей России, и потому трудно заподозрить их в том, что они стали совершенно безучастными к тому, что с ними собираются сотворить власти, как бы избранные от их имени. Поэтому то, что они не высказываются об этом на выборах, означает только одно – избиратели России в подавляющем своем большинстве не верят в то, что через такие выборы они действительно могут выразить свою волю.

В мае 2011 г. премьер-министр России В.В. Путин объявил о создании Общероссийского Народного фронта, в который вошла «Единая Россия» и другие близкие к ней политические объединения. Главная цель Народного фронта В. Путина – победа на выборах 2011—2012 гг. В июне 2011 г. Путин разрешил предприятиям вступать в Народный фронт. Особенность ситуации в том, что закон о партиях запрещает им даже создавать свои ячейки на предприятиях. А тут все предприятие целиком перед

очередными думскими выборами загоняется в группу поддержки политической партии! Смысл сей новации не только в ее незаконности, но и в том, что руководители таких предприятий, надеясь на путинскую протекцию в своем бизнесе, найдут способ заставить своих работников голосовать «правильно».

Напрашивается очевидный вывод: грядущие выборы обречены быть только тем, чем они уже стали в современной России, – имитацией и фарсом. Иначе говоря, выборы в России превратились в общегосударственную аферу. Показать, почему так произошло и в чем состоит механизм общероссийского избирательного фарса, – задача этой книги.

1.1. «Свободные выборы»

Главным, стержневым лозунгом перестройки, начатой в Советском Союзе в конце 80-х годов XX века, была демократизация всего общества. Под демократизацией подразумевались в первую очередь свободные выборы. Они означали не только сам выбор одного из многих кандидатов, что для советских избирателей уже само по себе было в новинку, но и то, что кандидатов можно выдвигать совершенно свободно, а не по указке того или иного партийного органа. Таким образом, у народа, избирателей появился реальный шанс выбрать того, кого они посчитали наиболее достойным. Сторонники перестройки, получившие потом название демократов, считали, что таким образом народ будет сам определять пути развития общества, а это главное условие того, что они будут успешными.

Надо отметить, что первые выборы на альтернативной основе состоялись по горбачевской инициативе еще в 1989 году. Это были выборы на Съезд народных депутатов СССР. Затем в 1990 году такие же выборы прошли на Съезд народных депутатов РСФСР. И главное, что в них стоит отметить сейчас, что выдвижение самих кандидатов на выборах было исключительно свободным. Для тех, кто представляет себе, чего стоило выдвижение кандидата в депутаты в России в недавнем прошлом (сбор десятков тысяч подписей или избирательный залог в сотни тысяч рублей), а ныне, с введением голосования по партийным спискам, стало просто невозможным, одна только процедура выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР напомнит о том, в каком «царстве свободы» мы жили еще совсем недавно.

Для того чтобы выдвинуться и предложить себя в качестве кандидата в том или ином избирательном округе, любому человеку достаточно было собрать избирательное собрание численностью не менее 300 избирателей, известить о нем местную избирательную комиссию (именно известить, а не попросить ее соизволения на его проведение), и на этом собрании получить большинство голосов, то есть как минимум 151 голос. Этого было достаточно для выдвижения кандидатом в народные депутаты. Наверное, более демократичного способа отбора будущих законодателей Россия за всю свою историю еще не знала.

Так же просто было создать политическую партию. К ней в то время предъявлялось только одно требование: чтобы у нее было не менее 5 тысяч членов. Это требование для такой огромной страны, как СССР, и таких городов, как Москва или Ленинград, было вполне выполнимым. Естественно, помимо коммунистической появились и другие партии. Зарегистрировав себя в Министерстве юстиции как общественные организации (тогда же появился первый закон об общественных организациях), эти партии имели право выдвигать своих кандидатов во всех избирательных округах Советского Союза без собрания 300 человек. Собственно, это была единственная привилегия, которой они пользовались.

Само собой разумеется, что людям, желавшим проявить себя в государственном управлении, но не объединенным какой-либо общей политической идеей, проще было выдвинуть себя по одномандатной системе в любом избирательном округе, чем создавать свою политическую партию. А те, кто действительно был объединен неким общим стремлением, общей идеологией, тому наоборот, имело смысл создавать политическую партию и выдвигать себя уже как представителей единой политической силы с общей программой.

Об этом стоит сейчас вспомнить хотя бы для того, чтобы представить себе, как государственная власть, если она действительно того хочет, может способствовать проявлению политического сознания и воли своих граждан.

Поэтому на первых свободных альтернативных выборах на Съезд народных депутатов СССР, а затем и РСФСР в каждом из избирательных округов (тогда в каждом из них было около 100 тысяч избирателей) выдвигалось по 10, 14, а иногда и более 20 кандидатов. Тем не менее все они могли, во-первых, вести избирательную кампанию, совершенно свободно встречаться с избирателями; и, во-вторых, выборы в этих избирательных округах проходили при невиданной ныне явке избирателей. Например, на выборах народных депутатов СССР в марте 1989 г. явка избирателей составила 99,9%, хотя никакого принуждения к голосованию тогда не существовало. По сути, эти 99,9% стали реальным рейтингом доверия избирателей новой избирательной системе. Кстати, около 10% избирателей пришли на выборы, чтобы проголосовать «против всех». Однако то, что они сделали это, придя на избирательные участки, а не «ногами», то есть не участвуя в выборах, как это принято сейчас, тоже свидетельствует о том, что столь либеральная советская избирательная система безусловно пользовалась доверием избирателей.

В итоге подавляющее большинство избирателей приходило на выборы и голосовало за тех депутатов, которых считало нужным. То есть достоверность этих выборов никакому сомнению не подлежала. Особо надо подчеркнуть, что, несмотря на такое обилие кандидатов в депутаты и впятеро большее, по сравнению с нынешним, количество избирательных округов, эти выборы проходили без особых нареканий. То есть каких-либо жалоб на массовую подтасовку результатов выборов, без чего не обходятся ни одни выборы в России, начиная с декабря 1993 года, не было. Единственное, на чем сходились все наблюдатели – это на склонности избирателей отдавать предпочтение местным кандидатам, а не каким-то пришлым варягам, приехавшим из крупных городов. Но это было совершенно естественно.

Очевидно, что избирателю ближе знакомые ему люди, о которых он может судить по собственным впечатлением, живущие с ним в том же месте, с теми же проблемами.

Все это в совокупности дало очень интересный состав Съезда народных депутатов, в особенности Съезда народных депутатов России, поскольку он избирался на совершенно свободной основе, без квот депутатов от КПСС и прочих подчиненных ей общественных организаций, как Съезд Союза.

Фактически именно Съезд народных депутатов России стал уникальным органом в советской истории, который вобрал в себя

представителей самых разных групп населения из всех частей страны. Он явился неким форумом народа, собранным на основе свободных выборов и, таким образом, весьма точно отражающим волю этого народа. Само его создание стало новым, необычным явлением, доселе не встречавшимся в советской практике.

Съезды народных депутатов, собиравшиеся еще в ленинский период, на заре советской власти, избирались в условиях ограничения избирательных прав отдельных групп населения и потому носили совершенно иной характер. Этот же Съезд народных депутатов был наделен конституционными полномочиями, являлся высшим органом государственной власти, имел право принять к рассмотрению и разрешить любой вопрос, касающийся государственной жизни, принять любой закон. Таким образом, в системе советской власти вдруг неожиданно появился широкий и свободно избранный форум народных представителей, который давал возможность откликаться на любую волю народа, во всяком случае, претворять ее непосредственно в действия государственной власти.

Столь прямого и непосредственного народовластия в самом прямом смысле этого слова не существовало ни до, ни после Съезда народных депутатов РСФСР образца 1990—1993 гг.

Характерная деталь. Создать в то время политическую партию было достаточно легко. В любом случае, в такой стране, как Советский Союз, 5 тысяч граждан было достаточно, чтобы считать их политической партией, а в его осколке – РФ их ныне требуется 50 тысяч. Очевидно что советская демократия, в отличие от российской, была направлена не на то, чтобы сократить число политических партий, а наоборот, чтобы дать им возможность проявиться. Так вот, несмотря на легкость создания политических партий, количество депутатов, которое было от них избрано, оказалось невелико.

Единственным исключением были члены КПСС и ее российской секции – КПРФ. Поскольку, во-первых, это была на тот момент практически единственная массовая партия, и на население СССР в целом приходилось порядка 20 миллионов членов КПСС. И хотя на Съезде народных депутатов России она не обладала квотой депутатов, как в союзном, но среди политически активных людей, избранных на Съезд народных депутатов России, естественно, было много членов КПСС. Таким образом, фракция КПРФ на нем автоматически оказалась самой многочисленной. Остальные же политические партии получили на российском Съезде сравнительно небольшое количество голосов.

Откуда следовало, что российский избиратель, массово придя на выборы, склонен верить не политическим партиям и их программам, в том числе и программе КПСС-КПРФ, а скорее конкретным личностям, которых он видит, знает и которым готов оказать доверие. Это доказывает, что система выборов конкретных кандидатов, а не партийных списков, так называемая мажоритарная система, изначально соответствовала политическому мировоззрению российского избирателя. Пропорциональная же система голосования за безликие списки политических партий, противоположна российским политическим обычаям и тем самым отчуждает уже по самому своему принципу выборный орган от избирателя. Во всяком случае, уже самые первые альтернативные выборы в России дали тому весомое подтверждение.

Однако депутаты от мажоритарных округов, придя в орган государственной власти, каким являлся Съезд народных депутатов, естественно, обладали собственными политическими взглядами, собственными мнениями. В целом их можно было разделить на две категории. Во-первых, демократы, то есть те, кто поддерживал демократические перемены в стране. Это были люди самых разных взглядов, от прозападных и неолиберальных до националистических и патриотических. Вторые – это те, кто концентрировался вокруг идеологического ядра КПСС-КПРФ с известными и поныне политическими персонажами, такими как Зюганов, Купцов и им подобными. Таким образом, это как бы делило Съезд народных депутатов на два политических лагеря: демократов и партократов (возможно, это не самый лучший термин, но именно он был в ходу в то время).

Естественно, помимо демократов и партократов, как и во всяком парламенте эпохи перемен, существовало «болото», то есть депутаты, не примыкавшие ни к той, ни к другой точке зрения. И если партократов, сторонников традиционной системы советских ценностей, объединяла вокруг себя КПСС, впоследствии трансформировавшаяся в КПРФ, то организационным ядром демократов стала Демократическая Россия.

Особенностью этой общественной организации, возникшей на волне перестройки, являлась весьма серьезная организационная и идеологическая помощь с Запада. Эта помощь самой ДемРоссией не выпячивалась и не бросалась в глаза. Тем не менее она чувствовалась хотя бы по тому, что все те, кто примыкал к Демократической России, обладали серьезным доступом к самым разным современным инструментам политической борьбы, бывшим еще в новинку в СССР: от литературы до оргтехники. Стоит отметить, что оргтехника в советское время была в крайнем дефиците. Ксероксы были только в учреждениях и находились под замком за железными дверями; доступ к ним для размножения каких-либо документов был крайне сложен. Поэтому те, кто пользовался поддержкой Демократической России, получали как минимум помощь оргтехникой, что становилось козырем в политической борьбе того времени, а в случае идеологических симпатий западных спонсоров и финансовую помощь.

Противоборство с партократами в 1990—1991 годах привело к серьезным успехам демократов, в первую очередь за счет завоевания ими на свою сторону «болота», что, в свою очередь, отражало растущее в стране недовольство политикой генсека КПСС – Горбачева. Лидер демократов Ельцин был избран вначале председателем Верховного совета Российской Федерации. Затем практически под него было организовано изменение Конституции РСФСР, введен пост президента, были назначены выборы по ускоренной схеме, то есть в 3 месяца, несмотря на то, что официально по Конституции на выдвижение кандидатов в президенты и на предвыборную кампанию отводился полугодичный срок. Целью всех этих действий, в итоге являлось то, чтобы на пост президента России был избран именно Ельцин. Искусственно создавалась ситуация спешки, когда нет альтернативы, фактически существует только один достойный кандидат, и всех убеждают в том, что голосовать можно только за

него.

Впервые этот сценарий был разыгран в 1991 году, и легко заметить, что с тех пор президентские выборы в России проходили только по нему: и в 1996-м, и в 2000-м, и в 2004 году. Однако стоит отметить, что первыми его разыграли именно демократы и при непосредственной руководящей и направляющей помощи своих кураторов из-за рубежа. Так что у этого «туземного» сценария выборов не вполне российские корни.

То, что было российским нововведением, так это появление на политической сцене своеобразного персонажа, превращающего предвыборную кампанию в нечто вроде политической клоунады. Именно таким стало появление в числе кандидатов в президенты России Владимира Жириновского. Для регистрации кандидатом в президенты по закону того времени необходимо было собрать 100 000 подписей избирателей в свою поддержку, на что Жириновский со своей карликовой партией рассчитывать, разумеется, не могли. Либо получить поддержку 1/5 народных депутатов РСФСР (более 200 человек). Так вот Жириновскому каким-то образом разрешили выступить на заседании Съезда, а затем провели голосование, сделавшее его кандидатом в президенты. С учетом того, что самой крупной организованной силой на Съезде тогда были депутаты КПСС, а сам Жириновский играл роль некой третьей силы, понятно, что его реальная задача была не дать оппозиции сконцентрироваться вокруг какой-то единой серьезной программы, противопоставленной кандидату власти. Кстати, тогда, по некоторым сведениям, на избирательную кампанию Жириновского управление делами ЦК КПСС выделило три миллиона рублей. В этой истории любопытнее всего то, что с тех пор спрос на политическую клоунаду в Кремле не только не снизился, а даже возрос, несмотря на неоднократную смену его хозяев и даже свершившийся в 1993 году государственный переворот. Во всяком случае, до сих пор партия власти держит при себе Жириновского и имитирует с его помощью некую невнятно-популистскую оппозицию.

Все это вместе взятое показывает, насколько пестрой была политическая сцена России в момент перестройки. Однако главное, в чем сходились все отличные от традиционной КПСС политические направления, – это продвижение демократии, то есть в первую очередь свободных выборов на альтернативной основе. В этом было главное отличие демократов от партократов. К этим выборам они стремились совершенно честно и искренне, несмотря на разнообразие своих политических взглядов. Они считали, что если народ будет иметь право выбора, то он выберет ту политическую ориентацию, которую считает правильной. Для проведения этой политической позиции в жизнь есть орган – Съезд народных депутатов, который реализует ее как высшей орган государственной власти. И таким образом будущее развитие России в любом направлении, каким бы его ни видели представители тех или иных конкретных партий, будет определяться непосредственно волей народа. Эта позиция цементировала самые разные по политическим взглядам силы и объединяла их в политическое движение демократов. И именно потому, что народ России поверил в их искренность, в 1990—1991 годах они одержали идеологическую победу над гораздо более организованной и массовой КПСС.

1.2. Власть брошена

Сразу же после того, как демократы овладели государственной властью в Российской Федерации, положение в СССР, казалось бы, начало развиваться по их сценарию. В августе 1991 года произошло то, что позднее получило название Августовский путч. Фактически это была попытка ортодоксальных деятелей традиционной КПСС развернуть ситуацию с перестройкой, которая привела к дестабилизации и разложению социалистической системы, и хотя бы вернуть ситуацию в круги старого, накатанного, уже испытанного советского строя. Дать задний ход, раз перестройка не удалась.

Но для того, чтобы дать задний ход, надо обладать не меньшей стойкостью и моральными качествами, чем для того, чтобы ввязываться в перестройку. Очевидно, что этих качеств не было уже не только у Горбачева, но и у верхушки КПСС в целом, почему, собственно, она и разложилась. Как следствие – объявившие августовский путч так и не смогли реализовать его до конца и в результате как-то бессовестно сдались на милость ситуации.

В 1991 году, если сравнивать эту ситуацию с 1993 годом, у властей было гораздо больше возможностей для того, чтобы силовым образом подавить любую оппозицию в Белом доме, но аппаратчики КПСС на это не пошли. У них на это просто не хватило духу, а, проще говоря, смелости взять на себя ответственность. Потому что каждый боялся этой ответственности, ждал, что за него это сделает кто-то другой, и если события вдруг развернутся не в том ключе, как хотелось и предполагалось, то можно спрятаться в кусты. То есть проделать нечто вроде того, чем обессмертил себя в истории Руцкой, показав, как он защищал Конституцию РСФСР с автоматом в фабричной смазке – свидетельством того, что из него не было сделано ни одного выстрела. Примерно так же трусливо августовские путчисты защищали советский строй.

Собственно, в 1993 году ситуация была отчасти похожая, но у тех, кто подавлял октябрьское восстание в Москве, было гораздо больше решимости, к тому же этому способствовали определенные международные силы, о чем речь еще впереди.

Во всяком случае, в 1991 году возврата к доперестроечному советскому строю не случилось, поэтому ситуация выглядела парадоксальной. С одной стороны, существовали небольшие демократические партии, как обручем стянутые оргструктурами ДемРоссии, а с другой – существовала огромная махина КПСС со своим российским аналогом – КПРФ, которая, струсив, так далеко забилась в кусты, что ее было не видно и не слышно, как будто она вообще перестала существовать. Поэтому вставший вопрос о роспуске КПСС-КПРФ стал уже чисто формальным, поскольку ее руководство фактически сбежало от своей партии, утратив всякую возможность к сопротивлению.

Ситуация схожая с той, которую Ю.И. Мухин описывает при гибели Польши в 1939 году, когда руководство страны попросту сбежало, бросив свою армию и народ. Примерно то же самое случилось и с руководством КПСС. Как сила она перестала существовать, и в образовавшемся вакууме демократы – Демократическая Россия – обрели силу, на которую они и не смели надеяться. Вопрос уже был не только и не столько в народной поддержке, сколько в том, что демократы фактически остались единственной действующей политической силой, которой ничто не противостояло в России.

Лучшей тому иллюстрацией является история с так называемым Беловежским путчем – подписанием трехстороннего соглашения между Россией, Украиной и Белоруссией о якобы роспуске Советского Союза в декабре 1991 года. С юридической и политической точки зрения оно было полнейшей бессмыслицей, поскольку Светский Союз как образование, основанное на договоре между союзными республиками, существовал только до 1924 года, до принятия первой Советской Конституции. Договор о создании СССР – это договор 1922 года, который в 1924 году прекратил свое действие в связи с созданием Союза ССР как единого государства и соответственно с созданием единой Советской Конституции. По сути, на тех же основаниях, что и этот союзный договор, можно было денонсировать решение Переяславской Рады 1654 года о вхождении Украины в состав России.

Естественно, что в 1991 году никто не рвался это объяснять широким массам. Просто этот договор, якобы существующий, но на самом деле давно прекративший свое существование, вдруг объявили действующим и как бы его расторгли. Мол, захотели – заключили договор, расхотели – прекратили.

Этот юридический блеф, что тоже характерно, был принят и поддержан всем так называемым мировым сообществом, конкретно западными странами во главе с Соединенными Штатами.

Для понимания неординарности такого подхода стоит напомнить, что в свое время Соединенные Штаты не поддержали и формально не согласились с введением Прибалтики в состав Советского Союза в 1940 г. и продолжали поддерживать с СССР дипломатические отношения, не считая при этом Прибалтику частью Советского Союза. Такой вот был политический парадокс на протяжении десятилетий. И если исходить из тех же критериев юридической и политической принципиальности, очевидно, они должны были бы не признать и раздел Светского Союза, поскольку с юридической точки зрения он был абсолютно незаконен.

Но этого, разумеется, не случилось, так как политический интерес США как раз состоял в разделе Советского Союза, а если выразиться точнее, то в его уничтожении как геополитического противника. При этом раздел подразумевался как этап к такому «окончательному решению советского вопроса». Те, кто имел дело с Демократической Россией того времени, пользовавшейся все более открытой и откровенной государственной поддержкой США, помнят, что политический курс на раздел Советского Союза был в то время своего рода пропуском к спонсированию любой политической организации в СССР с ее, а, следовательно, и с американской стороны.

Вспоминается казус 1990 года, когда Ельцин, в пору очередной волны притеснений русских в Эстонии позволил себе высказаться в том духе, что, мол, Россия их не оставит. Товарищи из вашингтонского обкома через своих парторгов из ДемРоссии быстро растолковали ему, какие нужно иметь взгляды, если хочешь остаться во главе демократического движения. И через пару дней привыкший еще с младых соплей схватывать на лету вышестоящие указания Борис Николаевич публично развернулся на 180º, объявив, что залог обеспечения прав русских – независимая Эстония…

Это очень важно подчеркнуть сейчас, потому что сейчас в США стараются всячески откреститься от того, что они каким-то образом способствовали разделу СССР. Будто бы он произошел как бы сам собой, помимо их воли и влияния, и вызвал в американском руководстве чуть ли не сожаление о происшедшем. Во всяком случае, в последнем выступлении американского посла, которое я видел по Российскому телевидению летом 2007 г., поддерживалась именно такая точка зрения.

Кроме того Беловежское соглашение по нормам действовавшей тогда российской Конституции должно было быть одобрено Съездом народных депутатов, поскольку это был договор, предусматривавший изменение конституционного устройства Российской Федерации как части СССР. А изменение Конституции было в компетенции исключительно Съезда народных депутатов.

Однако это соглашение на протяжении всего периода времени вплоть до государственного переворота 1993 года президентская команда так и не осмелилась вынести на обсуждение Съезда народных депутатов. Хотя с того времени в апреле 1992 года состоялся VI Съезд, в декабре 1992 года – VII Съезд народных депутатов, в марте 1993 года VIII и IX Съезды. Ни на одном из них Беловежские соглашения так и не были выставлены на ратификацию. То есть юридически так и остались недействительными. Что не помешало правовым демократическим государствам вроде США сразу же их признать.

Примечательный штрих. Когда в декабре 1991 года сразу после их подписания они были вынесены на одобрение Верховного Совета России (что было необходимым этапом перед их представлением Съезду народных депутатов), за них проголосовало большинство членов Верховного Совета. Причем среди этого большинства оказались почти все члены фракции «Коммунисты России», которые в совокупности проголосовали за раздел Советского Союза. Это лишь подчеркивает тот факт, что тотальная победа демократов в 1991 году происходила при полной деградации КПСС, которая разлагалась прямо на глазах и толпами сдавалась на политическую милость победителей.

1.3. Раскол победителей

И вот именно в этот момент оказалось, что виды на случившуюся победу у демократов разные. Поскольку в самой ДемРоссии все-таки далеко не все стояли на позиции, настойчиво навязываемой из-за рубежа и состоявшей в том, что главной победой демократии должно стать разрушение Советского Союза.

В Демократической России в это время обозначились два потока. Первый полностью находился на западных позициях. В нем состояло организационное ядро ДемРоссии и именно из него вышли все видные демократы, занявшие затем государственные посты, как то Гайдар, Чубайс, Степашин и т.п. А второй поток состоял из тех, кто был привлечен в Демократическую Россию собственно демократическим процессом, но кто вовсе не ставил себе задачу разрушения Советского Союза как формы российского государства. Эта государственная дестабилизация, или как ее тогда деликатно называли, «демонтаж СССР», шла как бы вторым планом за достижением демократических перемен, которую Демократическая Россия, естественно, выставляла как свою основную задачу.

До тех пор, пока шла борьба за демократию с КПСС, эта вторая задача в демократической пропаганде практически не проявлялась. Однако с разложением КПСС-КПРФ она вышла на оперативный простор. Да и западные спонсоры требовали оплатить политические счета этого своеобразного идеологического ленд-лиза. И вот эта вторая задача оказалась далеко не всем демократам по вкусу. По сути, именно она привела вначале к расколу, а затем и к политическому краху ДемРоссии.

Надо сказать, что в ту пору иностранное политическое вмешательство во внутренние дела России носило крайне простой и незатейливый характер. В это время я был в руководстве Конституционно-Демократической партии, которая также входила ранее в Демократическую Россию; точнее, я начал в ней состоять тогда, когда она уже вышла из этого объединения. Так вот, помню, был момент, когда к нам в штаб-квартиру КДП пришел резидент ЦРУ в Москве собственной персоной. Это был достаточно симпатичный мулат, крайне вежливый, хорошо говорящий по-русски. Он пришел к нам, представился именно как резидент ЦРУ, и стал интересоваться, какова наша политическая позиция по самым разным вопросам. В первую очередь относительно раздела Советского Союза. С нами не спорил, просто выяснял наши взгляды. Беседа шла где-то часа полтора, после чего он поблагодарил, откланялся и ушел.

Само собой, после того, как наша позиция была изложена, а она была далеко не тождественна американской линии на раздел СССР, о которой нам также было хорошо известно, никаких дальнейших контактов резидента с нами не было. Но где-то же он нашел понимание! И выяснил, на кого можно делать ставку, а на кого нет. Во всяком случае, для нас после этой беседы было очевидно, что этот контакт был вызван не простым любопытством, а задан необходимостью прощупать, на кого можно опереться на очередном этапе этой политической интервенции.

Тот период я бы назвал временем демократического беспредела. Для примера приведу такой факт. В Москве в то время оставалось множество союзных министерств, которые с разделом Союза, тотальной либерализацией и демократизацией фактически оказались совершенно не у дел. Хотя они и продолжали сидеть на массе материалов, в том числе и секретных, которые относились к различным областям советской экономики. И вот как-то по служебным делам я зашел в здание одного из этих министерств в центре, в районе Тверской. В ту пору в министерских зданиях уже действовали какие-то частные полупредприятия – полукооперативы, которые арендовали министерские площади и за счет которых работники министерств находили средства к существованию. Идя в одно из таких предприятий, я вдруг увидел, как в конце длинного министерского коридора (а в здание министерства вход еще был по пропускам) стоят два морских пехотинца США в полной форме. Ошалев от этой картины, я спросил у проходивших сотрудников, что, собственно, происходит. Оказалось, что угол в этом министерстве снимает посольство Соединенных Штатов. Но самое любопытное – зачем.

Было объявлено, что правительство США предоставляет гранты на научные разработки, для чего предлагает всем работникам этого министерства и подведомственных ему предприятий приносить туда свои научные изыскания. Причем с учетом специфики деятельности министерства было ясно, что эти изыскания имеют секретный характер.

И якобы на основании их научной ценности будет вынесено решение, предоставить ли грант – несколько тысяч долларов – на их дальнейшее проведение или нет. Вот такая вот помесь конверсии с либерализацией.

Естественно, туда потянулись обнищавшие работники этих министерств и их ученые со своими секретными разработками. Их документы тут же ксерокопировались и посылались через спутниковую антенну, которая была установлена тут же, прямиком в Соединенные Штаты. Якобы для принятия решений.

Более явного и наглого способа выкачки секретной информации из страны было даже трудно себе представить. Поняв, о чем идет речь, я буквально обалдел. Но это происходило с ведома и при покровительстве демократических властей России прямо в ее столице, непосредственно в центре, управлявшем ее научно-техническим потенциалом.

Все это к тому, что политическая победа демократов стала отнюдь не просто победой демократии. Это была еще победа тех, кто финансировал Демократическую Россию, и после победы они торопились получить свои дивиденды. А должники, то бишь демократы, севшие на государственные должности, расплачивались с ними государственными интересами России.

Кстати, чтобы закончить историю со спутниковой антенной и морскими пехотинцами в советском министерстве. Естественно, я был не единственный сообразивший, что и для чего здесь делается. Но когда я спросил об этом работников министерства, они отреагировали просто: «Чего вы за наши секреты беспокоитесь, когда такая же антенна установлена прямо в зданиях ЦК КПСС,

на Старой площади? Оттуда не то что секреты, а государственные тайны идут прямым потоком в Вашингтон».

Да, нам не раз твердили, что Советский Союз проиграл холодную войну. Но вряд ли кто ожидал, что ее проигрыш выльется в настоящий оккупационный режим.

В этот момент казалось бы тотального торжества демократии, когда стало возможным все – и присутствие морских пехотинцев в здании советского министерства, и полная свобода рук для резидента ЦРУ в Москве, – казалось бы в этот момент должен был наступить ее долгожданный расцвет. Главную объявленную цель Демократической России сейчас можно было осуществить спокойно и без всяких ограничений. И самым странным для многих из тех, кто из честных побуждений верил в эту цель, было то, что как раз именно в этот момент демократия и стала сворачиваться.

В частности, Ельцин как президент и лидер демократического движения на V Съезде народных депутатов, проходившем в ноябре-декабре 1991 года, потребовал для себя чрезвычайных полномочий сроком на год. Ввиду трудностей переходного периода. Причем эти полномочия означали, что указы президента могли противоречить российским законам! Буквально в последний момент этот беспредел был смягчен лишь одной косметической поправкой: если Верховный Совет не проголосует против этого указа в течение недели. Иначе он вступает в законную силу. Но так как Верховный Совет, а уж тем более Съезд собирался периодически, а президент и его окружение действовали постоянно, каждый день, то это реально означало президентское правление без какого-либо контроля, обоснований и голосования за то, что он принимает.

Кстати, как тут же выяснилось, эти чрезвычайные полномочия нужны были в первую очередь для подписания Беловежских соглашений о разделе СССР. Поскольку понятно, что такие вопросы в один миг не решаются, стало очевидным, что Ельцин и его команда прекрасно знали, для чего именно нужны им эти полномочия, но, естественно, добиваясь их, не обмолвились об этом ни словом.

Для искренних демократов это было первым шоком.

1.4. Вождь Ельцин

Вторым стало то, что в свое время Ельцин, когда шел к власти, не просто просил поддержки у ДемРоссии, но и обещал, что его президентская деятельность будет опираться на широкое сотрудничество с демократическими партиями. После августовского путча был организован даже некий партийный совет при президенте. Однако этот совет очень быстро приказал долго жить, и никакой политической роли в дальнейшем не играл, и после нескольких заседаний его просто прекратили созывать. И на то были реальные причины.

Например, среди способов реализации демократических завоеваний, которые предлагали члены этого Совета, было введение избираемости судей народом. Как это практикуется, например, в США. Здесь даже не надо было думать, практикуется или не практикуется это в мире. За модель для копирования можно было взять американскую модель, считавшуюся тогда чуть ли не апофеозом демократии. Тем более, что тогда уже были в ходу идеи разделения властей по американскому образцу.

Так вот там это разделение достигается, в частности, тем, что судей выбирают точно так же, как и депутатов. Из профессионалов-юристов, но избиратели их округа, те самые, которых они затем будут судить. И при этом понятно, что тех, кто судит за взятки или по команде сверху, на свою должность ни в этом, ни в другом округе не изберут.

Схема простая и понятная, но президентская команда отказалась пойти на нее наотрез. Под любым предлогом. Не готовы, не созрели, у нас другие традиции, давайте защитим статус судей, дадим им какие-то гарантии, только не избрание их путем народного голосования. На фоне только что одержанной победы такое торможение демократии смотрелось дико. Хотя, если учесть то, что сделала в дальнейшем ельцинская команда, понятно, что она и не рассчитывала на какую-то законность своих действий. А потому демократия в первую очередь являлась помехой для них самих.

Становилось очевидным, что для Ельцина и его ближней свиты, демократия была не более чем политической игрой, никаких реальных изменений в тот стиль работы, к которому они привыкли в советское время, и не предполагалось.

К слову сказать, для тех, кто видел и контактировал с Ельциным в этот период (а это был все более и более широкий круг людей, во всяком случае, шире, чем кулуары ЦК КПСС или министерства, в котором он оказался после того, как его вывели из ЦК КПСС), так вот, достаточно широкий круг людей увидел, что этот человек, ставший лидером России, по сути слабо вменяем в силу постоянного алкогольного отупения. Со стороны трудно было понять, стало ли стадией хронического заболевания, или он просто постоянно был навеселе.

Я припоминаю, например, такой эпизод. На VII Съезде народных депутатов в декабре 1992 года ни одно заседание Съезда Ельцин не просидел целиком. Он либо выступал, затем сразу же уходил, либо появлялся на своем месте в начале заседания на короткое время, потом опять же пропадал, либо появлялся, чтобы сделать какое-то короткое заявление, после чего опять же уходил. Одним словом, постоянно на Съезде он не присутствовал. Дела у него были или что-то другое – из зала было не понять. Но вот в один из таких заходов он посидел некоторое время на своей специальной президентской трибунке (она стояла не в президиуме Съезда, а как бы рядом с ним), после наступил перерыв, и он решил выйти из Большого Зала Кремлевского Дворца не какими-то дальними кулуарами, а через общий коридор, в котором обычно толпились выходившие с заседания делегаты и гости Съезда. В этом коридоре оказался и я и увидел, как мимо проходит Ельцин.

Это было впечатляющее зрелище. Во-первых, потому, что он был окружен плотнейшим кольцом охраны, которая фактически расталкивала всех, кто попадался на пути следования президента, в то время как тот шел в середине, в образовавшемся небольшом пятачке. Во-вторых, что меня поразило еще больше, президент шел какой-то особой походкой, чем-то схожей с поступью циркового медведя на задних лапах: неустойчивой, переваливающейся с ноги на ногу. При этом к его лицу как бы приклеилась какая-то глуповатая улыбка. В тот момент я оказался притиснутым к известному демократическому депутату Травкину и спросил, не обращаясь специально к нему, а так, как бы в воздух: «Он что, пьяный, что ли?» На что последовал ответ, также обращенный не ко мне, а скорее вырвавшийся сам по себе: «В дымину!..»

То есть состояние президента, которое я увидел впервые, на самом деле для окружавших его людей не было каким-то неестественным. О пристрастии Ельцина они знали, и понимали, в частности, то, что этот человек не в состоянии уже принимать самостоятельно какие-либо решения, потому что этого просто не позволяло его физическое состояние.

Из тех же воспоминаний о VII Съезде всплывает еще такой случай. Как-то раз на одном из заседаний по поводу разгоревшейся дискуссии выступил Ельцин. Он вышел, прочитал свою речь по бумажке в течение 3—5 минут, достаточно эмоциональную, с его мощными знаменитыми паузами и ударениями, после чего вернулся на свое место, а еще чуть позднее вовсе покинул заседание. Кстати, на этом Съезде речь шла как раз о прекращении его чрезвычайных президентских полномочий. Это ему чрезвычайно не нравилось, именно вокруг этого и шла дискуссия Съезда: поддерживавшие его демократы пытались продлить ему эти полномочия.

Прослушав речь Ельцина, я не стал ждать окончания заседания и с плотской целью побыстрее прорваться к буфету, пока не хлынула выходящая с заседания толпа народа, вышел в коридор. Рядом с буфетом было что-то вроде информационного стенда, где вывешивались разные материалы Съезда. Среди прочих я увидел только что произнесенную речь президента. Еще отметил – насколько оперативно! Подошел, прочитал ее. И только отойдя, спустя несколько мгновений до меня дошло – что я прочитал! Я рванулся назад, чтобы сорвать этот листок и сохранить его на память. Но кто-то успел это сделать до меня. И ведь было что сохранять! Это была копия непосредственно того, что Ельцин читал с трибуны, той самой бумажки, что лежала перед ним. Но

это были необычные полторы страницы бумаги. Выступление с речью, написанной заранее, – эка невидаль! Но вопрос – как оно было написано. Помимо крупного шрифта для чтения с трибуны, в тексте особым образом были проставлены эмоциональные всплески и затухания самой речи. То есть, если надо было сказать «ну вот», сделав на втором слове ударение, то это «вот» писалось как «вооoот». По сути, нужно было просто прочитать даже не текст, а его звуковую транскрипцию, чтобы получилась некая взволнованная речь с придыханиями, паузами, акцентами и т.д. Сам выступавший с трибуны в нее уже никакого смысла или души не вкладывал: он был лишь читальной машиной. В тот период, видя состояние Ельцина, я, как и многие, предполагал, что реально решения принимает уже не он сам, а скорее стоящая за ним клика. Но то, что она манипулирует не только его словами, но даже эмоциями, – это было потрясающее открытие, сделанное на том Съезде.

Неудивительно, что именно в этот период произошел раскол Демократической России. Из нее вышла масса честных демократов, которые поняли, что от этой власти никакой демократии не дождаться, можно дождаться только национального разрушения.

Таким образом, только что одержанная демократами победа тут же разделилась. И солидный пласт вчерашних победителей тут же оказался в оппозиции и своей победе, и вчерашним соратникам. Одержанная таким образом совместная победа оказалась победой не для всех.

Остается фактом, что после триумфа демократов над Советским Союзом никакого расширения демократии по сравнению с тем, что было достигнуто в советский период – я имею в виду закон о политических партиях, о свободных альтернативных выборах и т.д. – так вот, никакого расширения демократии по сравнению с уже существовавшей на тот момент не произошло. Наоборот, сразу же пошел процесс ее сужения. И начался он не когда-то потом, а непосредственно в конце 1991 года.

1.5. Ельцин и депутаты

Итак, в тот момент, когда ДемРоссия как политическая организация, сориентированная на разрушение Советского Союза, получила все козыри в свои руки, поскольку союзная власть ввиду трусости лидеров КПСС-КПРФ фактически уже не существовала; в тот момент когда Ельцин и компания могли, казалось, осуществить все, что хотели, вот в этот момент Съезд народных депутатов России начал разворачиваться вспять. Для демократов это было достаточно шоковое явление, потому что в той схеме, которую создал Горбачев для Союза ССР и которая была воспроизведена в российских условиях, Съезду народных депутатов, хотя и высшему органу государственной власти, обладающему всеми возможными полномочиями, отводилась скорее вспомогательная роль. Горбачевская идея состояла в том, что Съезд народных депутатов, собираясь раз или два в году, будет просто штамповать те решения, которые принимает Верховный совет, а сам Верховный Совет будет избираться на постоянно действующей основе, как и Верховный Совет СССР. Кстати сказать, он был даже меньше по численности, чем Верховный совет в досъездовский период. Творцы этой идеи полагали, что реальная государственная деятельность будет проходить также кулуарно, как и ранее, но под демократическим ореолом Съезда народных депутатов, который будет просто штамповать эти решения, так как времени на их обсуждения у него просто не останется. По сути та же схема была воспроизведена в Российской Федерации.

И вот в этот момент обнаружилось, что у Съезда народных депутатов есть свое мнение, и оно выходит далеко за рамки того, чтобы просто штамповать некие законы, которые уже обсудил Верховный совет. Во-вторых, оказалось, что это мнение может меняться с течением времени. Сообразно тому мнению, которое имеют избиратели, то есть вся Россия, по тому или иному вопросу государственной жизни.

Вообще-то, именно в этом и состоит смысл демократии, ее воплощение: донести волю народа до государственной власти и заставить государственную власть действовать так, чтобы воля народа осуществлялась. Съезд народных депутатов неожиданно оказался тем инструментом, который в масштабах России дал возможность донести непосредственную волю избирателей до государственной власти и заставить ее действовать так, как считает народ. Так что с этой точки зрения ничего особенного в том, что Съезд народных депутатов стал действовать сообразно этой народной воле, не было. Но вот с точки зрения тех, кто замышлял этот процесс и кто предполагал его как некий новый вариант управляемой демократии, с новым облагороженным лицом, но со старыми возможностями и рычагами управления, для них такой оборот дела оказался большим сюрпризом.

К тому же в деятельности Съезда народных депутатов выявилась еще одна неприятная особенность. Депутатов Верховного Совета было всего 252 человека на всю Россию. Они работали в Верховном Совете на постоянной основе и таким образом как бы получали постоянную работу в Москве. Они обзаводились здесь квартирами, начинали жить, естественно, начинали думать о своих московских интересах уже больше, чем об интересах тех регионов, из которых они вышли, и потому становились людьми, гораздо больше покладистыми для кремлевских властей. Поскольку каждый из них думал о том времени, когда закончатся его пятилетние полномочия, куда он денется потом, если его не изберут на следующий срок (а это была реальная угроза, так как за это время связи со своим регионом в значительной мере утрачивались). Таким образом, эти люди были гораздо более гибкими и чувствительными к разного рода предложениям о переходе на постоянную государственную службу, то есть в исполнительную власть, подчиненную Кремлю. Иначе говоря, это тот контингент людей, который был объективно склонен к подкупу исполнительной властью. Не в силу какой-то особой подлости натуры, а объективно поставленный жизнью в такие условия.

А вот остальные народные депутаты (в совокупности их было больше тысячи, а членов Верховного Совета из них было меньше четверти) наоборот постоянно находились в своих регионах, приезжая в Москву лишь на сессии несколько раз в год. Они жили жизнью своего региона, связи с ним не теряли, и вообще жили его жизнью. Их будущее было не в Москве, а там, и в гораздо большей степени оно зависело от мнения окружающих их людей, чем от блата у кремлевского начальства. Поэтому подкупить каждого из них в отдельности было задачей, гораздо более сложной, да и трудно исполнимой, поскольку их было много. Да и далеко не каждый из народных избранников вообще был склонен к подкупу, особенно в то время, ведь все-таки основным мотивом их избрания народными депутатами было стремление повлиять на политические судьбы России, а не прислониться к сытому корыту, как сейчас в Думе. И вообще, пристроить такое количество людей на теплые местечки в органах государственной власти было, конечно, гораздо сложнее, ведь государственный аппарат тоже не резиновый.

Для понимания вопроса вот, например, история двух соратников Хасбулатова, его первого зама, Сергея Филатова, и председателя комитета Верховного Совета по экономической реформе Сергея Красавченко. Их переход с должности народного депутата в администрацию президента напрямую связан с известной аферой с ваучерами.

Дело в том, что приватизация государственной собственности в принципе не имела права осуществляться без санкции Верховного Совета и в дальнейшем Съезда народных депутатов. Соответственно, в аппарате Верховного Совета разрабатывалась совершенно иная схема приватизации, о которой Филатову было хорошо известно. Эта схема не имела ничего общего с ваучерной аферой, задуманной Чубайсом и его соратниками из «правительства реформ». Шансов на ее прохождение через Верховный Совет и Съезд практически не было.

Тогда «реформаторы» тайком подготовили и напечатали ваучеры, пока Верховный Совет находился на каникулах. Как часто бывает в России во времена путчей и прочих государственных переворотов, это происходило летом 1992 года. Затем состряпали президентский указ о введении приватизационных чеков, который согласно чрезвычайным полномочиям Ельцина должен был быть отвергнут Верховным Советом в течение недели, либо вступал в законную силу. И как бы по чистому совпадению направили его для согласования в Верховный Совет как раз тогда, когда в период отпусков там был за главного Филатов. Вкупе с

Красавченко они устроили так, чтобы этот указ никому больше на глаза не попадался. И, за отсутствием возражений со стороны Верховного Совета, он через неделю вступил в законную силу. Мавр сделал свое дело, и правительство Гайдара тут же приступило к раздаче их населению под бравурный марш о том, как каждый россиянин получит на них по стоимости две «Волги». Реальная цена ваучера, как известно, оказалось равной стоимости двух бутылок водки. Когда же депутаты смогли собраться на свое пленарное заседание, оказалось, что приватизация по факту уже совершилась: можно голосовать за ту или иную схему, но чеки уже розданы и поезд ушел.

Понятно, что чистым совпадением является то, что Филатов вскоре получил должность руководителя администрации президента, а Красавченко – его заместителя.

То, что процесс приватизации начинался и проводился вот таким жульническим способом, уже достаточно хорошо показывает, каково в действительности было соотношение между так называемым демократическим правительством России и реальной демократией. Ваучерная приватизация вылилась в грабеж государственной собственности, (кстати, те, кто эту схему проводил, также не сомневались в том, что это грабеж) и именно поэтому ее не хотели представлять на обсуждение ни Верховному Совету, ни Съезду народных депутатов, а осуществили явочным порядком. По сути, не прошло и нескольких месяцев после взятия власти, а те, кого называли демократами, сами начали торпедировать демократию.

Тем не менее Съезд народных депутатов оставался главным и высшим органом государственной власти, то есть мог принимать любые решения. Но что было особенно неприятно, что те чрезвычайные полномочия, которые Ельцин получил в конце 1991 года сроком на год после всего, что со страной за этот год случилось, продлить на Съезде народных депутатов было практически нереально. И поэтому уже к концу 1992 года стало ясно, что после окончания этих чрезвычайных полномочий президентская команда попадает в очень неприятную ситуацию. Во-первых, нельзя уже будет безраздельно править, поскольку все свои решения согласно российской конституции надо будет согласовывать с Верховным Советом и со Съездом народных депутатов, то есть проводить их не в чрезвычайном, а в легальном, предусмотренном законом порядке. А во-вторых, это становится необычайно трудным именно потому, что после всего, что со страной за этот год случилось, поддержка Ельцина и его команды сокращается среди народных депутатов с каждым днем.

Эволюцию их позиций, а вместе с ней и всей России, легко проследить по ходу самих Съездов народных депутатов.

В этом смысле очень показательным был VI Съезд народных депутатов, который происходил весной 1992 года. Дело в том, что с момента подписания Беловежских соглашений они так и оставались фактически нелегальными, поскольку для того, чтобы эти соглашения вступили в законную силу, необходимо было голосование Съезда народных депутатов, ибо эти соглашения предполагали изменение конституционного устройства Российской Федерации как части СССР. Если же учесть, что уже мартовский референдум 1991 года выявил, что больше 70% жителей Советского Союза выступают за его сохранение, то эти соглашения уже тогда были крайне непопулярны. А поскольку Съезд народных депутатов в отличие от Верховного совета тесно связан со своими избирателями, стало очевидно, что через Съезд народных депутатов это решение провести будет крайне трудно.

При этом получалось, что если вдруг голосование за Беловежские соглашения не пройдет, то, значит, они будут денонсированы высшим органом государственной власти России и Советский Союз нельзя признавать распущенным. Таким политическим решением демократы рисковать не могли, да и их американские спонсоры им бы этого не позволили.

Поэтому демократы решили как бы изъять Советский Союз из конституции Российской Федерации по частям. Иначе говоря, изменить в соответствии с духом Беловежских соглашений все те статьи конституции, в которых говорилось о том, что Российская Федерация является частью Союза ССР и таким образом провести голосование по Беловежским соглашениям как бы де-факто: мол, в российской конституции больше нет статей, в которых говорится, что Российская Федерация – это часть Советского Союза. А раз так, то и выставлять их на голосование Съезда не нужно. Такова была схема. Очень скользкая с юридической точки зрения, но единственная, которая им оставалась, потому что они были уверены, что если прямо поставить вопрос о ратификации Беловежских соглашений, то он на Съезде провалится.

И вот на VI Съезде народных депутатов шла упорная борьба за то, чтобы изъять из различных статей Конституции Российской Федерации упоминания о Советском Союзе в самых разных контекстах. Причем подавалось это под самыми разными соусами: то под приведением в соответствие, то еще под какими-то совсем невинными. Но самой главной оставалась 6-я статья Российской Конституции, в которой прямо говорилось, что Российская Федерация является частью Союза ССР. И вот в течение VI Съезда народных депутатов изъять эту статью из Конституции Российской Федерации так и не удалось. То есть, несмотря на то, что этот Съезд проходил всего через несколько месяцев после того, который дал Ельцину чрезвычайные полномочия, оказалось, что изъять эту статью из Конституции невозможно. Ситуация, которая еще в ноябре 1991 года казалась немыслимой, потому что тогда поддержка Ельцина со стороны Съезда народных депутатов после августовского путча 1991 года была практически тотальной.

Это все означало, что если на следующем – VII – Съезде народных депутатов в декабре 1992 года не удастся продлить чрезвычайные полномочия Ельцина, то его политический крах не за горами. Тем более что для большинства народных депутатов провальная политика с тотальным разорением населения, с изъятием у него всех доходов, с фантастической инфляцией, которая сожрала все сбережения, была связана тесно с правительством Гайдара. А с этим правительством четко ассоциировал себя Ельцин, всячески его поддерживал, ставил между собой и этим правительством знак равенства. Само же правительство держалось у власти только на чрезвычайных полномочиях Ельцина (именно поэтому Гайдар всегда формально оставался и.о. председателя правительства), поскольку для занятия этой должности ему нужно было пройти через утверждение

Съездом, а на это шансов, да еще и после года столь лихих реформ, просто не было.

А это, в свою очередь, значило, что этому правительству придется уйти, а вместе с ним и политику в той или иной части придется менять. Вот такая выстраивалась цепочка.

Поэтому в тот период, во второй половине 1992 года шла отчаянная борьба за дату созыва Съезда народных депутатов. Дело в том, что чрезвычайные полномочия были даны Ельцину по 1 декабря 1992 года. Таким образом, позиция президентской компании была в том, чтобы провести Съезд, например, в ноябре или октябре 1991 года, и, не поднимая на нем вопрос о полномочиях, как бы автоматически их продлить. То есть изобразить дело так, будто бы съезд не принял решения об окончании чрезвычайных полномочий, об этом как бы все забыли, и потому они продолжаются сами по себе. Или же провести съезд после 1 декабря, то есть когда уже стало бы ясно, что по факту эти полномочия все равно продолжают осуществляться. А тут, глядишь, и съезд прошел, который снова не принял по этому поводу никакого решения, значит, своим молчанием это дело как бы санкционировал.

Тем не менее съезд удалось все-таки назначить на 1 декабря 1992 года. Высший орган государственной власти соответственно принял постановление о том, что чрезвычайные полномочия президента закончились, из чего следовало, что эти полномочия не возобновляются. И отсюда вопрос – что будет дальше с правительством Гайдара – стал тоже очевидным. Выставлять его на голосование на Съезде народных депутатов было вещью заведомо провальной. Тем не менее Ельцин попытался это сделать, причем два раза. После третьего раза полагался то ли роспуск Съезда, то ли еще что-то, – мера, на которую он пойти тоже не мог, потому что понимал, что при этой Конституции и при этой системе выборов народных депутатов настроения вновь избранных депутатов будут еще более радикальными, чем те, которые были избраны в 1990 году. Таким образом, появилось правительство Черномырдина, а правительство Гайдара ушло в отставку.

В результате в декабре 1992 года, когда съезд прошел, чрезвычайных полномочий сохранить не удалось, а «правительство реформ» пришлось отправить в отставку, Ельцину и его команде стало очевидно, что с этим Съездом им не ужиться. Потому что если и дальше события будут развиваться в том же русле, а реформы никто не собирался останавливать на половине пути, ни демократы, ни их старшие товарищи из вашингтонского обкома, то кончатся они тем, что Россия еще более радикализуется, а Съезд вслед за ней рано или поздно объявит Ельцину импичмент, то есть отстранит его от должности. Стало ясно, что весь этот процесс разрушения страны изнутри, выполнявшийся при помощи так называемых демократов, будет обрушен демократической процедурой, на которую съезд имел конституционное право и реальную возможность его осуществить. Во всяком случае, народные депутаты вполне были способны реализовать эту меру где-то в ближайшем будущем.

Нужно отметить, что с точки зрения выборности органов государственной власти, сам по себе процесс импичмента есть вещь совершенно естественная. Более того, это высшее олицетворение демократии. Депутаты, избранные народом, которые всецело поддерживали Ельцина тогда, когда он давал обещания стране, после того, как эти обещания не выполнены, были в состоянии конституционно отстранить от должности политически обанкротившегося президента. То, что этот чрезвычайно тонкий и деликатный инструмент соответствия воли народа и возможности управлять государственной властью реализовался на съезде народных депутатов, было, возможно, случайной, но очень впечатляющей победой демократии.

И именно эта победа демократии, именно эта возможность реализации демократических принципов ельцинскими демократами воспринималась как главная угроза их власти! Иначе говоря, уже в декабре 1992 года они поняли, что демократия в подлинном своем виде является их главным врагом, и для того, чтобы провести свою политическую линию, им надо эту демократию свернуть, приструнить, обнулить. Вот такой неожиданный итог подвели демократы на рубеже 1993 года.

1.6. Дрессировка демократии

После VII Съезда народных депутатов, то есть с декабря 1992 года, стало ясно, что так называемому демократическому правительству Ельцина во главе с наследовавшим Гайдару Черномырдиным собственно с демократией не ужиться. И поэтому сценарий дальнейших действий был ими выбран по той же аналогии, по которой они действовали в отношении Союза ССР. То есть для того, чтобы получить верховную власть, надо сместить Горбачева, соответственно, чтобы сместить Горбачева, надо разрушить Союз ССР. Само собой, что такой подход оказался весьма привлекателен для Соединенных Штатов как геополитического конкурента СССР.

В этом же случае логика была такова: упразднить Съезд – это отменить действующую конституцию, а ее отмена означает, что больше не надо будет себя связывать никакими демократическими нормами, то есть править практически бесконтрольно.

Конечно, сделать это было просто так невозможно. Дело было не только в том, что по действующей конституции именно Съезд народных депутатов, а не президент являлся высшим органом государственной власти. Ко всему прочему при вступлении в должность президент приносил клятву исполнять эту конституцию. Собственно кроме этого президент ни в чем не клянется. Как в России, так и во всем мире. Ритуальная фраза. Но в этих условиях она стала ключевой.

Отсюда взялось известное изречение Ельцина, что мол я эту конституцию исполнять не буду, поскольку в нее уже внесли больше трехсот поправок, и это уже не та конституция, которой я присягал. Это была правда, но не вся правда. А, как известно, лучшие сорта лжи получаются именно из полуправды. В данном случае она состояла в том, что из трехсот принятых поправок в конституцию РСФСР более двухсот были внесены именно президентской стороной. Так что пенять на то, что конституцию на 2/3 переделали именно по его просьбе, было, разумеется, чистой воды демагогией.

В известном смысле ситуация напоминала известную на всю Россию фразу Ельцина, обещавшего лечь на рельсы, чтобы не допустить повышение цен на ряд потребительских товаров, планировавшееся последним правительством СССР. Однако когда с приходом самого Ельцина к власти цены абсолютно на все товары взлетели в десятки, а затем и сотни раз, он не моргнув глазом заявил, что это не повышение цен, а их либерализация, а уж насчет либерализации он ничего не обещал.

По сути, и в этот раз Ельцину и его сподвижникам надо было сделать как раз то, что они клятвенно обещали не делать – поломать конституцию России.

В марте 1993 года состоялась первая попытка государственного переворота. По телевидению был зачитан некий указ о приостановлении полномочий Съезда, на что президент, естественно, не имел никакого права. Затем последовала поспешная отмена этого указа и объявление его самим Ельциным буквально на следующий день чуть ли не шуткой. Что же в действительности произошло?

Была сделана первая попытка решить вопрос, так сказать, с налету. Предполагалось, что как только Съезд народных депутатов будет объявлен распущенным, народные депутаты России поведут себя так же, как повело себя большинство народных депутатов Союза ССР, то есть прижмут уши к спине и как зайцы разбегутся в разные стороны. Таким образом, Съезд просто окажется несуществующим органом ввиду отсутствия на нем кворума. А вместе с ним и конституция, провозглашающая его высшим органом государственной власти, прекратится сама по себе.

Но этого не произошло. Съезд народных депутатов СССР созывался по горбачевской схеме: с квотами депутатских мест для общественных организаций, квотами для КПСС, – в общем, доля депутатов, делегированных на Съезд при помощи разных партийных механизмов, составляла не менее трети от их общего числа. А вот Съезд народных депутатов России весь целиком избирался по избирательным округам, причем в достаточно жесткой борьбе и на конкурентной основе.

Здесь произошло достаточно интересное явление для сравнения действий демократических механизмов в том и в другом случае, в случае Союза ССР и в случае России. Российские депутаты, которые сами боролись за свои места, не разбежались, не стали самораспускаться. Наоборот, сразу же после объявления этого указа был собран чрезвычайный съезд, на который съехались делегаты со всей страны. Естественно, на съезде был кворум. Стало понятно, что Ельциным была совершена попытка антиконституционного переворота, который ввиду того, что он сразу же и полностью провалился, было решено объявить чем-то вроде шутки.

В действительности президенту это было легко сделать ввиду тотальной поддержки возглавляемой им исполнительной власти основными средствами массовой информации. Официальные СМИ, в первую очередь телевидение, поддерживали его полностью по причинам, о которых стоило бы рассказать отдельно, но которые вкратце сводились к следующему.

Когда политический и экономический беспредел стали возможными после победы так называемых демократов и роспуска Союза ССР, тогда же во взаимоотношениях президентской власти со средствами массовой информации, в частности с телевидением как самом мощном из них, возникла своего рода схема откупов на феодальный манер. Мало того, что все руководство телевидением захватила демократура и ее ставленники. Суть еще в том, что этой демократуре фактически дали лицензию на неограниченное воровство. Прежде всего доходов от рекламы.

Если кто помнит, именно тогда телевидение начала захлестывать рекламная волна, которая странным образом, несмотря на все более и более возрастающие расценки от рекламы, в официальный бюджет телевидения не попадала. Доходы растекались по образованным при телевидении разного рода рекламным компаниям, которые получали от телеканалов лицензию на то, чтобы

вести рекламную деятельность и продавать рекламное время. Они это рекламное время продавали, но доходы от него шли уже не в телевизионный бюджет, а этим кампаниям. Они же этими доходами делились с верхушкой телевидения, которая и определяла ее политическую линию. По этой схеме государственная власть, в первую очередь – исполнительная, зная и поощряя это, никак в этот процесс не вмешивалась и давала им таким образом воровать. В обмен же на закрытые на воровство глаза требовалась политическая лояльность.

Естественно, что люди, которые открыто занимаются расхищением и, так сказать, обналичиванием телевизионного времени с последующей перекладкой его в свой карман, это попросту воры. Это надо отчетливо понимать. Я думаю, что они осознавали себя именно таким образом, и именно поэтому президентская власть получила помимо отчетливо демократического, еще и воровской оттенок. Она состояла из людей, связанных общим расхищением общенародной собственности, будь то в виде приватизации или времени на государственном телевидении. И поэтому они поддерживали друг друга уже из корыстно-клановых соображений, а не только из соображений какой-то идеологии. А поскольку это соответствовало линии практически всех государственных или контролировавшихся государством средств массовой информации, на которые была назначена демократическая верхушка, то естественно, что средства массовой информации потому полностью поддерживали Ельцина, а, соответственно, они же и представляли эту попытку государственного переворота как какую-то неудачно понятую шутку. Вроде кто-то погрозил спьяну пальцем, брякнул что-то, а его неправильно поняли. Хотя те, кто видел это телевизионное обращение, могли констатировать, что понять его можно было однозначно. Говорил отнюдь не новогодний Дед Мороз, все было вполне серьезно и попытка государственного переворота была весьма реальной. Так или иначе, она не удалась.

Она имела весьма любопытные последствия. На последовавшем Съезде народных депутатов одна из фракций народных депутатов, кажется «Смена – новая политика», предложила очень короткую и лихую поправку в Конституцию, непосредственно связанную с этой попыткой государственного переворота. Согласно ей президент в случае, если он попытается распустить любой какой бы то ни было законно избранный орган власти, автоматически лишается своих полномочий. Текст поправки был краток, а смысл вполне ясен. Только что переживших несостоявшийся президентский путч депутатов не нужно было долго уговаривать, и они мигом за нее проголосовали, причем конституционным большинством. Ельцинские демократы только разинули рот, но ничего сделать не смогли, и эта поправка была внесена в Конституцию.

После нее всякие подобные попытки роспуска Съезда, если бы они состоялись, грозили Ельцину немедленным отлучением от власти сразу же, просто вследствие такой попытки. Стало понятно, что дальше ему можно было действовать в этом направлении только наверняка.

Поэтому вторая попытка разгона Съезда народных депутатов России, которая состоялась в августе 1993 года, носила очень оригинальный характер. Многие историки ее даже не заметили, а может быть и не поняли, какое ей придавалось значение. Свидетелем и отчасти действующим лицом этой попытки был я сам. Она состояла в том, чтобы разогнать Верховный совет России и вообще Съезд народных депутатов как таковой как бы руками самого народа.

Я достаточно подробно писал об этом в своей статье «За что и как боролся ФНС». Речь шла о том, что во вторую годовщину так называемого августовского путча, то есть в середине августа 1993 года, мы, то есть Фронт национального спасения, стали получать информацию, из которой следовало, что различные организации демократов собирают своих активистов по всем провинциям России и свозят их в Москву. Якобы на празднование второй годовщины августовской победы. Мы эти организации достаточно хорошо знали и понимали, что просто так спонсировать поездки в Москву всей этой публики они не будут. Все эти союзы ветеранов путча выродились к тому времени в довольно карикатурные организации, поскольку большинство людей, которые в 91-м искренне боролись за демократию, уже к тому времени поняли, что на самом деле представляет собой демократическая власть, и собрать их на какой-то митинг в поддержку демократов Ельцина было уже практически невозможно. С другой стороны то, что этих людей свозят со всей провинции, они обеспечиваются жильем, то есть им оплачивают проезд и все остальное, – все это означало, что в это дело кто-то вкладывает серьезные средства и скорее всего не для того, чтобы просто обеспечить праздник массовым участием. Тем более что первая годовщина этой победы прошла совсем незаметно, без подобных манифестаций.

Все это выглядело достаточно подозрительно особенно потому, что апофеозом этого демократического сборища был намечен митинг непосредственно возле здания Верховного совета России. Надо сказать, что тогда Белый дом, в котором он находился, не был огорожен никаким забором. Забор появился уже после государственного переворота октября 1993 года. А на тот момент это было доступное со всех сторон здание, которое со стороны площади Свободной России, то есть противоположной набережной Москвареки, состояло из огромной стеклянной витринной части со стеклянными же дверями и неким балконом, с которого можно было выступать. С этой площади Свободной России вход, доступ в здание Верховного совета был чрезвычайно прост. Не надо было взбираться на какие-то парапеты, проходить через какие-то длинные коридоры. Через стеклянные двери можно было войти непосредственно в Верховный совет. Все рабочие входы в здание были именно там.

Когда выяснилось, что демократы, враждебно настроенные к Верховному совету, собираются на площади Свободной России провести свой митинг, сразу же возникло подозрение, что это неспроста. Я в то время оставался во главе Фронта национального спасения, поскольку большинство членов Политсовета было в разного рода разъездах и отпусках. Мне стало ясно, что наступает критический момент, когда нужно держать наготове свой собственный митинг защитников Верховного совета для того, чтобы было кому им противостоять.

Собственно, мы разгадали их замысел: собрать с самой легкодоступной стороны Белого дома толпу своих и кинуть клич: «Ату, ребята, этот Верховный Совет!». Толпа бросится в здание Верховного совета, разобьет стеклянные двери, ворвется в него, и тут

уж президент выступит через подвластные ему средства массовой информации с сообщением, что, мол, я не могу по закону разогнать Верховный совет, так народ сам это сделал. А там здание закрыто, охрана сменена, туда никого не пускают, и, таким образом, вроде и президент не нарушил Конституцию, его отстранять не за что, и Верховного совета вместе с тем нет. А раз нет Верховного совета, то некому и созвать Съезд народных депутатов. И конституция больше не действует.

По этой причине мы на другой стороне Верховного совета организовали свой митинг. Нам с большим скрипом разрешили его провести, хотя тогда действовал не разрешительный, а просто уведомительный порядок проведения митингов. Я помню, как представители московской мэрии и президентской администрации оказывали на меня бешеное давление как на организатора этого митинга и ответственного за его проведение с тем, чтобы до 4 часов дня его свернуть, поскольку на 6 вечера был назначен митинг демократов на площади Свободной России. Он начался параллельно с нами возле московской мэрии у бывшего здания СЭВ, а затем, когда мы уже должны были очистить площадку у здания Верховного совета (мы проводили митинг с другой стороны здания, на парапете, у набережной), демократы собирались пройти торжественным маршем на площадь Свободной России и далее осуществить свой сценарий. Именно поэтому мы не поддались давлению и митинг в 4 часа не закончили. На нас давили, грозили, но разгонять митинг не посмели. После этого мэрия даже подала на меня в суд за то, что я нарушил сроки проведения митинга. Но, тем не менее, мы продолжали наш митинг до тех пока демократы не закончили свой. В результате они так и не посмели появиться на площади Свободной России, а тем более предпринять попытку захватить Верховный совет.

Август месяц закончился, собранное демократическое войско разъехалось по домам. Стало ясно, что дальше у президентской команды не осталось никакой легальной возможности разогнать ненавистный ему орган власти и отменить Конституцию. Ситуация в стране стремительно ухудшалась и в экономическом, и в политическом плане. Было понятно, что депутаты Съезда становятся все более и более радикально настроенными по отношению к президентской команде, ибо последние демократические иллюзии таяли как дым. Было ясно, что на следующем Съезде народных депутатов, который планировалось провести в ноябре 1993 года, вполне может быть поставлен вопрос об импичменте президента, и было вовсе не очевидно, что он не пройдет. Для импичмента было необходимо две трети голосов депутатов. Но после всего того, что было совершено со страной и со Съездом народных депутатов, понятно было, что депутаты со значительно большим вниманием отнесутся к идее отстранения Ельцина от власти. Разумеется, если к тому времени он не сменит губительный для страны курс. Но, очевидно, это было уже не в ельцинской власти, ибо те, на кого он опирался, просто не позволили бы ему это сделать.

Поэтому спешно стали готовить третью попытку государственного переворота. К делу подошли уже совершенно серьезно, по-военному. Во-первых, в Москву из разных городов стали стягиваться разные мелкие группы омоновцев, подобранные по идеологическому принципу приверженности действующей президентской власти. Эти отряды базировались в разных точках Москвы, где усиленно шли совместные тренировки. Эти сводные отряды нужны были еще и для того, чтобы люди не приезжали со своим сложившимся корпоративным мышлением, чтобы они меньше были подвержены влиянию друг друга и своих старых товарищей. Важно было, чтобы они не были спаяны какими-то неформальными связями в коллективе, в таком случае им труднее будет сопротивляться антиконституционным и незаконным приказам.

Параллельно с этим в Москву потянулись так называемые группы «туристов», в первую очередь из Израиля. Это были молодые люди призывного возраста. Естественно, на них обращали внимание сотрудники КГБ (в ту пору Министерства безопасности РФ), но начальством им было запрещено брать их в разработку, иначе говоря – следить за ними. Эти группы приезжали в Москву и словно растворялись в городе. Никто больше ничего о них не знал – куда они подевались, чем занимаются. Органы защиты государственной власти по политическому приказу сверху не могли контролировать их.

Апофеозом таких уже чисто военных приготовлений был указ № 1400 от 21 сентября 1993 года, который уже без всяких шуток отменял Съезд народных депутатов и приостанавливал действие Конституции до тех пор, пока не будет принята новая. То есть произошел самый настоящий государственный переворот.

Поскольку речь у нас идет о выборах и демократии, я не хочу сейчас останавливаться на перипетиях этого государственного переворота. Я был непосредственным и активным участником этих событий и провел в Верховном Совете всю блокаду, от первого до последнего дня. В момент танкового расстрела Верховного Совета снаряды рвались у меня над головой. Поэтому обстоятельства и ход государственного переворота, и, в целом, Октябрьского восстания 1993 года – это отдельная большая тема, которая не уместится в эту книгу.

Хочу лишь поставить акцент на том, ради чего был совершен этот переворот. Задача его была отменить Конституцию и в первую очередь Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти именно потому, что он следовал воле народа и имел возможность провести на государственном уровне те изменения, которые народ в то время считал необходимыми. Если в 1990 году народ считал власть Ельцина и идущих за ним демократов отвечающей интересам России, то Съезд голосовал за их решения. Когда эта власть не оправдала ожидания народа, соответственно Съезд народных депутатов, состоявший из народных избранников, тесно связанных со своими избирателями, выступил против президентской команды. Именно этот гибкий механизм реагирования и осуществления на государственном уровне воли народа так называемые демократы и собирались поломать путем отмены конституции. Это было главным.

При этом тот факт, что, по их словам, вместо этой конституции ей на смену должна была прийти другая, более демократическая, ничего не давал даже чисто теоретически. Потому что если конституция такова, что ее можно в любой момент отменить президентским указом и ввести вместо нее какую-либо другую, то это значит, что она уже ничего не стоит. Потому что любая следующая конституция точно так же и таким же образом может быть отменена, раз уж есть президент, который того желает. Мы сейчас стоим на пороге еще одного такого же конституционного перелома, когда от нынешней конституции вполне возможно скоро ничего не останется. Потому что если власть или некая сила внутри страны имеет возможность пренебречь основным

законом страны – конституцией – и выбросить его на помойку, значит, этот основной закон и вообще сам принцип конституционного правления, то есть правления по закону, становится лишним.

Таким образом, вопросом государственного переворота 1993 года была даже не сама Конституция – хорошая или плохая, переправленная или в старом варианте, – сколько сам принцип конституционности власти. Если бы этот государственный переворот не удался, то удалось бы защитить принцип конституционной власти, при котором любая следующая конституция России, если бы она была принята, воспринималась бы всеми ветвями власти и самим народом крайне серьезно, как основной закон, который нарушать нельзя. Поскольку его нарушитель немедленно отстраняется от государственных полномочий. Если же государственный переворот удался, а именно это и произошло, то новая конституция, какими бы золотыми буквами она ни была написана, фактически не стоит и ломаного гроша.

Лучший тому пример – то, что происходит сегодня, когда нынешняя конституция нарушается направо и налево, и в частности именно по этой причине. Власть, нарушающая основной закон, знает, что за это нарушение ничего не будет. Фактически Конституция на сегодняшний день является неким фиговым листком, прикрывающим авторитарный режим.

За это в 1993 году и шла борьба: будет ли Россия страной с конституционным устройством или же она станет страной с авторитарным режимом? При помощи средств массовой информации, стоявших на стороне президентского клана, этот режим стал возможным. Далее, после переворота 1993 года, мы уже стали жить в авторитарном режиме с определенным демократическим прикрытием. Сохранялись некие демократические атрибуты, которые действовали до тех пор, пока они не противоречили каким-то существенным интересам власти. Если же они вступали в такое противоречие, то власть их без затей отменяла или же просто плевала на них.

Это самый главный вопрос государственной жизни, который решился в 1993 году после всех демократических перемен конца 80-х – начала 90-х годов. К сожалению, из-за информационной блокады, устроенной специально ради того, чтобы не допустить иного развития событий, всю серьезность и важность этого вопроса в тот момент не удалось донести до большинства населения России. Именно поэтому подавляющее большинство людей, не разбирающееся в перипетиях политической борьбы, смогли открыть для себя возрождение тоталитарного характера российской государственной власти уже много лет спустя, если не только сейчас.

Нынешний авторитаризм Кремля был заложен еще тогда, во время государственного переворота 21 сентября – 4 октября 1993 года, когда шла борьба вокруг Верховного Совета. Именно в результате победы ельцинской верхушки этот государственный переворот определил возврат России к новому виду тоталитаризма, уже без коммунистических идеалов и иллюзий, и потому гораздо более циничному.

1.7. Конституция под президента

Итак, в результате государственного переворота, который формально был совершен из-за отказа президента исполнять действовавшую Конституцию, было дано обещание принять новый основной закон, точнее – выставить на голосование новую Конституцию.

Вообще вопрос с новой конституцией Российской Федерации взамен старой советской, в которую было внесено множество поправок, ставился уже достаточно давно, еще на первых Съездах народных депутатов. Была образована конституционная комиссия под председательством Румянцева, которая обсуждала различные проекты новой конституции. Она работала уже года три. Кроме того, в последние месяцы существования Съезда народных депутатов и Верховного совета Российской Федерации был создан комитет по конституционному законодательству, в котором я работал в качестве ответственного секретаря. Все те проекты конституции, которые к тому моменту существовали, а их было несколько, рассматривались этими органами.

Надо сказать, что в период обсуждения этих проектов реальные авторы нынешней российской конституции, например, известный демократ того времени Шейнис, на этих заседаниях, носивших не открытый, а рабочий, кулуарный характер, свое возмущение действующей конституцией и существующей системой власти высказывали достаточно открыто. То, что меня тогда поразило, что их возмущение состояло не в том, что Съезд народных депутатов оставил в действующей Конституции упоминание о советской власти. Ни набор или отсутствие в ней каких-либо прав человека, которые в тот момент никто и ни в коей мере не ущемлял. Ни защита средств массовой информации от давления или цензуры. Короче их не беспокоил ни один сюжет из тех, которые СМИ того времени выставляли как главные аргументы для замены конституции.

Их волновало главным образом то, что Съезд как высший орган государственной власти может отстранить президента, которого сам же этот Съезд в свое время и поддержал, выдвинув его сначала на пост председателя Верховного совета РСФСР, затем учредив пост президента, который фактически был создан лично под Ельцина, а затем разрешив выборы по сокращенной схеме, в которых фактически мог победить только Ельцин. Все это были шаги, направленные на то, чтобы привести Ельцина к власти. И вот те же самые депутаты, которые привели его к власти, готовы были теперь проголосовать за его импичмент. Вот что демократов возмущало больше всего. Они это интерпретировали так, что, мол, депутаты Съезда нарушают волю своих избирателей. Хотя было ясно, что депутаты как раз таки в наибольшей степени и выражали волю своих избирателей. И это было основной причиной недовольства и Съездом, и вообще существовавшей системой государственной власти.

Поэтому основное достоинство Съезда народных депутатов – механизм столь широкого народного представительства с непосредственным воздействием на высшие органы государственной власти они предполагали устранить из новой конституции в первую очередь. То есть изъять из конституции саму идею высшего органа государственной власти вообще, и конкретно Съезд как возможность широкого народного представительства, во-первых, и, во-вторых, сделать импичмент президенту фактически невозможным. Вот две основные задачи, которые ставились перед новой конституцией со стороны президентских сил.

Третья – это довести численность Верховного совета до управляемого большинства, работающего в Москве на постоянной основе. По уже упоминавшимся выше причинам, приручить таких парламентариев президентской власти было гораздо проще, чем съезжавшихся на Съезд депутатов. Кроме того, они предлагали существенно расширить размеры избирательных округов, чтобы кандидаты более не могли проводить предвыборную кампанию своими силами, как это было при избрании народных депутатов. Таким образом, депутатские мандаты должны были стать уделом либо состоятельных людей, либо тех, кого поддерживают СМИ. И те, и другие должны были быть на стороне демократов, как им представлялось, если не по классовым, то, по крайней мере, по чисто шкурным соображениям.

Кроме того, половину депутатов предлагалось избирать по партийным спискам. Вообще, выборы по спискам партий – это система, опробованная оккупационными властями еще в послегитлеровской Западной Германии, потому что она давала возможность фильтровать выбираемых в законодательный орган депутатов через партийный механизм. Иначе говоря, если партия как таковая в целом устраивала оккупационные власти, в первую очередь по критерию послушности, то она допускалась к выборам. Предполагалось, что в избирательные списки партий будут включены только те кандидаты, на которых оккупационные власти дадут добро. При этом исключение из партийных списков неугодного кандидата будет замаскировано под самостоятельное решение общественной организации, на которую эти власти якобы не могут оказать никакого давления.

Если же партия таких условий игры не принимала, то она до выборов вообще не допускалась. Это был механизм так называемой денацификации. Реально же под предлогом борьбы с бывшими нацистами и им сочувствующими (под эту категорию можно было подвести любого жителя Германии), оккупационные власти формировали слой марионеточных политиков.

В российской действительности эту схему предполагалось применить как механизм, обеспечивающий нужное большинство в парламенте нужным партиям. То есть если половина парламента состоит из представителей партий, а допущены туда будут только те, которые угодны правительству, то соответственно никаких неприятностей от такого парламента ждать будет нельзя. Во всяком случае, он вряд ли сможет что-либо сделать конституционным большинством. Это первое.

И второе. Общее число депутатов нового Верховного Совета (называть его Думой тогда еще никто не предлагал) предлагалось даже расширить по сравнению с существующим, 450 вместо 252 депутатов. Казалось бы, какой взлет представительности законодательного органа! Однако если учесть, что эти 450 депутатов избирались вместо 1068 народных депутатов Съезда, то

получалось, что представительность сокращается более чем в два раза. А если учесть, что количество депутатов, избранных непосредственно, должно было составить лишь половину из них, то есть 225 человек, а вторая половина должна была образоваться из партийных списков, за которые надо было голосовать в тех же избирательных округах, то получалось, что реально эти округа увеличивались в 5 раз. То есть, если по действовавшей тогда российской конституции каждый депутат избирался примерно от 100 тысяч избирателей, то по демократической получалось, что депутата могут избрать только 500 тысяч избирателей.

Это означало, что если при Съезде народных депутатов существовала некая связь между кандидатом в депутаты и населением в том смысле, что кандидат мог реально встретиться со своими избирателями или на собраниях, или на личном приеме, то есть связь между кандидатом и его избирателями была непосредственной, то когда численность этих избирателей дошла до полумиллиона человек, стало понятно, что это нереально. При такой системе очевидно, что кандидата можно избрать, сделав его известным только через средства массовой информации, а в свою очередь, доступ к СМИ контролирует либо тот, кто имеет деньги, либо тот, кто имеет власть, что и в том, и в другом случае все равно вело к правившей верхушке.

То есть таким образом по задумке демократов изменение конституции должно было привести к тому, чтобы при ее помощи, с одной стороны, обезопасить действующую власть при любых ее последующих антизаконных действиях, а с другой – сделать саму будущую Государственную Думу практически не зависящей от воли своих избирателей даже на выборах. Потому как выбирать они смогут только того, кому власти окажут свою поддержку.

Эта конституция от Шейниса и компании после государственного переворота и стала проектом, вынесенным президентом на референдум. Она реализовывала главные президентские требования, о которых я сказал выше, а прочая фразеология насчет демократических свобод президента и его команду интересовали мало. Собственно, она воспринималась ими как своего рода клетка, чтобы поймать птичку – голоса на референдуме.

Впрочем, для получения голосов помимо наживки в виде демократических свобод использовалось и нечто более конкретное и действенное. Главная новаторская идея, которая в дальнейшем при развитии аферы российских выборов заняла центральное место, – это идея постоянного действующего органа, отвечающего за выборы, – Центризбиркома. Особую юродивость этому названию в современном его значении придает то, что по смыслу комиссия – это некий временный орган. Когда в советское время или по ранее действовавшей российской конституции создавалась Центральная избирательная комиссия, то она создавалась на период каких-то конкретных выборов и для подведения их итогов. Комиссия создавалась из действующих депутатов, которые при этом совершенно необязательно должны были сами переизбираться. Эти депутаты подводили итоги выборов, и на этом комиссия заканчивала свою работу. Что еще остается делать, если выборы уже прошли? В этом был смысл названия, полностью соответствовавшего сути работы избирательной комиссии.

Оставив название Центральной избирательной комиссии в новом избирательном процессе, президентская команда хотела затуманить суть происходящего для большинства населения. Вроде бы раньше была центральная избирательная комиссия, сейчас она тоже осталась, – какая разница? Между тем ее функция и роль изменились кардинально, поскольку по сути она была превращена в Министерство выборов.

Во-первых, у нее появился постоянный штат. Во-вторых, она действовала постоянно, контролируя все выборы, какие только ни проходили в России, и не распускалась после того, как процесс выборов завершался. Даже если в стране больше года не было никаких выборов, это не мешало центральной избирательной комиссии существовать, соответственно получать свои оклады, пользоваться служебными привилегиями и т.п. В-третьих, это оказался орган, который по заложенной в новую конституцию идее так называемого разделения властей, то есть разъединения единой государственной власти на власть исполнительную, законодательную и судебную, оказался не вписанным ни в одну из этих ветвей. Он не является ни органом исполнительной власти, ни органом законодательной, ни судебной. Центральная избирательная комиссия как бы висит в воздухе, формально не подчиняясь вроде бы никому.

На самом деле, естественно, она подчиняется самому президенту. Потому что именно он создал эту комиссию в результате государственного переворота и наставляет и направляет Центризбирком на протяжении всей его деятельности. Тот же президент тем же самым путем, коль скоро государственные перевороты стали средством решения конституционных проблем, точно так же может ампутировать Центризбирком, изъять его из государственной жизни.

Вот, например, любопытный штрих. В демократическом угаре деятельность Центральной избирательной комиссии была объявлена как бы чисто технической, чуждой всякому законотворчеству. Поскольку издание законов – это дело депутатов, законодательных органов власти, а Центральная избирательная комиссия эти законы только исполняет, и потому к законодательному процессу не должна иметь никакого отношения. Более того, в статус Центральной избирательной комиссии тогда же в 1993 году было введено положение, что Центризбирком не имеет права принимать участие в законодательном процессе. То есть не имеет права выступать ни с законодательными инициативами, ни разрабатывать проекты законов.

Так вот, самый лучший пример, который доказывает, что реально Центральная избирательная комиссия находится непосредственно в подчинении президента, состоит в том, что, во-первых, она с самого первого дня занимается именно этим законодательным процессом, то есть пишет для себя такие законы, которые сама же потом и будет исполнять. Все избирательные законы, которые существовали после 1993 года и существуют на сегодняшний день в России, вышли из недр Центральной избирательной комиссии. Той самой, которой по положению о ней запрещено заниматься законотворчеством.

А во-вторых, поскольку ей официально заниматься законотворчеством запрещено, все эти законопроекты вносятся в Думу от

лица президента Российской Федерации.

Из этого следует, что фактически Центральная избирательная комиссия в том виде, в каком она есть, является на сегодняшний день дубликатом администрации президента. Поскольку сам президент – выборное лицо, а Центральная избирательная комиссия работает на него, это означает как минимум, что сам действующий президент заведует собственными выборами. Не говоря уж про все остальные. Трудно при этом не получить желаемый результат!

Вот та избирательная схема, которая реально была заложена в государственное устройство Российской Федерации в результате государственного переворота.

На первых же выборах в декабре 1993 года стало ясно, как именно эта схема будет работать в дальнейшем. Тогда она была еще не опробована. Но как только она была запущена, стало понятно, как будут дальше развиваться события, каким образом она будет действовать.

Приведу несколько примеров. Первые действия нового органа были очень непосредственные, а вследствие этого оставившие наиболее яркие, наиболее острые впечатления. Конституционно-демократическая партия, к которой я тогда принадлежал, сдала свои списки подписей избирателей, высказавшихся за ее включение в избирательные бюллетени. Было известно также, что эта партия входила в состав Фронта национального спасения, которому было запрещено участвовать в выборах. Естественно, со стороны избирательной комиссии было огромное желание не допустить также и нашу партию. И она действительно не была допущена, причем очень простым способом. В решении Центральной избирательной комиссии сказано, что партия не набрала необходимого количества подписей в свою поддержку. Естественно у нас возникло желание убедиться, на каком основании комиссия не засчитала нам подписи избирателей. Нам в этом было отказано, причем достаточно оригинально. Мол, подписные листы содержат конфиденциальную информацию об избирателях и потому не могут быть предъявлены даже нам, тем, кто их в свое время собрал и сдал в Центризбирком.

– А как же можно убедиться, что у нас недостаточно подписей в нашу поддержку?

– А никак. Просто верьте нам на слово, и все.

Вот так: легко и незатейливо. Реально это означало следующее: того, кого мы не хотим допускать до выборов, мы просто не допустим и все.

Все это в дополнение к тому, что 7 или 8 политическим организациям, среди которых был и Фронт национального спасения, президентским указом просто было запрещено участвовать в выборах. В то время эти организации были популярны, они принимали активное участие в защите конституции. Мы это знали, так же как знала это и президентская сторона. Поэтому без всяких затей и игр в демократию им просто было запрещено участвовать в выборах. Чтобы не расширять их список до бесконечно большого числа политических организаций, тем партиям, которые сочувствовали и поддерживали дело Фронта национального спасения, в частности, Конституционно-демократической партии, запрещали участвовать в выборах вот таким способом.

Но была и обратная сторона медали. Тоже своего рода анекдот, только уже с иным знаком. В тех же выборах принимала участие партия бывшего мэра Москвы Гаврилы Попова «Российское движение демократических реформ». По закону о выборах того времени требовалось, чтобы партия приняла решение об участии в выборах, после этого нужно было зарегистрировать свой список кандидатов в избирательной комиссии, а уж только после этого она получала разрешение собирать подписи избирателей в свою поддержку и должна была набрать 100 тысяч таких подписей.

Мы составили свой список, собирали эти подписи в течение трех недель и, как утверждала Центральная избирательная комиссия, все же их не набрали. Партия же Попова зарегистрировала свои списки кандидатов только 4 ноября 1993 года. А подписи нужно было сдать в Центризбирком не позже 6 ноября. Причем их надо было собирать не только в Москве, но и не менее чем в 15 регионах России. Поэтому чисто технически меньше чем за неделю или две выполнить эту операцию было просто невозможно.

Так вот оказалось, что 4 ноября партия Попова зарегистрировала свой список кандидатов, а 6 ноября уже сдала необходимые 100 тысяч в свою поддержку и была зарегистрирована Центризбиркомом. То есть за 2 дня якобы осуществился процесс сбора подписей по всей стране, их доставка в Москву, подсчет, сшивание в папки и сдача в ЦИК.

Когда мы об этом узнали и обратились за разъяснениями в Центризбирком, нам ответили, что да, РДДР все 100 тысяч подписей собрала за 2 дня и все подписи правильные. На вопрос – можно ли посмотреть – опять получили отказ: мол, это секретные данные Центризбиркома.

Короче, уже в 1993 году стало понятно, что выборы изначально и не предполагались быть честными. И Центризбирком сделали постоянно действующим органом не для того, чтобы проводить честные выборы. Фальсификации начались с первых же выборов, которые прошли с его участием.

Хочу отметить, что предыдущие избирательные комиссии, и в частности Центральная избирательная комиссия Съезда народных депутатов, в период с 1990 по 1993 год организовали некоторое количество дополнительных выборов, в частности на вакантные места народных депутатов. Естественно, эти выборы привлекали общественный интерес, в них участвовало много кандидатов, были даже упреки, что трудно выбрать среди такого количества кандидатур, были соображения, как улучшить эту избирательную

систему. Но характерно, что за этот период никто и никогда не упрекнул действовавшую ранее Центральную избирательную комиссию в подтасовке выборов. Никаких сомнений в конечных итогах голосований в период до государственного переворота 1993 года не существовало. Всем было очевидно, что выборы проведены честно и соответствуют воле избирателей, даже если их результаты кого-то не устраивали.

Первые же выборы, организованные новым Центризбиркомом после государственного переворота, сразу начались с жульничества. Для тех, кто принимал участие в этом избирательном процессе, это было очевидно. Однако большинство людей, которые были далеки от избирательных дел, этого, возможно, и не знали. А средства массовой информации по причинам, о которых я писал выше, не старались донести происходящее до основной массы избирателей.

Главная идея этих выборов была такова: любым образом узаконить государственный переворот, протащить новую конституцию. В сущности, сама конституция рассматривалась творцами переворота как нечто вроде индульгенции, которая делала их действия легальными, оправданными законом.

По подведенным тем же Центризбиркомом итогам голосования конституция была признана принятой. Официальный результат звучал так: 58,43% голосов «за» при явке избирателей 54,3%. Однако, как меланхолично отмечали социологи, «замечания об искажениях в отчетах о проценте участия в голосовании поступили через несколько месяцев после референдума, однако они не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Отсутствие детального отчета о результатах голосования затрудняет оценку соответствующих данных».

В действительности же произошло следующее. Из тех же социологических исследований, проводимых в течение 2 – 3 недель перед 12 декабря 1993 г. и во время референдума (они требовались для того, чтобы понять, не провалится ли затея с треском, и не стоит ли потому от нее отказаться сразу, еще до проведения голосования), следовало, что не менее 39% россиян после всего, что произошло со страной, не верят ни в какие референдумы вообще, а еще 20% не поддерживают декабрьский референдум в частности.

Эти простые цифры показывали, что около 59% российских избирателей не собирались участвовать в референдуме, и, следовательно, доля принявших участие в голосовании заведомо ниже 50%. То есть референдум по конституции в действительности не состоялся, поскольку для принятия конституции требовалось участие в голосовании не менее 50% избирателей.

Кроме того, косвенные данные говорили о том, что и среди проголосовавших конституция не набрала большинства голосов. Это следовало из того, что, несмотря на запреты политических организаций, о которых говорилось выше, на выборах в целом победили избирательные объединения, опиравшиеся на оппозицию Ельцину. В сумме они собрали более половины голосов избирателей, а это говорило о том, что голосовавшие за оппозицию скорее всего должны были сказать «нет» и конституции.

В мае 1994 года были опубликованы выводы экспертной группы А.А. Собянина при администрации президента о масштабных фальсификациях на этом референдуме (после этой публикации президентская администрация прекратила сотрудничество с группой). Согласно выводам этой комиссии, в референдуме принимало участие не более 46% от списочного состава избирателей.

Центризбирком, естественно, отвергал эти гнусные обвинения. Был даже организован пересчет бюллетеней в одной из дальневосточных провинций России (то ли в Алтайском крае, то ли в Амурской области – точно не помню). И оказалось, что конституцию там действительно не приняли! Тогда, чтобы положить конец инсинуациям недоброжелателей, сомневающихся в кристальной честности Центризбиркома, его председатель г-н Рябов повелел бюллетени исторического референдума по новой конституции России уже через четыре месяца после его проведения… сжечь! Поэтому ныне документальных подтверждений того, как россияне «выбрали сердцем» свою конституцию, не имеется.

Кстати, А.А. Собянин (сам, между прочим, убежденный демократ) писал не только об этом:

«Несмотря на то, что после выборов и референдума 12 декабря 1993 г. прошло уже около двух лет, их сколько-нибудь полные и подробные количественные итоги до сих пор не опубликованы. Более того, даже в местной печати традиционные сводные таблицы результатов голосования с разбивкой по административным единицам, – районам, городам, районам в городах и т.п. – регионов (субъектов) Российской Федерации были опубликованы лишь в очень малом числе субъектов – насколько нам известно, лишь в Нижегородской, Ульяновской областях и для одного из двух одномандатных избирательных округов в Хабаровском крае.

Соответствующими сводными таблицами не располагают сейчас ни мандатные комиссии, ни депутаты Федерального Собрания, ни одно из 13 избирательных объединений, участвовавших в выборах 12 декабря, ни один исследовательский центр и ни одно научное учреждение в России. Соответствующих сводных данных нет даже у Администрации Президента РФ, хотя она прилагала значительные усилия, чтобы получить эти данные. Однако Центризбирком не только не предоставил сам, но и запретил окружным избирательным комиссиям выдавать кому бы то ни было копии сводных таблиц – даже полномочным представителям Президента РФ».

Представляете, какая «крыша» у Центризбиркома, если он может послать на три буквы даже администрацию президента вместе с его полномочными представителями! Я говорю именно о «крыше», ибо законности в его действиях нет ни на йоту.

Таким образом, на первых же выборах после государственного переворота 1993 г. высветилась главная проблема – массовая

фальсификация результатов голосования. Стало понятно, что с результатами голосования Центризбирком может сделать все, что угодно: манипулировать бюллетенями, добавлять голосов и т.д. Но вот с количеством людей, которые физически пришли на выборы, поделать ничего нельзя. Их участие можно рассчитать статистически, явку на выборы могут зафиксировать наблюдатели.

Поэтому основной проблемой для новоявленного Министерства выборов России стало даже не то, как проголосуют избиратели, а то, сколько их реально придет на выборы. И именно об этом у Центризбиркома прежде всего начала болеть голова. Проблема явки на выборы избирателей, тем более в условиях, когда они все более начинают отдавать себе отчет, что результаты голосования фальсифицируются, начало становиться главной проблемой избирательного процесса.

1.8. Россия, которую мы получили

На декабрьских выборах 1993 года основные усилия вновь созданного Центризбиркома были сосредоточены на получении положительного результата голосования на референдуме по конституции любой ценой. Как я уже говорил выше, основная идея состояла в том, что этот референдум должен был продемонстрировать одобрение страной совершенного государственного переворота. В российском и международном общественном мнении, в первую очередь американском, поскольку именно на США реально опирался ельцинский режим, этот референдум по конституции должен был символизировать то, что страна санкционировала государственный переворот. Мол, стрелять из танков по парламенту, конечно, нехорошо, но раз народ пришел на референдум и проголосовал за эту новую конституцию, значит, он одобрил свершившееся действо.

Кроме того, это был первый опыт массовой и заказной фальсификации выборов, проведенный новой Центральной избирательной комиссией, то бишь Министерством выборов. Естественно, что все ее усилия были сосредоточены именно на конституции. Только этим можно объяснить то, что результаты выборов в Государственную Думу, которые, как предполагалось, только дополняли результаты голосования по конституции, оказались для режима фактически провальными.

Во-первых, политическая сила, которая явилась вдохновителем государственного переворота, которая в дни октябрьского противостояния 1993 года собирала своих сторонников возле Моссовета в противовес защитникам Верховного Совета, превращая государственный переворот правящей верхушки и насилие над демократией в нечто вроде идейной борьбы, эта политическая сила вышла на выборы под названием «Выбор России». Ее возглавлял Е. Гайдар, не прошедший в правительство на VII Съезде народных депутатов. Помимо «ВыбРоса» в выборах участвовало еще с полдюжины разных организаций схожей направленности. Естественно, когда основные оппозиционные силы, в частности Фронт национального спасения, были просто отрешены от участия в выборах, то предполагалось, что эти так называемые демократические фракции завоюют себе в Думе сокрушительное большинство.

Именно в этом и проявился сокрушительный провал. Самой большой фракцией в Государственной Думе первого созыва оказалась фракция ЛДПР. Причем вовсе не потому, что эта партия прославилась чем-то особенным в предшествующий политический период. Скорее наоборот, она тихо сидела в кустах и словно выжидала, чья сторона возьмет верх. Сам Жириновский оказался одним из первых, кто поздравил Ельцина с удачным государственным переворотом.

Победила же ЛДПР в первую очередь потому, что своими лозунгами ярко выраженного национального характера искусно разыгрывала противника демократов. И хотя ЛДПР не входила в Верховный совет России, тем не менее, выйдя на эти выборы, она фактически сумела представить себя как ту оппозиционную силу, которой разрешено участвовать в выборах и которая замещает своими лозунгами и своей программой те партии, в частности Фронт национального спасения, которым участвовать в выборах было запрещено. То есть избиратель в то время, голосуя за ЛДПР, фактически голосовал за оппозицию, противостоявшую Выбору России и всем тем силам, которые совершили государственный переворот.

Другое дело, что, как я уже отмечал выше, сама эта организация была скорее политической клоунадой, созданной спецслужбами еще в период Советского Союза для того, чтобы имитировать оппозицию, причем не важно какому политическому режиму, который реально станет во главе Кремля, представлять для него некоего фанерного противника, непримиримого на словах, но на деле с которым очень легко договориться. Как видно эта функция была нужна еще в горбачевский период и остается востребованной до сих пор.

Тем не менее политические силы, вдохновившие государственный переворот, вышли из этих выборов фактически побитыми. Это стало большим ударом для ельцинской верхушки. Выборы в Госдуму показали ей, что необходимость их фальсификации, манипулирование выборной демократией – это не вопрос какого-то отдельного политического момента.

Происшедший государственный переворот все разновидности стоящей у власти демократуры обосновывали в общественном мнении России примерно так: мол, демократия нужна, но в какие-то отдельные критические моменты типа наступления реакционных сил и т.п. ее приходится отодвинуть в сторону или поправлять ради ее же собственного блага. Выборы 1993 года показали, что демократия, которую нужно постоянно корректировать, а точнее говоря – фальсифицировать, становится постоянным требованием российского правящего режима. Этот режим не может жить в демократических условиях, поскольку если только выборы не подвергаются тотальной фальсификации, этот режим тут же терпит поражение. Еще раз подчеркну, что в 1993 г. у кремлевского режима еще не было возможностей обеспечить такую фальсификацию на думских выборах.

Таким образом уже тогда, в 1993 году, начала проявляться схема той «управляемой» демократии, в которой мы фактически живем сейчас. Она состоит из двух основных положений: во-первых, системе необходимо наличие якобы оппозиционеров, которые создают видимость противостояния власти, но на самом деле находятся с ней в сговоре, вследствие чего этим оппозиционерам разрешено действовать и получать все,что они хотят. Во-вторых, подлинных оппозиционеров, тех, кто выступает против системы подобной управляемой демократии, в первую очередь исходя из национальных интересов России, эту реальную оппозицию, эту часть народа нужно вывести из системы, так сказать, маргинализировать ее, не дать ей участвовать в выборном процессе и, таким образом, устранить из легальной политической жизни.

Идея была в том, чтобы подавить таким образом всякое проявление сопротивления в народе, заставить его смириться с существующей политической системой, которая, с учетом того, что она реально отстаивала иноземные политические интересы, фактически была новой версией колониальной системы по отношению к России. В позапрошлом веке был в моде обыкновенный колониализм, в прошлом веке – неоколониализм, когда управляемые из-за рубежа режимы старались

представить себя независимыми. Сейчас, на рубеже XXI века, создавалась новая, оригинальная форма марионеточного правления, которая представляла собой поддерживаемый из-за рубежа режим, называвший себя национальным и демократическим.

Такая перспектива развития обозначилась перед Россией. Надо признать, что в число элементов этой управляемой демократии, то есть якобы оппозиционеров, встроенных в систему, оказалась включена и КПРФ. При всем том, что сама КПРФ состояла из достаточного числа преданных коммунистической идее людей, то есть тех, кто вступил в компартию еще при советской власти и поддерживал ее совершенно искренне, верхушка КПРФ являлась полностью управляемым сверху элементом. Именно поэтому в критические для режима моменты она выступала в его поддержку, например, как это сделал Зюганов накануне штурма Дома Советов 4 октября 1993 года. Официальное внутрипартийное объяснение этому всегда какое-то давалось. Например, главная задача – не допустить, чтобы система стала совсем тоталитарной, надо любой ценой сохранить остатки демократии, следовательно, надо пойти на то, чтобы поддержать эту конституцию, хотя она и навязана пушками, но какая-никакая, а все же это конституция… Гораздо хуже будет, если конституции не будет вообще…

В действительности, как мы видим сейчас, 15 лет спустя, эта конституция совершенно не стесняет правящий режим, и об этом речь еще впереди. Фактически ее не существует. Она присутствует как некая декларация, бумажка, но реально она руки режиму совершенно не связывает ни при каком его антиконституционном действии, ни наверху, ни внизу, ни на уровне судебной системы. И это могло случиться только при поддержке КПРФ. По сути, КПРФ, вначале тоже запрещенную к участию в выборах 1993 года, поскольку масса коммунистов принимала непосредственное участие в защите Дома Советов, в том числе в рядах Фронта национального спасения, допустили до выборов лишь для того, чтобы, допустив к думским портфелям партийное руководство, обеспечить содействие принятию конституции. Ибо не будет конституции, не будет и Думы, а не будет Думы, не будет и думских портфелей… И потому о несостоявшемся голосовании по конституции коммунистам тоже лучше помалкивать.

Таким образом, верхушка КПРФ прямо способствовала установлению в России нынешнего режима, причем неоднократно. Так было и при Беловежском голосовании, и когда проходил государственный переворот, и когда провозглашали принятой российскую конституцию. Не будет большим преувеличением сказать, что режим, существующий сегодня в России, создан при определенных усилиях руководства КПРФ, которое несет за него ответственность в той же мере, что и Ельцин.

В итоге мы получили режим управляемой демократии, которая в действительности является не демократией, а манипулированием демократическими инструментами для того, чтобы придать видимость легальности существующему режиму. Этот процесс начался как искреннее желание демократических перемен в обществе. Его эволюция в начале 90-х годов привела в итоге к ясному пониманию правящей, так называемой демократической, верхушкой того, что с демократией ей жить невозможно. Она может выжить лишь в условиях «управляемости» демократии, то есть в условиях аферы, состоящей в постоянной подтасовке результатов выборов и манипулировании действиями как бы демократических органов власти.

Парадокс состоял в том, что после выборов 1993 года те, кто называл себя демократами, стали бояться демократии. Поэтому все, что делалось для фальсификации демократического процесса, и привело собственно к афере российских выборов, произошло вовсе не случайно, вследствие какой-то игры обстоятельств по принципу «хотели, как лучше, а получилось как всегда». Уже в конце 1993 года по результатам думских выборов стало ясно, что ельцинская верхушка может и должна фальсифицировать результаты демократического волеизъявления, волю народа для того, чтобы удержать бразды правления. Таков был закономерный итог государственного переворота в России в октябре 1993 года.

2.1. Техникум господина Рябова

Рябов был первым главой Центризбиркома. Само его возведение на этот пост – это иллюстрация к тому, как ельцинский режим пытался коррумпировать законодательную власть и таким образом переманить ее ведущих деятелей на какие-то значимые должности в государственном аппарате с тем, чтобы они по отношению к интересам законодательной власти, Съезда народных депутатов совершили предательство. Рябов был одним из заместителей Хасбулатова. Надо сказать, что Хасбулатову с заместителями не очень везло. Выше я уже упоминал Филатова, который в свое время провернул в Верховном Совете России аферу с ваучерами и после этого ушел на должность главы администрации президента. Рябов проделал такого же рода финт через год. Он был одним из заместителей председателя и в нужный момент покинул Верховный совет, чтобы стать во главе вновь созданного органа – Центральной избирательной комиссии, действовавшей уже на постоянной основе. Как я уже упоминал, фактически Центризбирком стал дубликатом администрации президента по выборам.

Я называю этот поступок предательством прежде всего потому, что его назначение председателем Центризбиркома состоялось 23 сентября 1993 г., через два дня после начала государственного переворота. Принятие Рябовым нового поста – председателя Центризбиркома, означало, что Центральная избирательная комиссия создается чуть ли не на законных основаниях из действующих народных депутатов, возглавляется одним из руководителей Верховного совета. Короче говоря, переход Рябова на сторону Ельцина именно в этот момент как бы придавал легитимности новому Центризбиркому. Это вовсе не некий невинный поступок, переход на другую работу. Это был один из способов подкупа президентской администрацией руководства Верховного совета, и Рябов был тем, кто на него пошел.

Скорее всего для него этот поступок был естественным и вряд ли особо осознанным. Бывший завхоз сельхозтехникума, он был избран народным депутатом и в Верховном Совете сделал головокружительную карьеру, дойдя до заместителя председателя Верховного совета, куда его выдвинул Хасбулатов за исполнительность . Иначе говоря, что прикажут, то и делал. Такие исполнительные служаки во всех видах административных структур всегда нужны и за этот счет получают свое продвижение. Одним из таких и был господин Рябов.

Войдя в эту должность, продвинувшись через все ступени власти в Верховном совете вплоть до заместителя председателя, он тем не менее остался с менталитетом завхоза техникума. Поэтому действовал, как в Верховном совете, так и за его пределами, уже в Центризбиркоме, попростому, особенно не стеснялся. Его кредо можно было угадать уже по выражению лица и в жизни определялось известной формулой: я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак. Перед теми, кто ему приказывал, он стоял по струнке и выполнял все, что велели, а своими подчиненными он считал возможным пренебрегать настолько, насколько возможно. Это был рябовский стиль, который отразился и на первом этапе деятельности Центризбиркома, почему он и получил название техникума господина Рябова.

Первая выборная кампания 1993 года не особо от Рябова и зависела. Положения о выборах были написаны видными демократами, которые полагали, что путем государственного переворота они создают некую новую государственную систему по американскому образцу и пишут конституцию и избирательные законы чуть ли не на века. Количество же партий, допущенных или не допущенных к выборам, в частности, ФНС, о чем шла речь выше, определялось личной волей президента и его ближайшего окружения. Поэтому роль Рябова здесь была чисто техническая. Надо было обеспечить результаты голосования. Он всецело сконцентрировался на голосовании по конституции и, как мог, их сфальсифицировал. Ну а когда эта фальсификация всплыла наружу, повелел сжечь избирательные бюллетени. Вот так – все просто, без затей, как в провинциальном техникуме.

Выборы 1995 года уже были в более значительной степени делом его рук. И именно в них особенно четко проявился рябовский стиль.

Во-первых, избирательное законодательство после первых выборов довольно серьезно перетряхнули. Был принят новый избирательный закон. Несмотря на все уверения 1993 года о том, что мы принимаем столь незыблемые нормы, что они будут служить веками, после первой же избирательной кампании их потребовалось переписывать. Цель была проста: иметь возможность отлучить от выборов те партии и избирательные блоки, которые были неугодны Кремлю, в частности, тот же Фронт национального спасения. Нельзя же было постоянно запрещать указами нелюбимым президентом организациям участвовать в выборах! Надо было найти вариант, как легально перекрыть им доступ к избирательному процессу. Эта задача была возложена на Рябова.

Когда он столкнулся с тем, что Фронт национального спасения одним из первых подал заявку на участие в выборах 1995 г., он стал всячески тому препятствовать. С той же простотой, с какой осуществлялась фальсификация результатов голосования по конституции. Вот не пущу и все!

Фронт национального спасения просто-напросто не регистрировали. Дело в том, что перед тем, как начать собирать подписи в свою поддержку, существует чисто техническая операция: подать своего рода заявку, некий пакет документов в Центризбирком, который должен принять эти документы и разрешить сбор подписей. Законом для принятия этого решения отводилось 5 дней.

Однако Рябов руководствовался не законом, а желанием своего хозяина – Ельцина – ФНС к выборам не допускать. Кстати сказать, желание это базировалось на глубоком убеждении Ельцина в том, что если бы Фронт национального спасения победил в Октябрьском восстании, то его бы убили. Наверное, ему лучше знать, чем он это заслужил. Спорить с ним о справедливости такой оценки его заслуг трудно, да и сейчас уже не имеет смысла. Во всяком случае, ФНС на этот счет никаких решений не принимал.

Тем не менее для людей типа Рябова желание барина всегда будет выше любого закона. Отказываясь принимать предписанное законом решение, Рябов, таким образом, не давал нам собирать подписи и вести агитацию в свою поддержку.

В итоге, из двухмесячного срока, отведенного для сбора подписей, Фронт национального спасения не регистрировали в течение 42 дней вместо положенных по закону пяти. За это время мы несколько раз обращались в Верховный суд России, который всякий раз принимал решения в нашу пользу, но Рябов и их не исполнял. Плевать он хотел и на закон и на постановления Верховного суда. Вот такая демократия!

Дело дошло до анекдотического случая, когда Верховный суд потребовал, чтобы Басманный суд, в округе которого находится Центризбирком, направил в ЦИК судебных исполнителей и заставил его исполнить решение Верховного суда о регистрации ФНС. Вот только тогда, спустя 42 дня после начала этой процедуры нас зарегистрировали. А из двухмесячного срока на сбор подписей по всей стране нам осталось только две недели.

Кстати, история на этом не закончилась. Подписи мы все-таки собрали, причем с запасом. Однако Центризбирком все равно отказался нас регистрировать, считая, что какая-то часть из них недействительна и потому в целом их недостаточно. При этом число недействительных подписей постоянно менялось. По мере того, как мы опровергали одни их доводы, изобретались другие. Это привело к новой череде судебных процессов. В ходе их дошло дело до разбора обстоятельств, почему, собственно, Центризбирком считает те или иные подписи недействительными. Тогда для участия в выборах нужно было собрать в свою поддержку как минимум 200 тысяч подписей, а мы собрали и представили их 230 тысяч. Работники Центризбиркома забраковали тогда порядка 5—10 тысяч, но этого явно не хватало для того, чтобы не допустить нас до выборов. И вот в Центризбиркоме, стоя перед необходимостью во что бы то ни стало остановить избирательную кампанию ФНС, пришли к оригинальному умозаключению. Они стали вычеркивать подписи целыми листами. По избирательному закону и правилам сбора подписей в случае, если та или иная подпись признавалась недостоверной (например, не хватало каких-то данных или при их внесении были допущены ошибки, помарки), то она вычеркивалась и не засчитывалась. Уже в процессе проверки Центризбирком придумал сам к этому закону следующее толкование: если какие-то подписи в подписных листах окажутся недостоверными, то на этом основании сборщик этих подписей признается недостойным центризбиркомовского доверия, и потому все подписи, которые собрал этот сборщик, признаются недействительными. Таким образом у ФНС изъяли массу подписных листов, на которых среди достоверных подписей имелись и недостоверные.

Самое смешное – и этого оказалось недостаточно. Тогда Центризбирком пошел еще дальше. После того, как сборщики сдают свои подписные листы в штаб партии, эти подписи заверяются уполномоченными представителями избирательного блока. Поэтому Центризбирком объявил, что в случае, если какие-то подписи будут признаны недостоверными, то на этом основании все листы, удостоверенные этим представителем нашего избирательного блока, тоже будут признаны недостоверными. Даже если они собраны какими-то другими сборщиками, даже если подписи на этих листах абсолютно безупречны. Причем эта мера была применена только по отношению к Фонту национального спасения. Больше ни на кого эта норма не распространялась.

Таким вот образом у нас было изъято из подсчета несколько десятков тысяч подписей. При этом Верховный суд поддержал Центризбирком, но о причинах этого речь еще впереди. Собственно и так наша избирательная кампания фактически свелась к судебным процессам, а не к агитации избирателей. А если заниматься только ими, то выборную кампанию все равно не провести.

Получалось, что при желании Центризбирком, состоящий из сотен, если не тысяч штатных высокооплачиваемых сотрудников, в состоянии помешать любому избирательному объединению вести свою выборную кампанию, и при этом остаться совершенно безнаказанным. По сути, он превратился в некий политический орган, который начал не организовывать, а «делать» выборы.

Понятно, что по отношению к другим избирательным блокам и объединениям действия Центризбиркома были точно так же просты и прямолинейны, как в провинциальном техникуме. Кстати, когда мы на судебных процессах разбирали вопросы с якобы недостоверными подписями в нашу поддержку, мы неоднократно ставили вопрос: а как обстоят дела у других избирательных блоков? Как они собирают подписи? Если такие требования выставляются к нашим подписным листам в процессе их проверки, давайте возьмем папку с подписями другого избирательного блока и сопоставим результаты в процессе судебного заседания – что сдали мы, и что сдают другие. На такого рода сравнения Центризбирком никогда не шел. Когда в дальнейшем ему неоднократно предлагалось законодательно закрепить право на свободный доступ любых наблюдателей не к процессу голосования, а к процессу проверки подписей, сдаваемых в поддержку того или иного избирательного блока, Центризбирком каждый раз наотрез от этого отказывался. Под самыми разными предлогами, начиная с того, что подписи избирателей – дело секретное, и никому нельзя показать, какой избиратель в поддержку какого блока свою подпись поставил.

На самом деле, конечно, секретными они не были. Например, к тем же избирателям, которые ставили свои подписи в поддержку Фронта национального спасения, заявлялись представители ФСБ или милиции, которые производили допрос – почему они поставили свои подписи в нашу поддержку. То есть на них оказывалось таким образом давление за их политические взгляды. Нам приходило много писем с такими сообщениями.

Кроме того, нам совершенно достоверно было известно, что подписи, которые сдавались в поддержку других избирательных блоков, были ничуть не лучше, а зачастую даже и хуже, чем у нас. Именно поэтому Центризбирком никогда не хотел их выставлять на всеобщее обозрение. То есть фактически сама кампания по сбору подписей в поддержку избирательного объединения превратилась в искусственную преграду со стороны Центризбиркома. Те партии, которые он хотел «зарубить», проверялись под микроскопом и малейшая черточка не в ту сторону расценивалась как недостоверность с последующим вычеркиванием подписи, а иногда и целых подписных листов, как свидетельствует наш пример. А в том случае, если партия

казалась ему благонамеренной или, во всяком случае, не представляла никакой политической угрозы для президентского всевластия, она пропускалась без всяких затей и могла сдавать вместо подписных листов хоть резаную бумагу. Проверит-то кто?

В подтверждение своих слов приведу такой пример. По итогам выборов 1995 года мы еще раз обратились с иском в Верховный суд для того, чтобы заставить Центризбирком предоставить сводные результаты подписной кампании по всем организациям – участникам выборов. Их тогда было около 45. Немногие, наверное, помнят такие избирательные блоки, как «Поколения рубежа» или «Мира, Добра и Счастья», которые появились непосредственно перед выборами, набрали на них сколько-то сотых процента голосов, после чего так же благородно исчезли. Но по уверениям Центризбиркома, все они сдали более 200 тысяч подписей и таким образом были зарегистрированы для участия в голосовании. Забавная ситуация, когда Фронт национального спасения, действующая политическая организация, в 1993 году, наверное, самая мощная политическая организация России, в 1995 году признается не собравшей подписи в свою поддержку, а эфемерное «Поколение рубежа» и другие ему подобные, возникшие из ничего, с легкостью эти необходимые 200 тысяч собирают, на основании чего их без проблем регистрирует Центризбирком!

Кстати, на этом судебном процессе выяснилось, что 4 избирательных блока вообще не представили в Центризбирком необходимого количества подписей. Почему – неизвестно, но факт остается фактом: собранных подписей просто не хватало для регистрации по закону. Даже при условии, что все они были безупречны, все равно нужны были не менее 200 тысяч подписей. А их не было. И тем не менее, они были зарегистрированы.

Дело дошло буквально до анекдота, когда в каком-то из телевизионных эфиров с заседания Центризбиркома господин Рябов, вальяжно раскинувшись на председательском месте и рассматривая данные по одному из таких блоков, недобравших подписи, оглядел членов комиссии и изрек, что, мол, недобрали ребята подписей, молодые еще… да уж простим их по молодости, зарегистрируем… И члены Центральной избирательной комиссии дружно закивали головами, подняли руки и разрешили, вопреки закону, участвовать избирательному блоку далее в выборах. Этот пример показывает не только уровень правосознания самого господина Рябова, но и степень холуйства «независимых» членов Центризбиркома – представителей различных партий и, кстати, профессиональных юристов.

Разумеется, все эти дела господин Рябов вершил не по доброте душевной. Не потому, что какой-то блок ему по молодости приглянулся, он бросает ему регистрацию с барского плеча и допускает до избирательной кампании. Все было проще и очевиднее. Вся система ельцинского правления строилась на старой феодальной практике откупов, когда некто, находясь на государственной должности, как это было в феодальной Руси, брал ее себе на откуп. Иначе говоря, выполняя государеву службу, сам мог за счет взяток добирать все ему необходимое для собственного содержания. На системе откупов строилось и российское демократическое государство, в котором система взяток укоренилась еще со времен правительства Гайдара. Да и как ей было не укорениться, если, например, первый мэр Москвы Г.Х. Попов тогда публично заявлял, что взятка – это вполне нормальный вид вознаграждения чиновника!

Точно по такой же схеме действовал и Центризбирком. Он выполнял назначенную ему президентом задачу, а именно обеспечивал прохождение в Думу подконтрольных кремлевской верхушке партий. Как проправительственных, так и якобы оппозиционных. С тем, чтобы у этой Думы не возникло какой-то серьезной оппозиции президентскому курсу, как у Съезда или Верховного совета. Правда, по сравнению с ними Дума была совершенно бесправным, чтобы не сказать карикатурным органом. Но как говорит русская пословица: «Пуганая ворона и куста боится».

Эту задачу господин Рябов выполнял и в награду за это имел возможность запускать в избирательный процесс тех, кто кремлевской верхушке проблем создать не мог. Само собой, не за просто так. Услуга была вполне коммерческая: «дав в лапу», можно было «посветиться» как некая политическая сила на выборах и тем самым сделать себе рекламу.

Я прекрасно помню сцены того времени, когда по зданию Центризбиркома ходили округлые розовощекие молодые люди, которые являлись чем-то вроде политических лоббистов тех или иных организаций. Они достаточно свободно входили в кабинеты центризбиркомовского руководства и видимо решали там какие-то вопросы. Среди них я видел немало действующих лиц предыдущей избирательной кампании 1993 года. По сути, они были задействованы новыми избирательными блоками и всякими политическими силами и мелкими силенками для того, чтобы «решать вопросы» в Центризбиркоме.

Они действовали в общем-то так же, как сегодня действует, например, большинство удачливых российских адвокатов. Клиенты ценят не их красноречие, а умение дать взятку судье и тем решить исход дела. Избиркомовские лоббисты действовали точно так же.

Уже в то время становилось понятно, что результаты выборов зависят не столько от воли избирателей, не от того, с какой программой и популярностью к ним выйти, сколько от того, какую сумму нужно передать избиркомовскому руководству для того, чтобы оно правильно посчитало голоса.

Еще более явным надругательством над здравым смыслом была избирательная кампания Ельцина. Он вошел в нее с 6% голосов и вышел из избирательной кампании как бы победителем, обогнав во втором туре Зюганова. Помню, когда я присутствовал в Центре наблюдения за выборами (он находился тогда в Парламентском центре на Цветном бульваре), при подсчете голосов журналисты активно обсуждали вопрос, кто победит во втором туре – Ельцин или Зюганов. Говорили, что, конечно, должны проголосовать за Зюганова. Тогда один мой знакомый немецкий журналист рассказал очень любопытный анекдот, который ходил тогда по немецкой прессе. В Германии есть некий персонаж типа нашего армянского радио. Когда его спрашивают, кто победит на президентских выборах в России, этот персонаж отвечает: «Конечно, Зюганов. Только он никогда об этом не узнает…»

Примерно это и произошло. Было очевидно, что с 6% поддержки, которую Ельцин имел перед выборами, нарастить их до уровня победы над Зюгановым за счет каких угодно призывов голосовать сердцем, задницей, печенкой или чем-то еще было невозможно. Все остальное сделал Центризбирком, простыми и прямолинейными методами господина Рябова.

Действительно, прошло голосование по конституции, которое было подтасовано, и его проглотили, посчитали конституцию принятой. На тех же выборах в первую Думу нарушали закон как могли – и тоже все сошло с рук. Потом прошло голосование 1995 года по выборам в Государственную Думу, где уже с допуском к выборам творили все, что угодно, и уж естественно не стеснялись при подсчете голосов приписать нужные проценты одним и убрать их у других. И ничего страшного не случилось. Спрашивается, почему после этого на президентских выборах все должно быть иначе? Наоборот, развитие шло по все более и более закручивающейся спирали. Если можно фальсифицировать здесь, почему нельзя фальсифицировать там, и еще тогда, да и вообще при каждом удобном случае? Подтасовка выборов шла по нарастающей.

Однако появилась и серьезная проблема. Она состояла в том, что чем больше выборы фальсифицировались, тем больше избиратели теряли к ним доверие. Они понимали, что что-то здесь не так. Если по настроению окружающих видно, что Ельцин всем осточертел, а он выигрывает выборы, как это может получиться? Реально к 1996 году число сторонников Ельцина сжалось, как шагреневая кожа, до какого-то микроскопического количества, а какого-то более-менее массового народного движения в его поддержку вообще не наблюдалось, да и быть не могло. Это был уже не 1993, а тем более не 1991 год. Откуда же взялось проголосовавшее за него большинство?

Как следствие стало постоянно сокращаться число избирателей, участвующих в выборах, потому что стало очевидно, что они не внушают им доверия. И сколько их ни убеждай, что они участвуют в самой демократической системе голосования, реально они в нее не верят, а потому на голосование не идут. Поэтому проблема явки на выборы стала очень серьезным препятствием для дальнейшего развития избирательной аферы.

В советское время минимальный порог явки на выборы составлял 50%. И вплоть до декабря 1993 г. с ним особых проблем не было. Уже на выборах Госдумы в 1993 году этот порог был снижен вдвое, до 25%. Как легко понять из естественных опасений, что в ответ на государственный переворот избиратель «проголосует ногами», то есть просто не придет на выборы. Однако на президентских выборах минимальная явка была оставлена на прежнем, советском уровне – 50% – иначе трудно было претендовать на исключительную роль президента в системе государственной власти.

Было очевидно, что явку на выборы в масштабах всей страны со всеми вбрасываниями бюллетеней, приписками и подтасовками можно повысить лишь на 15 – 20% . Но все равно кардинально изменить число голосующих и выдать их за необходимый кворум становилось технически крайне сложно. Тем более, что это число – самая легко контролируемая цифра: на избирательных участках могут присутствовать наблюдатели и то, сколько человек реально пришло на выборы, выясняется сразу же, еще до подсчета бюллетеней.

И если окажется, что пришло 20% избирателей, а 4/5 на выборы вообще не явилось, то при таких условиях трудно заявлять, что в них приняло участие 50% и они состоялись. А если выборы не состоялись, то все методы подтасовки их результатов становились бесполезными. Фальсификация выборов при традиционном способе подсчета голосов по бюллетеням начинала подходить к пределу своих технических возможностей.

Для стран с более-менее развитой демократической системой может показаться, что эти 15 – 20% фальсификации – огромная величина. Это действительно огромная величина при любого рода выборах в нормальных демократических условиях. Но в условиях России, когда правящая верхушка испытывала катастрофический провал доверия людей, имитировать или делать вид, что большинство по-прежнему голосует за тебя, становилось все более и более сложно. Именно это вызвало необходимость кардинального изменения системы выборов и перехода от техникума господина Рябова к более изощренным способам фальсификации.

2.2. Жми на ГАС!

В отличие от замдиректора техникума Рябова, который фальсифицировал выборы по-простому и с размахом, по принципу – что хочу, то и ворочу, – в Центризбиркоме существовала и другая тенденция. Ее приверженцы понимали, что фальсификацию выборов надо облечь в какую-то культурную форму, а не являть ее как символ самодурства. Надо приложить усилия и сделать максимум для того, чтобы закамуфлировать сам процесс фальсификации выборов. Кроме того, нужно было выйти из 15 – 20% фальшивок, натягиваемых при помощи министерства выборов Рябова, и существенно повысить этот уровень да так, чтобы избирателю это было трудно заметить. Короче, в деле фальсификации выборов в России требовался «большой скачок».

Представителем этой второй, интеллигентной тенденции фальсификации выборов (ее еще можно назвать технократической) стал господин Вешняков, который пришел в Центризбирком в 1994 году, то есть уже после первых выборов. Он пришел на техническую должность секретаря Центризбиркома, но его основная идея как раз состояла именно в автоматизации процесса фальсификации выборов, а конкретно – в создании Государственной автоматизированной системы «Выборы». Собственно именно для этого 23 августа 1994 г. был выпущен президентский указ о создании электронной системы голосования.

Идея была в том, чтобы при помощи современного компьютерного подсчета голосов уйти от трудоемкой ручной подтасовки выборов и прийти к системе, когда компьютер сам будет выдавать результаты, подгоняя их под нужные, требуемые президентской администрацией проценты. И все это будет выдаваться избирателю как подлинные результаты голосования. К чему нарываться на постоянные скандалы в той или иной области страны, как это случилось во время референдума, когда какой-то избирком может сообщить, что у него на самом деле подсчет голосов совершенно иной, чем требуется сверху? В результате возникает путаница, неразбериха, скандалы. Вместо этого предполагалось автоматизировать этот процесс по всей стране, и если где-то необходимый процент меньше заданного или сфальсифицировать его удается в меньшей степени, то эту недостачу можно восполнить за счет другого региона и получить в целом искомый результат.

Эта идея базировалась не просто на компьютерном обмане избирателей, а на том общеизвестном психологическом факторе, что хотя результаты выборов и подводятся по бюллетеням, то есть формально утверждаются после их ручного пересчета и сведения его данных в общий результат на уровне территориальных избирательных комиссий, затем комиссий субъектов федерации, а затем в масштабе всей России, но в действительности, если при помощи компьютера представить в ночь голосования избирателю дело так, что та или иная партия победила, поскольку электронный подсчет дал такой результат, то подавляющая масса людей поверит в это независимо от того, какие результаты будут реально получены по бюллетеням голосования, которые к тому же станут известны лишь некоторое время спустя. Обыгрывание этого психологического фактора и легло в основу создания системы тотальной фальсификации выборов, названной Государственная автоматизированная система (ГАС) «Выборы».

Здесь надо упомянуть еще вот о чем. Системы электронного подсчета голосов существуют во многих странах. Например, в тех же Соединенных Штатах, во Франции и многих других. Но они базируются на принципиально ином основании. Например, в Соединенных Штатах избирательные комиссии по штатам не подчиняются центру, а зависят только от своего штатного законодательного собрания, которое в разных штатах принадлежит разным политическим силам. Это могут быть республиканцы, могут быть демократы, а может быть и какая-то третья политическая партия. И поэтому единого давления на все избирательные комиссии из центра организовать просто невозможно. Сходная система существует во Франции и в других странах.

Принципиальное отличие той схемы, которую создал Центризбирком, состояло в том, что все избирательные комиссии по всей стране оказались выстроены в вертикаль власти еще раньше, чем Путин начал выстраивать свою пресловутую вертикаль. Иначе говоря, члены избирательных комиссий по регионам, сначала только на уровне субъектов, а потом и до самого низшего уровня, стали назначаться при согласовании с Центризбиркомом, а потом и непосредственно по указанию Центризбиркома. Естественно, что если какой-то председатель избирательной комиссии любого уровня хотел остаться на своей хорошо оплачиваемой должности, то он должен был заручиться поддержкой Центризбиркома. А это значило, что он должен добиться нужных результатов голосования.

Что значит «получить нужный результат»? Давайте представим себе весь процесс работы системы ГАС «Выборы». В теории все данные со всех избирательных комиссий на избирательных участках свозятся в территориальную избирательную комиссию и затем вводятся в систему ГАС «Выборы». Далее эти данные по совершенно независимым сетям непосредственно сводятся в Центральную избирательную комиссию, минуя даже субъект Федерации. Иначе говоря, те данные, которые вводятся на местах, местным избирательным комиссиям, разумеется, известны, но они никак не могут знать из системы ГАС «Выборы», что вводят в других местах, какие конкретно данные, и, что самое главное, никакие промежуточные избирательные комиссии тоже не имеют никакого представления о том, как эти данные суммируются, и как они в итоге сводятся в обобщенные результаты. Этим ведает только Центризбирком. Только туда сводятся все ниточки системы ГАС «Выборы», и он затем выдает пресловутые столбики результатов голосования.

Любому, кто знаком с компьютерными технологиями, ясно, что как только данные есть у тебя одного, и у тебя есть желание их подправить, то возможность для этого также предоставляется. Поскольку никакого контроля за этим процессом по существу нет.

Центризбирком, кстати, неоднократно предлагал группам наблюдателей от партий проверить, насколько достоверно обрабатываются результаты выборов. Ну и как же они получаются? Если вы поведетесь на эту шутку, то сядете перед монитором в ЦИК и увидите ровно то же, что будет показано по экранам телевизоров: растут какие-то столбики с голосами. А откуда они появляются? Из каких конкретно избирательных комиссий? Каким именно образом эти столбики сводятся? И не производит ли

кто-то на пути этого сведения данных до трансляции на экране монитора какие-то манипуляции с этими цифрами? – Всего этого узнать невозможно. Это происходит в компьютерных сетях, которые к тому же, как нас уверяют, строго засекречены. И таким образом подделать результаты выборов при такой системе может один-единственный человек, который владеет ситуацией, владеет этой компьютерной программой и сидит в какой-нибудь дальней комнате Центризбиркома, а может даже и вне этого здания, просто подключенный к этой сети. Вот такой человек реально может манипулировать в зависимости от получаемых данных теми голосами, которые дальше сводятся в единые столбики.

Разумеется, возникает вопрос: а что же произойдет потом, если эти данные будут не сходиться с теми, которые получены от конкретных избирательных комиссий? А происходит дальше вот что. Сам процесс подведения итогов голосования при внедрении системы ГАС «Выборы» странным образом резко увеличился. Например, в советское время для того, чтобы подвести итоги выборов на Съезд народных депутатов Российской Федерации, с учетом того, что, во-первых, было более 1000 депутатов, во-вторых, в каждом избирательном округе выставлялось в среднем по 10—15 кандидатов, а иногда и больше, вся эта титаническая работа в масштабе всей страны умудрялась закончиться где-то за неделю. Ходила даже байка, а может, и не байка, что тогдашний председатель Центризбиркома лично перепроверял, сходятся ли результаты голосования, на деревянных счетах. Но закон обязывал Центральную избирательную комиссию опубликовать итоги выборов не позднее чем через десять дней. И он соблюдался: реально итоги выборов публиковались в течение недели.

А что происходит сейчас? До 2007 г. в Государственную Думу избиралось всего 225 депутатов по одномандатным избирательным округам, то есть там, где могли выставляться конкретные кандидаты. Остальные избирались по партийным спискам. В этих 225 округах (то есть уже почти в 5 раз меньше, чем на Съезде народных депутатов) количество кандидатов в депутаты также уменьшилось в 2 – 3 раза. Явка на выборы по сравнению с советским периодом упала примерно в 3 – 5 раз.

На выборах 2007 г., с голосованием по спискам, подсчет стал еще проще и примитивнее. Как следствие объем работы при подсчете результатов голосования в целом сократился в несколько десятков раз. При этом с внедрением электронной системы, пресловутой ГАС «Выборы», оказывается, что результаты голосования в виде столбиков вы видите непосредственно в ночь после проведения самого голосования, и уже тогда можно узнать, какая партия победила в целом по стране. Но по закону теперь оказывается, что Центризбирком обязан лишь установить результаты выборов в Госдуму через две недели. А опубликовать их и вообще только через три недели. А полные данные (об их полноте разговор еще впереди) выдать вообще только через два месяца!

Как же так получается? С одной стороны, мы видим результаты почти мгновенного подсчета голосов при помощи так называемой электронной системы, а с другой – сроки сведения результатов голосования по бюллетеням и опубликования официальных итогов выборов увеличились в как минимум вдвое. И это при сокращении реальной работы по подсчету голосов где-то в 20—50 раз! Где теряется это время, почему так происходит?

Ответ очень простой. После того, как игра со столбиками результатов голосования на экранах телевизоров покажет то, что нужно устроителям этого электронного лохотрона, реальные результаты начинают подгонять под эти пресловутые столбики. Иначе говоря, при помощи автоматизированной системы можно определить, на какой процент надо сфальсифицировать данные по каждому региону в зависимости от того, какой общий результат надо получить по стране. Если ввести в этот процесс известную поправку, в которой тоже нет ничего сложного – в каком регионе легче фальсифицировать выборы, а в каком труднее, – тогда окажется, что в целом по стране эта картина распределения депутатских мест с учетом фальсификации будет иметь как бы разный коэффициент. Например, если проводятся выборы в Чечне, то понятно, что в ситуации войны, в которой живет республика, проверить их практически невозможно. Поэтому там легко показать, что 90% населения приняло участие в голосовании, что из этих 90% все проголосовали за правительственную партию, хотя именно эта партия и расстреливает эту самую Чечню. В общем, сделать это достаточно просто. С другой стороны, в тех регионах, где есть больше наблюдателей, где существует в большей степени контроль за выборами, наоборот, процент фальсификации минимизируется, сводится к более приемлемым цифрам.

В чем же роль избирательных комиссий, которые находятся под контролем Центризбиркома? Они должны так подтасовать результаты голосования, то есть итоговые протоколы выборов, чтобы в конце концов нужные цифры сходились бы между собой. Вот этот процесс переписывания, подтасовывания протоколов – от Центризбиркома к субъектам Федерации, от субъектов Федерации к территориальным комиссиям, от территориальных комиссий к участковым комиссиям – продолжается в течение нескольких недель. В результате появляются подтасованные протоколы голосования, на основании которых публикуются официальные итоги выборов.

Здесь надо вспомнить, что начиная с 1995 года, когда система ГАС «Выборы» начала действовать, она официально считалась работающей в опытном режиме. Основным результатом считался результат по избирательным бюллетеням, по крайней мере, вплоть до марта 2007 года, когда прошли последние региональные выборы перед федеральными, назначенными на 2 декабря 2007 года. На всех этих этапах ГАС «Выборы» формально не была основным инструментом подсчета голосов. Но фактически именно по выданным ею цифрам подводились итоги голосования. Уже на следующий день, задолго до получения официальных результатов выборов, через государственные СМИ шли сообщения о победе той или иной партии, обсуждали, сколько мест кто занял в Государственной Думе и т.д. Будучи чуть ли не вспомогательным, иллюстрационным материалом к результатам голосования, в действительности ГАС «Выборы» вводилась в сознание людей как основной инструмент подведения их итогов.

Естественно, что объем фальсификаций с внедрением и обкаткой этой системы рос на глазах. В качестве иллюстрации приведу пример из региональных мартовских 2007 г. выборов.

Вот свидетельство кандидата в депутаты Мособлдумы В. Бакунина:

«В Химках единороссы фальсифицировали итоги голосования на шести избирательных участках. Для наглядности опишу, как выглядел итоговый протокол, подписанный семью членами участковой избирательной комиссии №2963 микрорайона Сходня города Химки. За партию СПС – 61 голос, за «Яблоко» – 58 голосов, за «Единую Россию» – 182 голоса и цифры указанные в протоколе продублированы прописью. С протокола снята ксерокопия, заверена печатью участковой комиссии и выдана наблюдателям от партий.

Через несколько часов в сведениях, поданных в избирательную комиссию Московской области, уже фигурируют следующие цифры: за СПС – 4 голоса, за «Яблоко» – 8 голосов, а украденные 107 голосов приплюсованы к «Единой России». В результате простой арифметической махинации у них стало 289 голосов вместо 182, указанных в итоговом протоколе… Кроме Химок, еще десять районов, где происходили подобные безобразия.

…По пути в территориальную избирательную комиссию протоколы были подменены, и в систему ГАС «Выборы» вводился уже фальсифицированный протокол. Но всего вероятней от участковых комиссий были приняты реальные протоколы, а уже потом территориальная комиссия передала в систему ГАС «Выборы» нужные ей цифры, и задним числом приступила к подчистке исходных документов. В комнату, откуда передавались данные в систему ГАС «Выборы», наблюдателей, в нарушение закона, не пустили. «Недовольны? Идите в суд со своими протоколом, а лучше заткните его в одно место» – вот ответ чиновников в Химкинской администрации, которая рулила территориальной избирательной комиссией. Все это вскроется в суде.

Как в этом случае скрыть преступление? Его можно скрыть, если совершить еще более тяжкое преступление, а именно, подменить хранящиеся в архиве избирательные бюллетени в соответствии с фальсифицированными протоколами. Тем более и лишние бюллетени, и все печати участковых комиссий, и типография, где напечатаны бюллетени, в руках «стратегов» со Старой площади. Как я и предполагал, они это сделали. Химкинская избирательная комиссия в нарушение избирательного законодательства без законных представителей партий и автора жалобы вскрыла мешки с избирательными документами и дала ответ заявителю и в прокуратуру города Химки, что данные по СПС соответствуют их цифрам, а остальные бюллетени отказалась показать присутствующим».

К вышесказанному можно лишь добавить, что надежды автора на справедливый суд оказались иллюзорными: судебные решения всех инстанций определили протоколам наблюдателей то самое место, куда их и посоветовала засунуть Химкинская администрация.

В этом примере стоит обратить внимание на две вещи. Во-первых, масштаб фальсификаций: нужной партии оказались приписаны почти 60% голосов. Легко предположить, что и в других местах территориальные избирательные комиссии, проинструктированные подобным образом, в приписках не стеснялись. Во всяком случае ни в Центризбиркоме, ни в судах химкинский случай никого не шокировал.

Во-вторых, дело происходило все-таки в ближайшем пригороде Москвы, то есть в месте с более политически активным населением. Поэтому там были хотя бы наблюдатели. В результате стала затруднительной массовая фальсификация, например, явки на выборы: по Московской области она тогда составила 22,3%.

В более дальних регионах все не так: В Иркутской области, например, явка на выборы варьировалась от 5,1% до 75,92% . То есть, если верить избиркомам, в одном и том же регионе России избиратели одновременно демонстрировали от полного безразличия до безмерного энтузиазма от выборов. Что не совсем согласуется со здравым смыслом. А если все-таки не отбрасывать этот здравый смысл, то можно предположить, что реальная явка на выборы там была примерно одинаковой. И, скорее всего гораздо ближе к 5%, чем к 75%, во всяком случае, не выше 22% по Московской области. Просто там, где не удалось подправить реальную явку, зафиксировали 5% пришедших на выборы, а там, где никаких наблюдателей не было, избирательная комиссия «оторвалась» от души. Ну-ка, угадайте с трех раз, кому пошли высосанные из пальца голоса избирателей, «Единой России» или кому-нибудь еще?

Характерная деталь. Во всех избирательных законах до 2003 г. (а у нас к каждым выборам принимался новый закон, о чем речь еще впереди) существовала норма, по которой результаты выборов должны публиковаться по всей стране вплоть до каждого избирательного участка. Это очень важное положение, поскольку, если опубликовать все данные о выборах вплоть до каждого избирательного участка, то во-первых, по этим данным можно проверить результаты выборов снизу доверху. Вот количество участков, вот сколько на них было подано голосов, вот они сводятся в территории, получилась такая-то сумма, вот – в субъект Федерации, проверяется сумма по субъекту, и вот, наконец, сводные данные в целом по России, которые также можно самостоятельно пересчитать. Каждый может проверить результаты, объявленные Центризбиркомом.

При этом каждый наблюдатель, пришедший на свой избирательный участок и получивший по окончании выборов свою копию протокола подсчета голосов, мог бы проверить, правильно ли учтены данные его участка. Если же бы он увидел расхождения, а как мы видели на только что приведенном примере, это случается весьма часто, то он бы мог об этом написать, например, в тот же Фронт национального спасения и сообщить, что им получены другие результаты выборов, вот подлинный протокол, подписанный председателем избирательной комиссии и секретарем. Другой наблюдатель мог бы сделать то же самое в другом избирательном участке, третий – в третьем и т.д. И когда таких разрозненных данных собралось бы достаточное количество, можно было бы сделать вывод о том, насколько масштабно искажены результаты выборов.

Так вот, несмотря на требования избирательных законов, эти данные в масштабе всей страны не были опубликованы НИ РАЗУ.

Ни в 1994, ни в 1996, ни в 2000, ни в 2004 годах. А пухлые сводные отчеты Центризбиркома начинаются только со сводных данных территориальных комиссий; первичных, участковых протоколов там нет. И, следовательно, проверять нечего.

В последней версии избирательного закона, той, по которой прошли выборы 2007 – 2008 годов, этому безобразию положен конец: требование публикации протоколов участковых комиссий оттуда вообще изъято.

Из этого следует, что результаты выборов не просто фальсифицируются. Специально созданы и заложены в закон условия, чтобы нельзя было раскрыть подлинный масштаб этой фальсификации. А поскольку эти законы в действительности пишет под себя сам Центризбирком, и он же выстраивает деятельность подчиненных ему избирательных комиссий, остается только заключить, что фальсификация результатов выборов не случайность, а следствие его организаторской деятельности. Хотя он очень старается, чтобы она осталась незаметной для широкой публики.

Другой тому пример – отношение Центризбиркома к системам проверки выборов.

Как только ЦИК стали подозревать в фальсификации выборов (а подозревать его в этом стали сразу), родились системы, при помощи которых каждый избиратель мог бы проконтролировать свои собственные результаты голосования. Дающие возможность личного контроля – куда пошел мой голос. Кратко, идея состояла в том, чтобы каждый избиратель мог получить некий отрывной талон вроде лотерейного билета, в котором бы затем по сводной таблице на своем избирательном участке он мог бы проверить, что его конкретный голос засчитан партии или кандидату, за которых он реально голосовал. Это примерно та же система контроля за выборами, что и с проверкой избирательных протоколов на уровне участковых избирательных комиссий, но доведенная еще ниже – до каждого конкретного избирателя, при которой он может убедиться, что его голос посчитан правильно.

Разумеется, если бы такая система была введена, это значительно повысило бы интерес избирателей к выборам, потому что они бы поняли, что их голоса реально учитываются и они могут это проконтролировать. Но это же одновременно значило бы, что вся та машина фальсификации выборов, созданная в результате государственного переворота 1993 года, окажется недейственной. Разумеется, что Центризбирком и кремлевская верхушка, которая реально им руководит, допустить этого не может. Не для этого эта машина создавалась. В итоге Центризбирком специально внес в Закон о выборах образца 1999 года фразу о том, что «нумерация бюллетеней не допускается» (ст. 71). То есть создать систему, при которой каждый избиратель мог бы увидеть, куда конкретно пошел его голос, отныне запрещено законом.

Следующий момент, который еще раз хочется подчеркнуть: вся эта система строится на том, что Центризбирком, выполняя свою задачу по фальсификации выборов, сам для себя пишет избирательное законодательство. То есть он сам определяет, каковы должны быть нормы закона для того, чтобы он смог выполнить свою задачу, то есть сфальсифицировать итоги выборов.

При этом Центризбиркому с самого момента его создания было запрещено заниматься законодательной деятельностью. Но тем не менее, с первого года своего существования именно этим Центризбирком и занимается. На сегодняшний день ситуация такова, что избирательным законодательством у нас, в отличие от того, что было при Съезде народных депутатов России или в советское время, не занимается никто, кроме Центризбиркома. Ни Государственная Дума, ни какой-то иной орган не разрабатывает и не правит избирательное законодательство. Во-первых, потому, что при помощи созданного в Думе проправительственного большинства (кстати, путем той же фальсификации выборов) ни один закон, не исходящий от Центризбиркома, не имеет шансов быть принятым. Так что его и писать нет смысла. Избирательные же законы, которые реально пропускаются через механизм думского большинства, это только те, которые написаны самим Центризбиркомом.

Правда Центризбирком соблюдает здесь тонкий пиетет: он сам не вносит законы в Думу, они представляются от имени президента. Но представляет эти законы в Думе, защищает их, отвечает на вопросы – председатель Центризбиркома. Так сказать, руководитель коллектива разработчиков. То есть глава того самого органа, которому запрещено заниматься как раз той деятельностью, которой он и занимается в Думе.

Целенаправленная политика по фальсификации избирательного процесса с внедрением системы ГАС «Выборы» обрела свой автоматизм. Оттачиваясь, она становилась все более четкой, более тонкой, менее топорной. На это ушло почти 14 лет. А уж сколько денег – вообще не счесть.

Для понимания процесса: один только сканер для бюллетеней, которыми собираются оснащать избирательные участки России, стоит более 2000 долларов, при цене за обычный, для текстовых документов, где-то долларов 50. Представляете, сколько взяток избиркомовскому начальству на то, чтобы оснастить сим техническим чудом всю Россию, заложено в этой разнице? Но чего не сделаешь ради того, чтобы на выборах были нужные результаты! Да и сами сканеры, среди всего прочего оборудования ГАС «Выборы» – так, мелочь, к слову пришлось. Бюджет на проведение всероссийских выборов исчисляется миллиардами рублей.

Сейчас ГАС «Выборы» официально уже вышла из опытной эксплуатации и перешла в штатный режим работы. Нет, по закону «данные о ходе голосования и его результаты, полученные с использованием ГАС «Выборы», являются предварительной, не имеющей юридического значения информацией» (ст. 87. 6). Но в то же время «при подготовке и проведении выборов депутатов Государственной Думы, в том числе при регистрации (учете) избирателей, составлении списков избирателей, установлении итогов голосования и определении результатов выборов, для оперативного получения, передачи и обработки информации используется только ГАС «Выборы»» (там же, ст. 87. 1). Вот и понимайте как хотите. Информация не имеет юридического значения, но использовать можно только ее.

В действительности это означает следующее. Какими бы ни были данные в протоколах результатов голосования, они становятся законными только тогда, когда будут запущены и переварены системой ГАС «Выборы». Через тот самый компьютер, который управляет всей этой системой в Центризбиркоме. Нарисовали на экранах мониторов столбики, якобы отражающие ход голосования, – вот вам и результаты выборов, они и являются законными. Законными на основании чего? – А внизу подпись стоит «Центризбирком». Перефразируя известное выражение, посмотрите в честные глаза Центризбиркома, – разве они могу лгать? Вот вам и вся процедура достоверности выборов.

Главный результат созидательной центризбиркомовской деятельности за этот период то, что все ранее существовавшие лимиты фальсификации выборов благополучно сломаны. Дедовские способы вбрасывания подложных бюллетеней и подмены итоговых протоколов уже не актуальны. Теперь результаты выборов в демократической России стали ограничены только фантазией их устроителей.

2.3. Голосуй – не голосуй…

Все эти манипуляции с выборами привели к тому, что в народе появилось популярное и очень меткое выражение, определяющее его отношение к существующей системе выборов в России и тому, какие итоги от нее следует ждать: «Голосуй – не голосуй, все равно получишь…» – далее следует распространенное матерное слово. Это означает, что вера людей в демократию при нынешнем государственном устройстве полностью утрачена. Чисто интуитивно они в нее не верят. Хотя возможно и не осознают, по каким именно причинам в нее не следует верить. Собственно, ради этого понимания я и пишу эту книгу.

Например, известный факт, что от выборов к выборам падает число тех, кто еще принимает участие в голосовании. Подавляющее число избирателей России на сегодняшний день, и это уже признанный факт, «голосуют ногами». Официально зафиксированная явка на выборы даже в крупных городах типа Москвы находится на уровне 1/3 голосов. А реально она еще меньше. Это означает, что как минимум 2/3 избирателей ни в какие выборы не верят. Они не голосуют не потому, что довольны этой системой, а потому, что чувствуют, что куда ни пойди и какой бюллетень ни положи, реально получишь не то, за что проголосовал. Откуда, собственно, и эта новорожденная русская пословица.

Если кратко изложить суть нынешнего российского избирательного процесса, то он сведется к следующему. Еще до голосования избирателя убеждают в том, что результаты голосования заранее предрешены. Что нужная партия, например, «Единая Россия», обладает убедительным большинством голосов. Как следствие, когда результаты выборов будут сфальсифицированы Центризбиркомом, эта победа не должна вызвать у них никакого удивления. Ради этого всего работает система телепропаганды с массовыми заказными митингами в поддержку «Единой России», а также рейтингов, всякого рода якобы независимых социологических опросов и т.п., которые показывают убедительную поддержку президентской партии и его самого. Их задача – создать у избирателей иллюзию, будто подавляющее большинство поддерживает этот режим, хотя на самом деле это далеко не так.

Начнем с простого. Вообразим себе, что, как нас убеждали рейтинги, 80% действительно избирателей в 2000 и 2004 гг. поддерживали Путина. Он обладал такой поддержкой, какой в стране никто не видывал. Об этом взахлеб твердили российские и западные средства массовой информации, как бы подтверждая друг друга. Российские СМИ ссылались на опросы, зарубежные СМИ на российские, потом российские перепечатывали зарубежные и все шло по кругу. Короче, формировалось общественное мнение, что 70—80% россиян в любых случаях поддерживают Путина, и с этим ничего не поделаешь. Поэтому он автоматически побеждал совершенно закономерно, равно как и ведомая им партия.

Давайте попробуем проверить этот рейтинг хотя бы на простых житейских вещах. Что такое 70 – 80 % поддержки Путина? Это значит, что четверо из пяти людей твердили: «У нас такой отличный президент! Прям расцеловал бы его во все места! Лучшего и желать не хочу!» Так это было или нет? Как правило, это были какие-то чиновники, которые такие взгляды имели только на публике, с оглядкой на то, как бы им не дали по шапке. Про себя же они посылали его ко всем чертям, в чем я имел возможность неоднократно убедиться. И, кстати, имеют на то гораздо больше оснований, чем простые смертные. В остальном же, если опросить обыкновенных людей, то добиться того, чтобы каждые четверо из пятерых, каждые 80 из 100 кричали, что настолько любят Путина, что без него просто жить не могут, что это самый лучший президент России на все века, было просто невозможно. Совершенно очевидно, что такой поддержкой он не обладал.

Тем не менее нам из года в год 8 лет твердили, что поддержка Путина находится на уровне 80%. Это просто вранье, высосанное из пальца. И оно стало возможным лишь потому, что государственная машина получила тотальный контроль над средствами массовой информации. Поэтому она определяет, что им печатать, независимо от того – правда это или ложь.

В том, что тотальный контроль над средствами массовой информации получен, очень просто убедиться. Для этого тоже не надо сверхъестественных доказательств. Возьмите самое массовое средство массовой информации на сегодняшний день – телевидение. Обратите внимание на то, какие программы новостей идут по центральным телевизионным каналам. Формально все эти каналы разные: один принадлежит финансовой группе, другой – столичный, третий всюду подчеркивает, что вообще ни от кого не зависит, четвертый как бы «общественный» и т.д. Короче говоря, все они различаются. Но когда вы просмотрите программу новостей, какие события комментируются и, что самое главное, как они подаются, то станет очевидным, что они на всех каналах практически одни и те же. Совпадают если не на все 100, то на 90% точно. Во всяком случае, расхождений нет. Если вы посмотрите новости по 2-му каналу, можете смело смотреть их по 4-му и узнаете то же самое, в том же количестве и с теми же самыми оценками и комментариями, даже практически в том же порядке. То же самое повторится и на других каналах. И так каждый день.

Это значит, что при формальном отсутствии цензуры (в России цензура запрещена конституцией) фактически есть некий центр управления, который диктует, какую информацию россиянам положено знать, а какую нет. Например, из российских средств массовой информации вы никогда не узнаете, как подводная лодка «Курск» была потоплена американской субмариной. Эта новость интересовала очень многих россиян, равно как и обстоятельства, при которых это произошло. И уж тем более вы не узнаете, как и сколько заплатило американское правительство за то, чтобы замять эту катастрофу. Ни одно крупное средство массовой информации в России, например, телевидение, подконтрольное государству, эту информацию не пропустило. Хотя бы в порядке дискуссии. Просто пример для понимания того, что российские СМИ находятся под тотальным контролем со стороны правительства.

И поскольку они находятся под контролем, то создать у окружающих впечатление, будто правительственная партия, некий

кандидат в президенты или существующий президент обладает тотальной поддержкой, а потому выборы, которые потом фальсифицируются, только подтверждают это, не составляет абсолютно никакой трудности. Что, собственно, и происходит.

Поэтому фальсификация результатов голосования – это фактически только вторая половина аферы, которая оформляет ее первую половину, которая получается из так называемых рейтингов, опросов общественного мнения, высосанных из пальца, и прочих заверений в том, что нужная партия или кандидат обладают должным большинством для того, чтобы выиграть выборы. Вот и вся задачка в два хода, в результате которой, действительно, голосуй, не голосуй, – получишь только тот результат, который необходим президентской верхушке. Которую, если говорить начистоту, никто и не выбирал, которая просто подмяла под себя демократический процесс, превратив его в ширму, избирательный балаган, при помощи которого она от выборов к выборам вновь себя якобы переизбирает.

По этому поводу мне вспоминается анекдот, который еще в советское время я прочитал, кажется в «Крокодиле»: «Самая демократическая система выборов – в одной из африканских стран, где пост президента разыгрывается в лотерею. Самое удивительное, что в течение 30 лет эту лотерею выигрывает один и тот же человек».

Избирательная система России сейчас адекватна этой африканской лотерее. Сохраняя видимые атрибуты демократии, игра в выборы, предвыборная кампания, избирательные дискуссии, напоминают старый концертный номер – борьбу нанайских мальчиков. Если кто помнит, он состоял в том, что комедиант надевал костюм в виде двух борющихся мальчиков и, перетаптывая руками и ногами на сцене, имитировал эту борьбу. Примерно такой же спектакль проходит с российскими выборами.

Естественно, что избиратель, уже не имея возможности реагировать своим голосованием, ибо оно все равно фальсифицируется, перестает ходить на выборы. Отсюда проблема явки, которая является на сегодня самой серьезной проблемой российских выборов.

Перевести явку избирателей полностью на электронные рельсы, с тем, чтобы ее нельзя было реально проконтролировать, как голосование, пока еще невозможно. К большому сожалению Центризбиркома, избирателю для того, чтобы очередное действо аферы российских выборов удалось, еще нужно прийти на избирательный участок.

Поэтому единственное, что остается делать Центризбиркому, это любым способом бороться за явку. Чтобы избиратель хотя бы пришел, чтобы сохранялась хотя бы видимость легитимности выборов. Потому что когда он придет, результат нарисуют, какой требуется. Для этого есть и наукообразная система в лице разного рода рейтингов и опросов, и средства массовой информации, которые эти рейтинги и опросы раздувают и доносят до всеобщего сведения, и система фальсификации голосования, которая уже доведена до автоматизма. Но вот привести самого избирателя на выборы – это стало проблемой № 1.

Кстати, тот, кто видел избирательные кампании на Западе, так сказать, в «цитадели демократии», наверняка отмечал, что там идет агитация за партию, программу, кандидата. Обратите теперь внимание, что происходит в России: вас призывают в основном прийти на выборы. За кого вы проголосуете, уже не важно. Вы только придите, остальное сделают и без вас!

Приведу такой пример. В декабре 2005 года проходили выборы в Московскую Городскую Думу. Нижний порог явки на эти выборы по избирательному закону составлял уже тогда 20%. Хочу попутно отметить, что даже 25% явки, существовавшие с 1993 года для того, чтобы признать выборы состоявшимися, – это уже само по себе скандал. ¾ избирателей не приходят на выборы, оставшаяся четверть как бы голосует, и этот результат признается законным выбором избирателей. Если же учесть, что за победившего кандидата голосует только часть избирателей, то это значит, что выбирает даже меньше, чем меньшинство – ничтожное количество избирателей. Так вот, на этих выборах норма явки была опущена уже до 20%, как легко догадаться потому, что набрать и 25% было проблематично.

День голосования выдался морозный, снежный, то есть совершенно не располагающий к выходу из дому. И поскольку к тому времени ГАС «Выборы» в Москве уже работала на полную мощь и даже выдавала свои данные в интернет, я решил понаблюдать за ними. Зная то, как «делаются» выборы, меня интересовали не столбики, которые будут показывать результат по окончании выборов. То, что они покажут, было и так известно. Меня интересовала явка избирателей. Причем явка в режиме реального времени, когда тебе в конкретный час сообщают, сколько избирателей к этому времени пришло на избирательные участки.

Дело в том, что именно этот показатель, особенно по Москве, труднее всего фальсифицировать. Потому что на участках все-таки есть какие-то наблюдатели, они ведут свой подсчет, следовательно, могут сообщить хотя бы приблизительно цифру проголосовавших своим партиям. А те – сравнить ее с тем, что сообщает избирком. Короче говоря, в самый момент голосования эти цифры тяжелее всего фальсифицировать. Потом, после закрытия участков, на следующий день начнется переписывание итоговых протоколов. Но это уже на следующий день.

Я прекрасно помню, как где-то до 6 часов вечера сообщалось о количестве избирателей, пришедших на избирательный участок, а само голосование должно было закончиться в 20 часов. После 2 часов дня появилась цифра: явка на 14 часов составила где-то 18% избирателей. Следующая цифра должна была появиться к 18 часам. И тут данные по явке просто замерли. Никакого продолжения не последовало. Не было данных и на момент окончания выборов – в 20 часов.

Однако на следующий день данные в сети ожили, и вдруг оказалось, что в голосовании приняло участие даже больше избирателей, чем на прошлых выборах – 33%. Получалось, что в течение всего дня, достаточно морозного и не располагавшего к

тому, чтобы идти куда-то голосовать, тем более при соответствующем отношении к выборам, только 18% избирателей тем не менее пришли на избирательные участки. Для Москвы, замечу, и то хорошо, поскольку это город, в значительной мере состоящий из чиновников и членов их семей. Так что можно предположить, что они как минимум проголосуют сами за себя, то бишь за свои интересы.

Так вот, если верить избиркомовским данным, когда наступило время ужина и расслабления в воскресный вечер, почти столько же избирателей, что и в течение дня, бросив все, ломанулись на избирательный участок и тем создали необходимую явку, даже превысив ее. При этом понятно, что они в своем большинстве проголосовали за тот состав Городской Думы, который был нужен Лужкову.

Нереальность такого факта настолько очевидна, сразу бросается в глаза. Очевидно также, что сбой системы в интернете пришелся как нельзя кстати, чтобы урегулировать вопросы с явкой. Потому что иначе был бы не избран состав Думы, последовал бы скандал.

Той ночью в работе московской ГАС «Выборы» вообще объявили так называемый технический перерыв до 10 утра. Это не значит, что система не работала – просто ее данные никому не показывали. Хотя всеми избирательными законами это запрещено. Зато появилась возможность поправить тех из избирателей, кто по скудоумию ошибся с выбором. Например, бессменный спикер Мосгордумы до технического перерыва проигрывал в своем избирательном округе кандидату от КПРФ. А после технического перерыва уже выиграл.

Как видите, даже в Москве, где и коммуникаций побольше, и народ более политически опытен, и то удается подделать даже такой трудный параметр, как явка. Что же в таком случае говорить о провинции? Там это делается вообще без всякого стеснения и без всякой оглядки. Для примера приведу референдум, который проходил в апреле 2005 года в Красноярском крае на предмет объединения с прилегающими автономными округами: Эвенкийским и Таймырским в единый субъект Федерации.

Тут надо пояснить контекст вопроса. Жители Красноярского края от такого объединения ничего особенно не проигрывают и не выигрывают. Что же касается жителей самих этих автономных округов, то слияние с Красноярским краем для них реальная потеря, причем достаточно большая. Поскольку как автономные округа они были представлены в Совете Федерации, то есть имели своего человека в Москве, который – плохо ли, хорошо ли, но отстаивал их интересы. А это в первую очередь вопрос ресурсов, которые удается выбить из центра на развитие территории, от которых прямо зависит благополучие ее жителей.

При слиянии автономных округов это представительство исчезает. У самого же Красноярского края, как нетрудно догадаться, много и собственных территориальных единиц.

Так вот по этому поводу проходил референдум, причем в зимне-весенних условиях Сибири, когда и достичь-то избирательных участков в этих автономных округах было достаточно проблематично. Да и выгоды от голосования для их населения были туманны. Так вот в этих условиях оказалось, что процент явки избирателей на избирательные участки по официальным отчетам зашкалил аж за 60%! Причем в самих автономных округах этот процент был еще выше. По избиркомовским данным, картина была такова, будто люди среди зимней стужи в воскресный день, побросав свои дела, бросились из чумов на избирательные участки, лишь бы только отдать свой голос. Естественно, подавляющее большинство, по отчетам Центрального и Красноярского избиркомов, проголосовало за объединение в единый край.

Особую пикантность бравурным результатам этого референдума придает тот факт, что в тот же самый день в двух городах Красноярского края – Канске и Ачинске – проходили выборы в органы местного самоуправления. Избиратели в этих городах, таким образом, были мотивированы не только голосованием на референдуме, но и выборами своих городских глав и членов городских дум. То есть у них было вдвое больше причин прийти в этот день на избирательный участок. Плюс к тому, поскольку это все-таки городские условия, достичь избирательных урн им было гораздо проще, чем в сельских местностях, тем более расположенных за Северным полярным кругом. Так вот оказалось, что в этих городах явка на выборы была порядка 30 – 40%. И, соответственно, референдум в них был признан несостоявшимся.

А вот в глухой и совершенно нехоженой местности, в которой избиратели должны были проголосовать против своих же собственных интересов, явка была чуть ли не в два раза больше! И в такого рода цифры избиркомовские фокусники предлагают нам верить!

В действительности разгадка феномена столь фантастического голосования проста. На местных выборах в Канске и Ачинске были наблюдатели. И потому подделать результаты явки не удалось. А во всех других местах политические организации голосование не контролировали – за ненадобностью. Ну и избиркомы всех уровней вкупе с ГАС «Выборы» показали, на что они способны.

Все это вместе взятое приводит к неутешительному выводу, что реальные результаты голосования по любому вопросу в нынешней российской избирательной системе вообще не учитываются. На сегодняшний день то, что пока еще оказывает влияние на размеры фальсификации выборов, это только физическая явка гражданина на избирательный участок. В случае, если он там появился, его голос можно приписать как угодно и к чему угодно. Системы, которая бы реально защитила от этого избирателя, в России сейчас нет.

Поэтому естественно, что у людей остается все меньше и меньше мотивов, чтобы прийти на выборы, потому что они понимают, что избираются не те, за кого они голосуют, а те, кого назначит соответствующая власть. Поэтому требуется все большая

подделка результатов выборов, и масштаб российской избирательной аферы все растет.

В этом причина постоянно снижающегося порога явки на выборы. Дело ведь даже не в том, что власть не может ее натянуть. Как мы видим на примерах выборов в Москве и в Красноярском крае, до сих пор у нее это получалось. Она боится, что как-то раз на выборы придет так мало избирателей, что избирательный блеф лопнет. И для того, чтобы этого не произошло, она подстраховывает себя, снижая порог явки сначала до 25%, потом до 20%. Сейчас он вообще отменен. Теперь даже одного избирателя, пришедшего на избирательный участок, достаточно, чтобы признать выборы состоявшимися.

Кстати, если судить по официальным результатам выборов, то окажется, что явка избирателей как раз довольно стабильна. В Москве, например, она порядка 30 – 35%, кое-где даже повышается до 50 – 60%. Если посмотреть на результаты выборов в Чечне, так там чуть ли не 90% избирателей является на избирательные участки.

Но если все это так, отчего в законе постоянно понижается порог явки на выборы? Если проблемы нет, почему сейчас его опустили до нуля? Ответ на этот вопрос один. Реально во многих регионах страны голосуют уже менее 20% избирателей, и российским властям это прекрасно известно. Поэтому, отменив порог явки, и в то же время заявляя о 30—60 или более процентах проголосовавших, они фактически расписались в том, что фальсифицируют выборы, причем по-крупному. Так что действительно, голосуй – не голосуй, все равно получишь…

2.4. Закон что дышло

Самое наглядное свидетельство того, что российские выборы превратились в аферу, состоит в том, что наше избирательное законодательство переписывается к каждым выборам. Поскольку выборы – это соревнование, то в сравнимых понятиях это выглядит так, как если бы каждый чемпионат страны, ну, скажем, по футболу, проводился по новым правилам.

Надо сказать, что многие страны, как демократические, так и не очень, гордятся тем, что их избирательное законодательство не меняется в течение десятилетий. Этим подчеркивается, что выборная система неконъюнктурна, стабильна, зависит только от воли избирателей, и каждый раз президенты или парламенты избираются по одному и тому же правилу. Иначе говоря, никто не пишет к каждым выборам правила и законы, как меня, всенародно любимого, вернее избрать, а точнее – переизбрать. Как правило, все изменения в избирательных законодательствах большинства наших образцов демократии – западных стран – происходят в плане уточнения границ избирательных округов от выборов к выборам, поскольку каждый раз депутаты избираются от определенного количества населения. Естественно, что за период от выборов до выборов численность населения меняется, поэтому возникает такая необходимость. Но это происходит абсолютно во всех избирательных системах, ничего здесь особенного нет. Сам закон как таковой, принцип голосования при этом не меняется.

В России же абсолютно к каждым выборам, начиная с 1993 года, принимается новый закон. Точнее говоря, в 1993 году, когда народу явили ельцинскую конституцию, вместе с ней было опубликовано положение о выборах, введенное указом президента.

В то время для видных демократов – сторонников президента одной из любимых тем обсуждения было то, как на осколках советской системы пишутся нетленные российские демократические ценности, включая самые демократичные нормы выборов. Это вам, мол, не советская лоскутная конституция, в которую внесли более 300 поправок. Здесь все незыблемо: пишется на века.

Действительно, с 1993 года ельцинская конституция никаких изменений не претерпела. Есть, правда, другой нюанс: ее просто не исполняют. Самый простой, хотя и формальный, пример – те самые объединения регионов, которые прошли в результате так называемых референдумов, например, объединение Красноярского края.

Дело в том, что количество субъектов Федерации, то есть этих самых округов, областей и краев, расписано в самой российской конституции. Конституция является высшим законом государственной жизни. Выше ее закона в государстве нет. А это значит, что если в этой конституции прописаны определенные субъекты Федерации – автономные округа, то никакие их слияния или упразднения без изменения конституции невозможны и недействительны. А они, тем не менее, происходят. И все ветви власти, включая так называемую четвертую – крупные СМИ, делают вид, будто ничего особенного не случилось.

Впрочем, что там слияние краев да округов, высокая политика! Попробуйте-ка обратиться в любой российский суд (кроме разве что Конституционного) и оспорить что-либо на основании российской конституции. Той самой, которая прямого действия и выше любого российского закона. Вы увидите, куда вас тот суд пошлет. Скорее всего, туда же, куда всем наблюдателям на выборах, начиная с 1993 года, советуют засунуть их протоколы голосования. Так что неизменность конституции отнюдь не гарантия исполнения того, что в ней написано.

В любом случае положению о выборах 1993 года повезло меньше, чем конституции. Еще не доходя до голосования, его успели уже дважды поправить. Сначала добавили в Думу 50 депутатских мест, а потом, еще подумав, объявили весьма демократичную норму, по которой голосование против всех, собиравшее наибольшее число голосов, обязывало провести новые выборы – недействующей. Правда временно, и только на выборах в Госдуму 1993 года. Но зато очень вовремя: как оказалось, в 32 округах кандидат «против всех» собрал больше голосов, чем любой из кандидатов. Кстати, эта норма перекочевала в положение о выборах 1993 года из советского избирательного закона. Но до своего применения, как видите, не дожила: планка советской демократии оказалась слишком высокой для демократических выборов. Само собой разумеется, на следующих выборах о ней уже никто не вспоминал.

Итак, в 1995 году, вместо положения о выборах Государственной Думой был принят избирательный закон. При этом уже тогда в процессе его принятия начал принимать активное участие Центризбирком, хотя при его создании всего два года назад специально оговаривалось, что ему до законотворческого процесса нет никакого дела. Ему полагалось не продвигать законы, а их исполнять. В частности Центризбирком настаивал, чтобы партии сдавали в свою поддержку вдвое больше подписей – 200 000, и добился своего. О результатах сдачи этих подписей я уже писал выше.

В 1999 году, накануне новых выборов, вдруг оказалось, что необходим новый избирательный закон. И он снова был принят, причем фактически его полностью разрабатывал Центризбирком.

К 2003 году, когда снова подошли выборы, само собой, потребовался очередной избирательный закон. Причем когда он появился, а сама череда этих законов стала объектом политических анекдотов, было объявлено, что к следующим выборам будет готовиться уже избирательный кодекс. Мол, это будет уже не просто закон, а некий свод законов, который по самому своему названию – кодекс – подразумевает полноту и неизменность.

Я, конечно, понимаю, что всех законописателей завораживает кодекс Наполеона, который, будучи принят еще в 1804 году, с некоторыми поправками действует во Франции до сих пор и, кстати, приносит ему посмертную славу. Российские кодексы столько не живут. Да и те, что есть: гражданский, налоговый и другие, как только принимались, тут же начинали правиться, корректироваться, доводиться, переписываться так, что теперь они напоминают лоскутное одеяло.

На самом деле, существенным во всей этой истории было лишь то, что уже принимая к выборам 2003 года новый избирательный закон, в Кремле не сомневались, что к следующим выборам его снова потребуется переиначить.

И лишь прикидывали, что лучше: лоскутный кодекс или очередной закон-анекдот.

Выбор был сделан в сторону анекдота. Поэтому думские выборы сейчас проходят по новому избирательному закону, последние правки в который внесены 24 июля 2007 года – за 4 месяца до выборов. Не надо забывать, что выборы президента происходят по своему собственному закону. Который тоже больше одних выборов не служит. А под обоими лежит как опора базовый акт: федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Тоже одноразового пользования. А если какой из них и доживет до следующих выборов, то число заплат на нем будет равносильно новому закону .

По этой причине всерьез анализировать эти законыпамперсы вряд ли имеет смысл. Сам законодатель низвел их на уровень туалетной бумаги. Хочу лишь обозначить тенденцию – ради чего они меняются.

Первое – это проблема явки избирателей. Порог явки, при котором выборы считаются состоявшимися, за все годы «демократизации» России шел «вверх по лестнице, ведущей вниз», и, наконец, дошел до нуля. Можно обоснованно предположить, что в дальнейшем он уже опускаться не будет – некуда.

Реально отсутствие этого порога явки означает, что избирателю хотят запретить «проголосовать ногами». То есть своей неявкой сделать выборы недействительными. Поскольку, по мнению большинства избирателей, которое они и выражают этой неявкой, эти выборы просто фальшивка. И это прекрасно известно властям, поэтому они и снизили порог явки до нуля. Ибо отказаться от фальсификаций и тем привлечь избирателей они не хотят, так как уверены, что проиграют выборы. А убедить, что они честные, уже не могут.

Второй момент – это упразднение голосования против всех. Как я уже говорил выше, возможность протестным голосованием высказать свою гражданскую позицию и провалить нечестные выборы не пережила избирательной кампании 1993 года. На выборах в Федеральное Собрание ее ликвидировали еще до голосования, а там, где не ликвидировали, все равно не исполнили, наплевав на закон. Я имею в виду описанную выше ситуацию с Московской Думой 1993 года избрания, в которой у 31 депутата из 35 голосов «против всех» оказалось больше, чем поданных за них.

Однако сама графа «против всех» как память о демократии советского образца до недавнего времени еще стояла в избирательных бюллетенях. Хотя уже никаких юридических последствий не имела. На нынешних выборах не будет и ее.

Таким образом, если уж избиратель пришел на выборы, то выразить свой протест против избирательного лохотрона ему все равно теперь нечем. Остается только проголосовать. И лучше сразу за кого надо. Иначе его, заблудшего, избиркомовцы потом все равно поправят. Благо возможностей правильно посчитать голоса у них более чем достаточно.

Кстати, возможности проголосовать за кого не надо у избирателя тоже в действительности нет. Ибо главные, основные усилия Центризбиркома по переделке избирательного законодательства сводились к тому, чтобы не допустить до выборов оппозицию, не контролируемую из Кремля. Собственно, это главное условие превращения выборов в избирательное шоу с заранее известным исходом. На этом стоит остановиться поподробнее.

2.5. Партии под контролем

Как вы помните, в начале этой книги речь шла о том, насколько свободным было участие в выборах общественных организаций до государственного переворота 1993 года. Тогда любая общественная организация, будучи зарегистрированной как всероссийская, могла выставить свой список кандидатов по всей стране. Собственно, для чего еще регистрироваться и создавать официально действующую общественную организацию? Для участия в жизни общества, к которой, разумеется, относятся выборы.

Начиная с 1993 года, избирательное законодательство лишило общественные организации права на свободное выдвижение кандидатов, обязав их собирать подписи в поддержку своего списка. Самого их всероссийского статуса уже оказалось недостаточно. Для победивших демократов планка советской демократии оказалась слишком высока.

При этом сами эти подписи могли выборочно проверяться или не проверяться. Какие-то подписи проверялись с пристрастием, а какие-то не проверялись вообще. Некие организации, даже не собравшие достаточное количество подписей в свою поддержку, тем не менее допускались до выборов, а другие не допускались. История с Фронтом национального спасения – это пример такого рода. Об этом тоже уже говорилось выше.

Но каждый раз власть все же озадачивалась вопросом: а что же будет, если все же вдруг когда-то какая-то организация, тот же ФНС, так соберет подписи в свою поддержку, что этого нельзя будет оспорить даже самым скандальным способом. Поэтому, «совершенствуя избирательное законодательство», она стремилась последовательно обрезать возможность участия в выборах для всех общественных и политических организаций так, чтобы через оставленное ушко могли пройти только контролируемые Кремлем. Те, кто не контролировался, должны были быть отсеяны и не допущены к избирательной кампании.

Для начала, в избирательном законе 1995 года количество собираемых подписей увеличили вдвое – со 100 000 до 200 000. Логика была проста: те, кто нам нужен, могут сдать в Центризбирком хоть резаную бумагу. Он все равно их зарегистрирует. А вот те, кто не нужен, пусть попробуют их собрать. Да и возможностей их не засчитать будет больше. Выше я уже писал об избирательной кампании ФНС в 1995 году. По ее итогам стало ясно, что запретить нам участие в выборах удается только со скандалом и явным нарушением закона.

Поэтому к следующим выборам решили подойти с другой стороны. Законом 1999 года участвовать в выборах разрешили только тем организациям, у которых в уставе специально записано, что они занимаются политической деятельностью, а в названии присутствует слово «политическая». Таким образом, организации, которые хотели участвовать в выборах, должны были перерегистрироваться. Хотя по своей сути – это глупость. Политическая деятельность – это вид общественной деятельности, и заниматься ею имеет право каждый гражданин страны, а уж тем более ее общественные организации. Для этого не требуется некое разрешение, выдаваемое власть предержащими. Во всяком случае, если речь идет о демократии.

Собственно, предполагалось, что грязную часть работы по запрету выборной деятельности неугодных организаций выполнит Министерство юстиции и не даст им пройти перерегистрацию. Так в ряде случаев и получилось. Но с ФНС это не сработало. Пришлось Центризбиркому опять действовать теми же топорными методами, что и в 1995 году.

Кстати, регистрация всероссийской политической организации почему-то не мешала требовать от нее сбора все тех же 200.000 подписей в свою поддержку. Хотя, если организация политическая и всероссийская, то кому же, как не ей, участвовать в выборах? А если ее список кандидатов находит поддержку у 200.000 избирателей, то какая разница, политическая она или нет?

Впрочем, логика явно не была сильной стороной этого закона. Тем более, что он разрешил регистрироваться за деньги и без подписей. Вносишь около 100 000 долларов, и выставляй свой список на здоровье! Как говорила популярная поговорка того времени: за ваши деньги – любой каприз! Правда, ни в одной другой демократической стране еще не додумались до того, чтобы так называемый избирательный залог был столь огромным. Курс Центризбиркома обозначился уже тогда: российская политика должна была стать чем-то вроде утехи для олигархов.

К выборам 2003 года никакой новой изюминки придумано не было (что, впрочем, не помешало принять новый избирательный закон). Поэтому решили развить лучшее, до чего дошла предшествующая законодательная мысль.

Во-первых, раз уж выборы стали игрушкой для олигархов, то чего стесняться-то! Разве 100.000 долларов для олигарха деньги? И сумма избирательного залога была увеличена аж в 15 раз, до 37.500.000 рублей. Пресловутые западные демократии со своими копеечными залогами (у кого они есть) остались далеко позади. Проступали черты новой, путинской демократии, которую позже назовут суверенной.

Во-вторых, идея фильтрации организаций еще на подступах, не доходя до выборов, пришлась Кремлю по вкусу и была еще более усилена. Теперь оказалось, что быть всероссийской политической организацией уже мало. Надо быть партией!

Но чтобы стать ею в путинской России, общественная организация должна была, по сути, превратиться в предприятие. Только с политическим профилем деятельности вместо коммерческого. Что тщательно расписывалось в только что принятом законе о партиях.

По этому чудесному акту получалось, что подлинная политическая партия – чисто общественная организация, имеющая свои политические взгляды, участвовать в выборах не могла. Ибо она должна была для начала трансформироваться в политическое

предприятие со своей дирекцией, бухгалтерией, отделом кадров и т.д. При этом переписать поименно всех своих членов и сдать эти списки в соответствующие органы. Так что если у такой партии оказались бы действительно независимые взгляды, то кремлевской администрации такие списки пришлись бы весьма кстати. Поскольку свежеиспеченный закон о партиях удачно дополнялся одновременно принятым законом об экстремизме, который как раз и предназначался для их закрытия. Ибо под понятие экстремиста можно было подвести любого, кто не согласен с такой политической системой. А уж как прессуют не то что членов, а просто подписавшихся за выдвижение неугодных кандидатов, было известно еще с прошлых выборов.

Попутно, как всегда, оказалось, что система советской демократии была слишком либеральной. Это в Советском Союзе, с его почти 300-миллионным населением, политической партии достаточно было иметь 5000 членов. В наполовину меньшей по численности путинской России их требовалось уже вдвое больше – 10 000.

При этом тем, кто прошел через все эти тернии, все равно надо было собирать 200 000 подписей! Или готовить 1,5 миллиона долларов, чтобы Центризбирком, так уж и быть, позволил участвовать в выборах.

Кстати, для тех хитрецов, которые вздумали бы уклониться от столь заманчивых условий политической борьбы, был предусмотрен и кнут: если два раз не участвуешь в предвыборной кампании, или же тебя не избирают (то есть, в действительности, Центризбирком со своей ГАС «Выборы» тебя не выбирает) – партия закрывается.

С какой стороны ни крути, получалось, что теперь политика стала таким же лицензируемым видом деятельности, как, скажем, транспортировка рыбы или переработка лома черных металлов. Выдача лицензий на участие в политической жизни общества стало безусловным ноу-хау суверенной путинской демократии.

К выборам 2007 года удачный эксперимент был расширен. Размер избирательного залога еще более возрос – он стал составлять уже 60 000 000 рублей (почти 2,5 миллиона долларов). Для политических партий, несмотря на сокращение численности населения России за последние годы, уже мало 10 000 членов. Они должны иметь их как минимум 50 000!

Но главной изюминкой нового избирательного закона стал перевод думских выборов на полностью пропорциональную систему, то бишь по партийным спискам. Теперь будущий депутат Думы должен был быть предварительно отфильтрован партийной машиной.

А чтобы партии не вздумали участвовать в выборах вскладчину, им было запрещено объединяться в предвыборные блоки. Учитывая то, что нынешнее участие в выборах подразумевает колоссальные финансовые затраты, партийная деятельность на нынешних выборах окончательно стала уделом олигархов.

Нужно пояснить, что огромные избирательные залоги, о которых шла речь выше – только верхушка финансового айсберга избирательной кампании. Избирательным законом предусмотрено, что во время избирательной кампании все политические партии получают бесплатный телевизионный эфир и доступ к другим средствам массовой информации. Однако если по итогам голосования какая-то партия не перешагнула трехпроцентный барьер, не набрала определенного установленного законом количества голосов – она обязана оплатить телеканалам, радиостанциям и газетам расходы за агитацию. Причем расценки на эту политическую рекламу СМИ устанавливают сами.

Например, по итогам избирательной кампании 2003 года долг политических партий за бесплатную агитацию через СМИ составил 620 миллионов рублей. Причем если долг не погашен, то больше бесплатного времени партия не получит.

А ведь еще есть и платный эфир, стоимость телевизионных роликов, агитационных материалов, газет и т.д. Получается, участвовать в избирательной кампании могут только те, за кем стоят крупные деньги. А они – только у того, кому покровительствует Кремль. Те олигархи, к кому он не расположен, в лучшем случае сидят в эмиграции, а в худшем – за решеткой, как Ходорковский. Так что оплачивать расходы политических партий и формировать партийные списки кандидатов могут только «свои».

Но даже им полного доверия нет. Списки кандидатов от всех политических партий проходят обязательное согласование в Кремле. Всех без исключения, в том числе так называемых «оппозиционных», допущенных к парламентским выборам. «Не устраивать массовых акций, не включать в списки определенных политиков – обязательные условия, которые Кремль ставит перед всеми партиями, включая КПРФ».

Таким образом, по мысли создателей этой политической системы, неконтролируемые Кремлем, а соответственно лишние для него общественные объединения рано или поздно должны быть просто вычеркнуты из общественной, в первую очередь политической жизни. В ней должны остаться только те, кто получил кремлевскую политическую лицензию, а они, в свою очередь, должны выдвигать только тех кандидатов, которых хочет президент и его администрация.

Таким образом, на выборах не могут выразить свою волю не только простые избиратели, но и те, кто организовался или хотя бы имеет возможность сорганизоваться в общественные политические организации с тем, чтобы коллективно проявить свою волю на выборах. Избирательная система, созданная сейчас в России, не только фальсифицирует итоги голосования граждан, но и фактически запрещает выдвигать тех кандидатов, которых общество или те или иные слои общества хотели бы, объединившись, вывести на выбор избирателей. Иначе говоря, фальсифицируется не только процесс выборов снизу, искажая само голосование, но и сверху, не давая выдвинуть тех кандидатов в депутаты, за которых избиратели могли бы проголосовать.

За переходом с мажоритарной на пропорциональную систему выборов в России кроется вполне доступная пониманию цель.

При пропорциональной системе выборов кандидатов выдвигает только партия. Избиратель в данном случае ничего сделать не может. Какой список кандидатов она выдвинула, за тот он и голосует. Фактически это голосование за этикетку—партию, будь то Единая, Справедливая, Великая, Стабильная или еще какая-нибудь Россия. Что это конкретно будут за люди, какие это будут кандидаты в депутаты, избирателя больше не касается.

Это означает, что с одной стороны этих кандидатов выбирает партийная машина. Но другая сторона медали состоит в том, что эти кандидаты реально утверждаются президентской администрацией. И если Кремль увидит в избирательном списке какого-то не того кандидата, то он просто не даст этой партии получить голоса на выборах. И каждая партия понимает, что у администрации президента есть для этого вполне реальные рычаги: при помощи ГАС «Выборы» так нажать на кнопки, чтобы столбики пошли в нужном ей направлении. И таким образом ненужные кандидаты исчезают из списков как бы сами собой. При этом для широкой публики создается иллюзия, что и Кремль здесь ни при чем. Демократия сделала свой выбор! А подконтрольные СМИ, рейтинговые агентства и социологические службы еще и подведут под это обоснование, почему этот список кандидатов и не должен был победить.

Так ныне в России формируется «демократическая» власть: под непосредственным контролем, а фактически при политической цензуре действующей администрации президента. И избиратель, даже если он сдуру и придет на выборы, думая, что ему еще осталось что выбирать, то выбирать он будет из того, что уже предварительно отобрали за него. Этот выбор похож по смыслу и вкусу на котлету, которую один раз уже кто-то ел.

Но даже если он на выборы не придет, то все равно, при любом проценте явки голосование будет считаться состоявшимся. А если подумает, что лучше проголосовать хоть за карманную оппозицию, вроде КПРФ, то его голос при помощи системы ГАС «Выборы» все равно посчитают так, как нужно. И победит та партия, которую Кремль уже назначил правящей.

Поэтому результаты выборов фактически сформированы в полном объеме еще до выборов. Можно считать, что даже на персональном уровне. И никто не удивится, если еще до того, как состоялось голосование, в администрации президента найдется персональный список всех тех, кто реально будет «избран» в Государственную Думу. Не кандидатов, а самих депутатов. С поданным за них процентом голосов, явкой на выборы избирателей и т.д. И если такого списка вдруг нет, то только потому, что он пока не нужен. Существующий механизм аферы российских выборов составить его вполне позволяет.

Все же прочее: политическая агитация, голосование, подсчет голосов в ночь выборов, столбики результатов по разным регионам на телеэкранах, предварительные прогнозы, которые на удивление точно совпадают с итогами голосования, – все это не более чем декорация, которая только прикрывает реальный режим фальсификации выборов, доведенный сейчас до такой степени совершенства, что уже ни один незапрограммированный кандидат не может появиться даже на подступах к органам государственной власти.

2.6. Мавр сделал свое дело…

Итак, система выборов в России под руководством двух председателей Центризбиркома – сначала Рябова, а потом Вешнякова – превратилась в отлаженный инструмент фальсификации. Причем фальсификации тотальной, которая касается как воли избирателей, так и тех партий и кандидатов, которые допущены к участию в выборах.

Главная роль в этом, несомненно, принадлежала Вешнякову. С его приходом в Центризбирком начала создаваться автоматизированная, более тонкая система избирательного мошенничества. Она позволила уйти от рябовского самодурства, о чем я подробно писал в первой части этой главы. Результат был достигнут как путем развертывания ГАС «Выборы», так и при помощи многократного переписывания законов с тем, чтобы закрыть в избирательной системе мельчайшую возможность допуска к выборам любых неконтролируемых Кремлем сил.

При помощи ГАС «Выборы», этого главного инструмента фальсификации голосования, стало возможным построить все остальные элементы аферы российских выборов, в частности подчинить Кремлю легальные политические партии. Поскольку последние знали, что при запущенной системе ГАС «Выборы» у них будет ровно столько голосов, сколько им отпустит председатель Центризбиркома и подчиненные ему служащие, манипулирующие этой компьютерной программой. Можно сказать, что Вешняков сыграл роль руководителя авторского коллектива по созданию системы фальсификации выборов на современном уровне.

Но этим его достижения не исчерпываются. Многократно переписанные под руководством Вешнякова избирательные и связанные с ними законы (вроде закона о партиях) имели целью «зачистку» организаций, допущенных к участию в выборах. К 2007 году не контролируемых Кремлем среди них больше не осталось.

Сейчас в российских выборах избирательный бюллетень является неким атавизмом, знаком прошлого. Он вроде бы еще есть, но от него в любой момент можно отказаться. То, что нарисует компьютерная система, руководимая Центризбиркомом через столбики на экранах телевизоров, сейчас фактически признается итогами выборов. Бюллетени же по сути требуются лишь для того, чтобы убедить избирателя, что он действительно за кого-то голосует. С результатами голосования компьютер Центризбиркома разберется и без него.

Таким образом, машина, созданная для фальсификации выборов, стала использоваться не просто, чтобы «подкорректировать» их итоги, а сделать их полностью такими, какими их хотят видеть в Кремле, независимо от воли избирателей. Фальсификация стала таким образом абсолютной, тотальной. Этот кардинальный шаг ознаменовал последнюю точку, венец творения Вешнякова по отношению к российской избирательной системе.

При этом он в каждый удобный и неудобный момент демонстрировал, что он искренне предан существующей системе власти и лично президенту, каким бы этот президент ни был. Короче говоря, является преданным винтиком системы, ради которой он отточил и довел до совершенства аферу российских выборов. Выборы в марте 2007 года это подтвердили.

И вот в этот самый момент триумфа Вешнякова, создавшего и отточившего этот инструмент, с которым он собирался идти на выборы 2007—2008 годов, который он готовил явно для своих рук, в этот самый момент председателя ЦИК вдруг выкидывают из своего кресла и заменяют неким Чуровым, никому не известной личностью, причем даже не юристом. Стоить отметить, что до сих пор все члены Центризбиркома должны были быть только юристами; эта норма закона была отменена специально перед назначением Чурова.

Так чем же провинился Вешняков? И что, у Кремля не нашлось другого юриста? Разобраться в этом очень важно для того, чтобы окончательно прояснить себе, что такое российская система фальсификации выборов и почему из нее необходимо было выкинуть Вешнякова.

Надо сказать, что сам Вешняков о своей отставке никоим образом не подозревал. Еще задолго до нее, в момент выдвижения кандидатур в состав Центризбиркома, Вешняков заявил, что он войдет в его состав, только если его выдвинет президент.

Тут надо сказать несколько слов о самом Центризбиркоме. Формально он является как бы независимым органом из 15 членов, которые коллективно принимают решения. Пятеро из них назначаются Государственной Думой, еще пятеро – Советом Федерации, и еще пятеро —президентом. Так было установлено в 1993 году.

Однако, когда в Государственной Думе большинство президентское, а Совет Федерации состоит из назначенцев от регионов, главы которых сами назначаются президентом, то понятно, что среди этих 15 членов Центризбиркома лиц, не угодных президенту, быть не может. Но в том, что Вешняков собирался войти в его новый состав только как кандидат от президента, содержался определенный намек.

Для тех, кто понимает политическую механику России, он очевиден. Все члены Центризбиркома фактически и есть президентские назначенцы или, во всяком случае, согласованные с ним кандидатуры. Однако с тем, кто выдвигается от президента, заранее оговаривается должность, которую он будет занимать в Центризбиркоме. Таким образом, эти слова Вешнякова в переводе на обычный язык означали примерно следующее: я останусь в Центризбиркоме и на следующий срок, но не как простой член, а только в качестве председателя.

Именно по этой причине он, видимо, не предпринимал никаких действий, чтобы войти в состав ЦИК ни со стороны Совета

Федерации, ни со стороны Государственной Думы. А с другой стороны, что тоже очевидно, он должен был получить с самого верха, то есть от самого президента, подтверждение, что именно он останется председателем Центризбиркома на следующий срок. Поэтому Вешняков смело строил планы и прогнозы на избирательную кампанию, думая, что его выдвижение – вопрос решенный, и он обеспечен на следующий срок мандатом на управление той самой машиной фальсификации выборов, которую он сам же создал и отладил.

Но при объявлении пяти кандидатур от президента в будущий состав Центризбиркома случился казус. Оказалось, что среди них Вешнякова как раз таки и нет. Он ожидал, что его выдвинет президент, а тот взял и не выдвинул. Причем как бы случайно все это произошло в тот самый момент, когда господину Путину вдруг резко понадобилось отъехать в Грецию. То ли для того, чтобы поклониться мощам Афонского монастыря, то ли для подписания какого-то контракта о газопроводе длиной аж 80 километров из Болгарии в Грецию. В общем, для сверхважных дел.

Короче, в тот момент, когда Вешнякова выбрасывали за борт, вопли возмущения и мольбы о помощи бывшего председателя Центризбиркома оказались обращенными как бы в никуда. Сам Путин был где-то вдалеке, его администрация разъехалась вслед за ним, а новость уже объявили. В результате Вешняков негаданно-нежданно оказался в роли унтер-офицерской вдовы, которая, как известно, сама себя высекла.

Вне зависимости от того, как это поняла остальная публика, ибо такие детали официальные СМИ вряд ли до нее доводили, фактически именно это и произошло. Вешнякова публично «опустили», выкинули за борт с насиженного места, а вместо него поставили варяга – по образованию физика и по занимаемым должностям к выборам совершенно непричастного. Правда, в его биографии есть пара характерных штрихов, на которых стоит остановиться.

Первый тот, что г-н Чуров работал в Комитете по внешнеэкономическим связям Ленинградской мэрии в начале 90-х годов, как раз в то самое лихое время, когда этим комитетом руководил Путин.

Надо понять, что начало 90-х годов повсюду, в Москве и в Ленинграде, были периодами повального воровства, когда кралось абсолютно все и совершенно беззастенчиво. Например, заместитель московского мэра г-н Станкевич открыто взял взятку в 10 тысяч долларов за то, что он разрешил первый концерт на Красной площади в Москве, которые за годы советской власти никогда не организовывались. Да еще и расписался, что он ее взял, то бишь получил за оказанные услуги. Потому и прячется до сих пор в Польше, хотя сама по себе его взятка ни по размерам, ни по тому, что дальше происходило в России, ничего особенного не представляет. Дело в том, что в тот период само мздоимство власти не считали чем-то предосудительным. Во всяком случае, для себя.

Я пишу об этом для того, чтобы можно было представить климат, царивший в то время в Ленинграде, поскольку он был адекватен климату в Москве. Если к тому же добавить, что Ленинград оставался последним российским портом на Балтийском море, поскольку все другие отошли к Прибалтике и уже были не в российской юрисдикции, то понятно, что основная часть внешнеэкономических операций по вывозу чего ни попадя, начиная от цветных металлов и заканчивая любым сырьем, проводилась через ленинградский порт и через Комитет по внешнеэкономическим связям, которым как раз и руководил Путин. Можно только догадываться, воровство какого масштаба творилось там.

Для сравнения: занимавшийся сходной деятельностью в Москве г-н Авен, министр внешнеэкономических связей России в правительстве Гайдара, после одного лишь года плодотворной работы накопил на Альфа-банк, который до сих пор является одним из ведущих банков России. Понятно, что масштабы разворовывания страны были огромными.

Поэтому можно предположить, что господина Путина с господином Чуровым связывают весьма прочные связи. Столь крепкие, что за все эти годы они не только не ослабли, а наоборот, доказали свою прочность. Хотя бы тем, что господин Чуров за все это время никоим образом, нигде и никогда не рассказывал о том, как лихо они с господином Путиным руководили внешнеэкономическими связями Ленинграда в начале 90-х. Видимо, Путин это высоко оценил.

Второй момент, тоже весьма любопытный для понимания, это тот, что господин Чуров, будучи столь близким Путину, являлся членом Государственной Думы от ЛДПР. Возникает вопрос: а какое отношение Чуров имел к либерал-демократам? Очевидно, что никакого. Каким-то особым соратником Жириновского он не является. Тем более это понятно сейчас, когда его выдвинули от президента и поставили руководить Центризбиркомом. Это показывает только то, что партия Жириновского на самом деле была и остается подставной фигурой для любой существующей государственной власти. Если Кремлю надо замаскировать своего представителя под оппозицию или просто не пойми кого, она может его смело продвинуть в партию Жириновского. И ЛДПР в этом случае возьмет под козырек, примет этого человека под белы руки и выставит его в свои партийные списки. И он окажется затем в Государственной Думе в роли некого независимого депутата не от правительственной партии. Хотя именно ее ставленником он и является. Это просто лишний раз высвечивает роль ЛДПР, которая с самого начала была запущена на политический небосклон России как некая подставная оппозиционная сила. Ею она продолжает оставаться и до сих пор.

Эта история с заменой председателя Центризбиркома – достойная иллюстрация к тому, что представляет собой афера российских выборов. Понятно, что власти не питают иллюзией относительно того, насколько подлинные результаты она обеспечивает. Им очевидно, что они никоим образом не соответствуют действительности, что это просто некая игра с общественным мнением, призванная убедить его в том, что народ якобы выбрал себе парламент и президента, которых он в действительности не избирал. А возможно, даже не было необходимого кворума для того, чтобы их избрать.

Но поскольку эта машина фальсификации существует, она запущена, разыграна средствами массовой информации и подается

всему населению как подлинная, то естественно, что тот, кто манипулирует этой машиной, становится крайне опасным человеком. И вот этот опасный человек в опасный период должен быть надежным на 100%. То есть проверенным в период воровства, на отсутствие каких бы то ни было политических амбиций, не имеющий связей с действующей коррупционной машиной Центризбиркома, для того, чтобы обеспечить результаты голосования, которые требуются нынешней администрации и нынешнему президенту. Иначе говоря, фальсифицировать выборы в их, а не в чью-то чужую пользу. Вот в этом был смысл замены Вешнякова на Чурова.

3.1. Третий лишний…

Выборы 2 декабря 2007 года в Государственную Думу запомнились, пожалуй, двумя особенностями. Во-первых, это были самые скучные выборы, которые только проходили за предшествующие 14 лет со времени введения новой Конституции, поскольку на них практически не было политической борьбы. Не было агрессивной рекламы в почтовых ящиках, не ходили агитаторы, как бывало когда-то раньше, с призывами голосовать за какую-то партию. По существу, программы партий, если таковые и были ими написаны, широкому избирателю остались неизвестны, да никто и не стремился их популяризировать. В полном соответствии с понятиями российской выборной аферы уже перед выборами было ясно, кто победит и какие проценты будут проставлены победителю. Так же, как то, что эти проценты зависят целиком от желания Центризбиркома, а отнюдь не от воли избирателей. Политически осведомленные люди могли определить их уже за несколько недель до выборов по рейтингам партий, которые регулярно представляли так называемые социологические службы типа Левада-центра, ВЦИОМа, ФОМа и т.д.

Как уже известно читателю, на них в афере российских выборов возложена особая роль: убедить избирателя, что нарисованные Центризбиркомом результаты выборов, именно те, которые и следовало ожидать. Избиратель за прошедшие 14 лет в массе своей это понял. Поэтому ходить на выборы уже не было никакой необходимости.

Вторая особенность этих думских выборов состояла в том, что, хотя в них участвовали 11 партий (еще 3 до голосования не допустили), среди этих 11 партий 4 были еще до выборов явно выведены в лидеры, а остальные предназначены под «жесткий слив». Что это значит?

Как нам уже известно, каждые выборы в Государственную Думу проходят в России по новым законам. Не стали исключением и эти. Проходной лимит для партий был впервые повышен с 5 до 7%. Кроме того, в первый раз была законодательно убрана возможность голосовать против всех, а заодно и нижний порог явки. То есть голосование на выборах стало действительным даже при явке на участок единственного избирателя. А поскольку члены избирательной комиссии там есть всегда и они, естественно, голосуют тоже, то несостоявшихся выборов в России больше не стало.

Попутно была отменена мажоритарная система и голосование по одномандатным округам. Это означало, что никакие независимые кандидаты, хоть и суперпопулярные в своем избирательном округе, более в выборах не участвовали. Они могли взяться только из партийных списков, предварительно одобренных в Кремле (но об этом позже). Были запрещены также выборные блоки и независимые российские наблюдатели, оставлены только представители от партий. Заодно сократили и квоту европейских наблюдателей за выборами: с 500 до 70 человек, то есть в семь раз! Действительно, зачем им шататься по регионам России и фиксировать разные хитрости российской избирательной кампании!

Как видите, список очередных новаций Центризбиркома оказался отнюдь не маленьким и не пустяковым. Поэтому вполне естественно было ожидать, что сами выборы мало заинтересуют избирателя, и заблаговременное снижение порога явки показало, что Центризбирком вполне адекватно оценивает реакцию на них в обществе. Что, впрочем, не помешало ему отчитаться о возросшей активности избирателей по сравнению с прошлыми выборами. Действительно, чего ломаться-то, когда сам рисуешь столбики на телеэкране, а ловить мошенников за руку практически некому!

Однако смысл этих новаций был не только в повышении проходной нормы до уровня, через который будут проведены только нужные партии, но и в том, чтобы измельчить и выбросить из политического спектра все оставшиеся огрызки былого официального политического плюрализма России. И тем самым еще более уменьшить наперед число наблюдающих за выборами глаз, а с учетом отмены минимальной явки на выборы и интерес оставшихся к подсчету, кто же все-таки на эти выборы пришел?

Для этого в избирательном законодательстве, как уже говорилось, был предусмотрен другой порог – 3%, согласно которому партии, не набравшие 3% голосов, должны были оплатить время, затраченное на их рекламу, равно как и прочие расходы на избирательную кампанию. По некоторым оценкам, эти суммы составляли порядка 10 млн. долларов (с учетом залоговых взносов за участие в выборной кампании, которые также не возвращались). Кроме того, преодолевшим 3%-ный барьер согласно закону о политических партиях полагалась некая сумма на государственную поддержку в период между выборными кампаниями. Эти суммы не столь велики, но позволяли содержать некий центральный аппарат и поддерживать функционирование партии как политической структуры.

Само собой разумеется, что по результатам выборов 2007 года все партии, которые не были запущены в Государственную думу, были аккуратно опущены Центризбиркомом за 3-процентный барьер. Это понятно хотя бы потому, что, например, Аграрная партия России, которая в свое время была союзницей КПРФ и в сельских районах имела достаточно устойчивый электорат, вполне выходила за 5процентный барьер (из-за чего он, собственно, и был поднят до 7%). Равно как и Яблоко, позиции которого в среде дем. интеллигенции были достаточно стабильны. Но, так или иначе, обе они получили менее 3% и были подведены фактически к финансовому банкротству. В этой компании оказались также Союз правых сил, Патриоты России, в свое время вышедшие из блока КПРФ, очередная партия Подберезкина и т.д.

В сущности, попавших под молох Центризбиркома вряд ли стоит жалеть. Когда-то возглавлявшие их деятели и участвующий в них актив проходили по спискам в Государственную Думу, некоторые, такие, как СПС, АПР, Яблоко, имели в ней даже фракции. Это при их участии принималось законодательство, которым уничтожались и выводились из политической жизни другие партии, в первую очередь те, кому претила роль кремлевских холуев. Теперь настал их черед. Бумеранг аферы российских выборов ударил по тем, кто в свое время сам приложил усилия, чтобы руками государственной машины, Центризбиркома и фальсифицированного голосования расправиться со своими политическими конкурентами, или, во всяком случае, поживиться

за их счет.

Что касается самих выборов, то, как мне уже приходилось отмечать ранее, уровень их несправедливости и нечестности с каждой последующей кампанией только повышается. КПРФ, до сих пор достаточно сервильная по отношению к правящему режиму, под давлением своего электората вынуждена была заявить о фальсификации итогов выборов и даже, пройдя все российские судебные инстанции, обратиться в Европейский суд. Сами европейские наблюдатели, впервые за всю историю российской избирательной аферы, назвали выборы «нечестными», «недемократичными» и «несвободными». Учитывая то, с каким благодушием они смотрели на развитие этой аферы, начиная с 1993 года, до этих выводов все-таки пришлось дозреть. Это означало лишь то, что наглость фальсификации выборов была запрограммирована заранее и настолько очевидна, что признать это пришлось даже Западу, который как известно издавна в России все видит, но ничего не понимает.

Вот несколько примеров, просто для того, чтобы почувствовать колорит эпохи второго срока путинского президентства.

В ходе предвыборной кампании парламенты Санкт-Петербурга, Карачаево-Черкессии и Дагестана приняли обращения к гражданам с призывами поддержать партию «Единая Россия», хотя федеральный закон о выборах депутатов Государственной Думы прямо запрещает государственным органам, т.е. этим самым парламентам, избирательную агитацию. Допустим, Карачаево-Черкессия и Дагестан – это Кавказ, дикие края, в которых творится все, что хочешь, в том числе и явка свыше 100% избирателей. Но парламент Санкт-Петербурга, претендующего на роль культурной столицы России? И ничего незаконного Центризбирком в этом не усмотрел!

Зато интернет-форум МСК.ру был закрыт по запросу ЦИКа, буквально накануне выборов, 28 ноября 2007 года, через привлеченное к этому делу МВД. Причина тому была архисерьезнейшая: на форуме был размещен текст интервью Василия Шандыбина, входившего в первую тройку списка Аграрной партии России, в котором он назвал Людмилу Нарусову, вдову Собчака, в то время сенаторшу от Тувы (до сих пор непонятно, какое отношение к ней она имела) «скандалисткой». Вообще-то все, кто хотя бы с телеэкрана наблюдал за собчачьей родней, могли бы легко это подтвердить.

Но госпожа Нарусова, как вдова Собчака, при котором Путин начинал свою политическую (и воровскую) карьеру, пользуется его благорасположением. Поскольку, видимо, обладает достаточной информацией о нем и достаточным соображением для того, чтобы с одной стороны ее не публиковать, а с другой – давать понять, что она в нужный момент всплывет на поверхность, что служит залогом прочной любви между семейством покойного Собчака и Владимиром Путиным.

Поэтому понятно, что Центризбирком такое оскорбление по адресу наперсницы политической юности ВВП стерпеть не мог. Это вам не какие-то заявления губернских парламентов!

Впрочем, форум МСК.Ру еще дешево отделался. Гораздо более громкий скандал коснулся партии «Справедливая Россия», которая впервые выступала на этих выборах. Кстати, несмотря на свой дебют, она сразу переступила за 7-процентный барьер, что, как понимаете, без участия Центризбиркома совершенно невозможно. Так вот, эта партия с самого начала позиционировалась как альтернативный кремлевский проект. Вроде такой же, как «Единая Россия», только в профиль.

Так вот, в самый разгар выборов тройка ее лидеров превратилась в двойку. Третьим в этой компании изначально присутствовал молодой писатель Сергей Шаргунов, видимо призванный своим присутствием подчеркнуть политическую свежесть партии и ее открытость интересам молодежи. Но не тут-то было! Коллеги из кремлевского серпентария друзей, видимо, близкие к «Единой России», которая, надо сказать, всегда рассматривала «Справедливую Россию» как покушение на свое место у хозяйской миски, вдруг припомнили, что в свою еще «досправедливую» молодость, оный Шаргунов выступал на митингах, где называл Путина «могильщиком России».

Это же просто потрясение устоев! Как мог попасть такой персонаж на проходное место в гарантированный к избранию кремлевский партийный список? Эдак он, чего доброго и в Думе посмеет такое сказать, да еще и, глядишь, сорвет аплодисменты каких-нибудь депутатов, которым тоже накипело!

Короче Сергей Шаргунов вылетел из списка, в который его выдвинул как бы съезд партии, да так быстро, что сам узнал об этом только из СМИ. Попутно выяснилось, чего на самом деле стоят решения всяких там высоких съездов в царстве «суверенной демократии».

Другая кремлевская партия – ЛДПР, всегда отличавшаяся особым чутьем к политической конъюнктуре, прогнулась перед «национальным лидером» Путиным совершенно особым образом. Она взяла в тройку своих первых кандидатов и поставила на почетное второе место, между двумя Жириновскими, г-на Лугового, прославившегося тем, что следы убийства бывшего офицера ФСБ Литвиненко, бежавшего на Запад, привели британскую прокуратуру прямо к нему. Напомню, что Литвиненко погиб потому, что был свидетелем того, как ФСБ, возглавляемое Путиным, организовало взрывы домов в России, тем самым повязав его кровавым поручительством перед занятием поста президента. Чтобы «замочить» Литвиненко, не пожалели радиоактивного полония-210 стоимостью около 20 млн. долларов, на котором и «засветился» г-н Луговой. Поставив героя этого международного скандала в свой политический список, ЛДПР продемонстрировала, как она «с лету» подхватывает намеки Кремля, а заодно и то, чьим капризам подчинен сам фарс с выборами.

Все эти факты реально означают, что участвующие в выборах партии, в частности, Единая Россия, Справедливая Россия и ЛДПР являлись конкурентами только на словах. Они подчинялись одной и той же президентской администрации и только имитировали противостояние на выборах, на самом деле состоя в одной и той же команде. Это та черта, за которой выборы из

состояния фальсификации перешли в имитацию, только разыгрывающую избирательный процесс, а на самом деле являющуюся заранее спланированной акцией, в которой ни воля избирателей, ни вбрасываемые ими бюллетени не имеют никакого значения.

Ну и разумеется, самым одиозным в этих выборах было участие самой партии Единая Россия. Во-первых, тем, что по закону список должны были возглавлять три первых стоящих в нем кандидата. Здесь все было сведено к одному человеку. Конкретно к Путину. Места рядом с ним в списке Единой России пустовали, то есть получалось, что за первым номером в нем сразу следует четвертый. Как такой математический феномен возможен, за время избирательной кампании объяснить никто так и не взялся.

Впрочем, это была не самая большая ее тайна. Самым загадочным ее элементом стал «План Путина», за который призывала голосовать «Единая Россия», поскольку этого плана за всю избирательную кампанию никто так и не видел.

По этой вполне очевидной причине Единая России сразу заявила, что ни в каких предвыборных дебатах ни с какими партиями она участвовать не будет. Зато по телевизионным роликам и рекламным щитам – билбордам, она дала фору всем. По так называемому «индексу информационного благоприятствования», то есть позитивному упоминанию о партии в самых разных информационных контекстах, Единая Россия превзошла всех остальных участников выборов вместе взятых. А стоимость аренды билбордов по коммерческим расценкам (других на выборах и быть не должно) только в Москве превзошла весь официально разрешенный законом бюджет избирательной кампании на думскую партию. Только в Москве и только на билборды! Без других городов, телевизионной рекламы и всех прочих расходов. Разумеется, Центризбирком и в этом ничего предосудительного не заметил.

Вообще, если попытаться принять на веру заявленные итоги думских выборов 2007 года, то получается, будто бы одна партия, держа в кулачке заветную бумажку с напечатанным покрупнее словом «Путин», и зажав себе накрепко рот, чтобы не сболтнуть чего лишнего, получила на этом две трети голосов избирателей. Не нужно обладать особой проницательностью, чтобы понять, что по любым политическим меркам это нереально. Это верный признак фальшивки сам по себе.

Само собой, официальные результаты голосования подтвердили ранее сделанные социологические прогнозы о том, какими результаты выборов должны быть. Все прошло по схеме, которая подробно была описана в нашей «Афере выборов». Однако эти яркие факты избирательных махинаций не более чем метки, обозначающие тотальное явление. Суть его в том, что из фальсификации, когда результатам выборов придается лишь нужный оттенок, они стали полной имитацией. То есть неким спектаклем, разыгранным на публике. Участие в нем самой публики требуется только для того, чтобы она же в этот спектакль поверила. Таким стал главный итог думских выборов 2007 года.

В подтверждение этому выводу непосредственно за выборами последовал медийный скандал. 10 декабря 2007 г. журнал «Новое время» опубликовал свое расследование «Черная касса» Кремля», из которого следовало, что все участвовавшие в выборах политические партии были вынуждены не только согласовывать свои списки кандидатов с администрацией президента Путина, но и получать финансирование от своих спонсоров только с согласия этой администрации, в утвержденных ею объемах и через выделенные ей для этого банки, в частности Внешэкономбанк. При этом согласовывающие не обижали и себя, отсыпая до 30% спонсорской помощи в свой карман.

Это означает, что все участники выборов были тотально подконтрольны президентской администрации как на кадровом, так и на финансовом уровне, то есть выборы были именно тем, о чем говорилось выше – фокусом иллюзиониста.

Новые выборы 2011 года по уровню имитации обещают превзойти предыдущие. Вот лишь два ярких штриха.

Стоило известной балерине Анастасии Волочковой в приступе откровенности обмолвиться в телефонном интервью, что она вляпалась в Единую Россию, как вляпываются в дерьмо, как перед ней закрылись все сцены для выступлений не только в России, но даже в Белоруссии! Короче, всюду, где только лапа Путина, возглавляющего это самое дерьмо, смогла принудить власти к обструкции известной балерины. Феномен Нарусовой-Шаргунова, описанный выше, четыре года спустя распустился еще пышнее.

А 10 июня 2011 г. Путин разрешил предприятиям вступать в Народный фронт, созданный под его руководством и патронажем Единой России. Особенность ситуации в том, что закон о партиях запрещает им даже создавать свои ячейки на предприятиях. А тут все предприятие целиком перед очередными думскими выборами загоняется в группу поддержки политической партии! Смысл сей новации не только в ее незаконности, разумеется, не замеченной Центризбиркомом, но и в том, что руководители таких предприятий, надеясь на путинскую протекцию в своем бизнесе, найдут способ заставить своих работников голосовать «правильно».

Поэтому грядущие выборы обречены быть только тем, чем они уже стали в 2007 г. – имитацией и фарсом.

3.2. Построение по росту

Судя по официальным результатам парламентских выборов декабря 2007 года, страна массово проголосовала за план Путина. И соответственно, коль скоро Единая Россия проводила их под лозунгом референдума доверия к Путину, следовало понимать их итоги как то, что он с потрясающим успехом одержал победу. А, следовательно, главный вопрос, стоявший перед всей выборной кампанией – нарушит ли Путин конституцию и пойдет ли он на третий срок, должен был считаться решенным. Раз уж народ за него проголосовал!

Неясным было только, как технически это случится. Вариантов было много и они уже рассматривались в этой книге. Однако все они базировались на том, что третий срок будет объявлен как-то «по закону», благо конституционное большинство в Госдуме было в кармане, и закон можно было поворачивать, по пословице, как дышло.

Однако для реализации третьего срока был выбран самый «пацанский» вариант – «по понятиям».

Дело в том, что по нынешней российской конституции президент правит всем и не отвечает ни за что. Это «по закону». А «по понятиям» в кремлевской зоне должен править не тот, кто зовется ее начальником, а тот, кто в ней пахан. Соответственно, подбор им зиц-президента должен был отвечать двум главным критериям: во-первых, чтобы он без его ведома никуда не рыпался, то есть был полностью ему подконтролен, и, во вторых, чтобы его личность даже в перспективе не могла конкурировать с паханом.

Именно этим объясняется столь обескуражививший многих выбор очередного президента-наследника, поскольку из всех окружавших Путина фигур была выбрана самая слабая.

В самом деле, управленческий опыт Медведева среди всех питерских варягов в Кремле был величиной наиболее близкой к нулю.

Школа – институт – аспирантура – преподавание в вузе – вот и вся его докремлевская биография. В путинской команде, наживавшей свои первые миллионы на внешнеэкономической деятельности питерской мэрии, он отличился тем, что придумал замысловатую схему участия бюджетных средств города в частных коммерческих предприятиях, что позволило всей компании получать как бы легальные доходы от не вполне легального использования городских средств. Исполнительный мальчик был взят хозяином в Москву и там делал, что велят на разных должностях в администрации президента, то есть составлял бумажки и передавал указания, сам лично за их выполнение не отвечая.

Более или менее заметных этапов его управленческой деятельности было два. Первый – когда его поставили руководить Газпромом. Наверное, никогда еще гигантским газовым монополистом не руководил человек, сталкивавшийся до этого с газом только у конфорки плиты в питерской квартире. Впрочем, его, как и любого так называемого «эффективного менеджера» путинской эпохи, ставили туда не для процветания газовой отрасли, а для того, чтобы выкачанные из нее миллиарды шли в нужные карманы. Разумеется, эта сторона его деятельности не была сильно публичной.

Зато второй его управленческий опыт – руководство четырьмя национальными проектами: доступного жилья, улучшения здравоохранения, развития образования и сельского хозяйства – оказался на виду. Задача, собственно, была поставлена простая: потратить выделенные на эти программы 5 миллиардов долларов так, чтобы народ к выборам почувствовал, что «жить стало лучше, жить стало веселей».

Однако даже тратить деньги нужно с умом. По результатам же этих национальных проектов эффект получился прямо противоположный. Жилье стало еще недоступней; бесплатная медицина сократилась до минимума и обогатилась финансовыми аферами, типа закупок томографов с откатами; когда-то лучшая в мире советская система образования превратилась в болонскую систему с добавлением ЕГЭ, в результате чего бакалавров и магистров большинства нынешних вузов можно сравнить в лучшем случае с выпускниками советских техникумов, если не ПТУ. Результатом же сельскохозяйственного национального проекта стала окончательная утрата страной продовольственной независимости.

Именно поэтому о национальных проектах сейчас больше никто не вспоминает. Правда, 5 миллиардов всетаки были потрачены, и, видимо, не без пользы для тех, кто приложил к этому руку, включая и самого их куратора.

Второй же критерий отбора оказался одновременно и самым забавным. Был выбран единственно возможный кандидат, который оказался мельче самого Путина.

Вообще-то рост – не критичная величина для государственного деятеля. И Ленин, и Наполеон были небольшого роста. И он не мешал окружающим осознавать их величие. Даже служил своего рода контрастом, оттенявшим их политическую силу, которая буквально возвышала их в глазах окружающих. Во всяком случае, ни тот, ни другой по поводу своего роста не комплексовали.

Понятно, что нашим тандемократам до Ленина с Наполеоном, как до Луны на тракторе. Поэтому их истинный физический рост остается почти что государственной тайной. Известно только, что параметры Медведева в свое время были где-то в районе 156 см при 45 кг веса, а Путин в редких кадрах, когда их можно было сопоставить вместе, выглядел не намного крупнее. Еще до назначения наследника телеоператорам приходилось прикладывать все усилия, чтобы Путин не попадал в кадр, стоя рядом с такими верзилами, как Сергей Иванов или Сергей Лавров. А на встречах подбирать публику так, чтобы рядом с ним оказывались люди помельче.

При телесъемках же Медведева, это вообще носит характер паранойи. То его снимают снизу, то поодаль от прочих, так, чтобы наложение планов зрительно скрывало истинный рост. Не помогают даже специальные туфли, заказываемые где-то у европейских обувщиков, научившихся специально для комплексующих от своего роста прятать в обычных с виду ботинках 9-сантиметровые каблуки. Помнится, на подписании СНВ-3 в Пражском Граде чехи, видимо, не ведавшие о таких усилиях, поставили Медведеву обычный стул, как и всем участникам переговоров. В результате он сразу стал похож на школьника-недоростка, которого посадили обедать вместе со старшими. В Москве бы за такое голову оторвали, а в Праге, да при Обаме пришлось терпеть.

Повторюсь, рост – не главное, но комедия вокруг него показывает, сколь малому придается значение, когда других достоинств не просматривается…

Сами же президентские выборы 2008 года оказались столь же скучны, как и парламентские, ибо заранее было известно, кто победит и с каким счетом. Его по рецепту «Аферы выборов» точно предсказали придворные социологи и потому официальный результат в 70,28% никого не удивил. Несмотря на то, что народ узнал, кого ему сватают в президенты, всего за три месяца до выборов. Само собой разумеется, ни в каких предвыборных дебатах Медведев не участвовал и своей программой избирателей не искушал. Во всяком случае, в памяти она у них не сохранилась. Да и о чем дискутировать, когда итог известен заранее?

Кстати в самой цифре голосов, якобы полученных Медведевым, заложен тонкий политический ход. Процент голосовавших за него больше, чем в свое время за Ельцина, но все-таки меньше, чем на выборах 2004 г. за Путина. Этот нарисованный Центризбиркомом процент – реверанс хозяину, что он хоть на сантиметр, хоть на процент, да выше своего протеже.

От всей выборной кампании в памяти остались только два ярких момента.

Первый – это проезд новоизбранного президента на инаугурацию в Кремль по абсолютно пустым улицам Москвы. Учитывая только что состоявшуюся триумфальную победу на выборах, было бы естественным увидеть на улицах граждан, радостно приветствующих своего избранника. В Америке и при меньших процентах голосов нового президента приветствуют огромные толпы, которые никто специально на улицы не сгоняет. В Москве же служба охраны предпочла очистить от публики маршрут следования новоизбранного, справедливо полагая, что облапошенный в очередной раз народ может прийти на эту встречу не с лучшими чувствами, а при большом скоплении еще их и выразить. Короче, зияющая пустота московских улиц отразила истинный рейтинг доверия власти лучше всяких ВЦИОМов.

И второй – участие в выборах карикатурного подставного кандидата – Богданова. О нем вряд ли кто знал до того, да и после он без следа растворился в кремлевском политическом киселе. Но сам факт его участия в выборах показателен и говорит о многом.

Во-первых, в них участвовали и вполне прикормленные Кремлем настоящие кандидаты, опиравшиеся на официальные думские партии – Зюганов и Жириновский. Они согласились принять участие в избирательном фарсе, заведомо зная, что это фарс, что само по себе говорит об их политическом облике. Однако это не исключало ситуацию, когда под давлением своих партий или просто ради адекватного вознаграждения за участие в президентском лохотроне, они потребуют себе некую компенсацию, да еще вдруг не денежную, а политическую! Все прекрасно понимают, что под угрозой выйти из выборов они смогут получить от Путина все или почти все, ибо при одном кандидате выборы просто не состоятся. Их и так, по существу, нет, но ритуальная легализация «всенародноизбранного» провалится.

Подставной появился для того, чтобы настоящие кандидаты не взбрыкнули, что само по себе говорит о степени доверия в кремлевском политическом гадюшнике. Само по себе это не новация, на «выборах» Лужкова подставные кандидаты участвовали давно, но на президентских появились впервые, обозначив очередной шаг на пути от их фальсификации к имитации.

Кандидатура Богданова была примечательна тем, что он сам во главе списка Демократической партии России только что участвовал в думских выборах и триумфально занял в них последнее место, набрав, по официальной версии, 0,13% голосов, то есть не более 143 тыс. голосов избирателей. Даже в этом можно сомневаться, зная, что ДПР – одна из первых политических партий в России с характерной и по-своему трагической судьбой. Созданная Травкиным на волне перестройки, она когда-то была самым крупным партийным конкурентом КПСС, но затем, по мере познания россиянами сути полученной ими демократии, съежилась до карманных размеров, была Травкиным продана и несколько раз перекуплена, то есть «пошла по рукам». Соответственно кардинально менялся и курс ДПР. В конце концов ее приобрели по случаю питерские, а после президентского выборного фарса распустили, слив ее остатки в очередную кремлевскую псевдопартию «Правое дело». Так что говорить о каком-то электорате ДПР даже в объеме нарисованных Центризбиркомом процентов невозможно.

Тем не менее Богданов собрал 2 миллиона подписей в свою поддержку – в 14 раз больше, чем на только что прошедших думских выборах. Во всяком случае, так утверждает Центризбирком, зарегистрировавший его кандидатом в президенты. Очевидно, что им были приняты не подписи избирателей, а скорее пачки резаной бумаги, которую ему сдали вместо этих подписей, если туда вообще хоть что-то сдавалось.

Все это еще раз подчеркивает, что имитация президентских выборов уже в 2008 году носила столь откровенный и явный характер, что даже эти кричащие нелепости никого не интересовали и не смущали. О них знали, о них говорилось и писалось в интернете, тем не менее поколебать или каким-то образом смутить имитаторов избирательного процесса это уже не могло. По сути, девизом всего избирательного процесса стало: «Пипл схавает!».

После того, как Медведев был поставлен на президентство, у него было некоторое время для того, чтобы назначить Путина

премьер-министром. Однако он предпочел не тянуть и назначил его премьером уже на следующий день. Столь великая поспешность, невиданная ранее, свидетельствовала не только о том, что была предварительная договоренность на этот счет, но и о том, что ее требовали немедленно исполнить. Ходили даже упорные слухи о том, что Медведеву до инаугурации дали особый яд с тем, чтобы противоядие он получил, только если не «кинет» хозяина.

Возможно, это анекдот, а возможно и нет. Поскольку тот, кто замазан во взрывах домов в Москве, травит полонием в Великобритании бывшего коллегу – свидетеля этих преступлений, – тому ничего не стоит скормить своему наследнику яд на случай, если он в последний момент заартачится. По той Конституции, по которой мы живем, выбор премьера зависит целиком от президента. Хочу – назначу, хочу – не назначу. В данном случае, видимо, вариант «хочу – не хочу» был в значительной степени чем-то ограничен. И поскольку явных признаков доверия к обещаниям Медведева, кроме его честных глаз, не было, я думаю, что этот аргумент не был для Путина решающим. То есть, какието другие методы воздействия на решимость наследника действовать именно так, как ему заповедал старший товарищ, наверняка были.

Тем более, что у Путина перед глазами был собственный опыт. Он ведь в свое время, став президентом, поклялся «семье» не менять старого ельцинского премьера Касьянова. И действительно, первый срок практически полностью отработал с ним, хотя, видимо, ему это не очень нравилось. Прибрав всю исполнительную власть к рукам, можно было грабить страну по-крупному. Кстати, именно это и началось во второй путинский срок: загадочно-фантастический взлет цен на нефть, о котором уже писалось выше, с отсечкой львиной доли доходов от нее в глубоко запрятанный за рубежом Стабилизационный фонд, присвоение Газпрома и т.п.

Касьянов не доработал до полного первого срока Путина буквально несколько месяцев и был уволен в отставку. Было понятно, что с его средствами и возможностями, находись он на посту премьера, не факт, что он не составил бы Путину конкуренцию на второй срок его переизбрания. Официально Касьянов об этом никогда не заявлял, но возможность такая у него гипотетически была. И вопрос о том, куда тогда завертится рулетка Центризбиркома, на котором сидел Вешняков, доставшийся в наследство Путину от Ельцина, тоже оставался открытым. И Вован решил абортировать эту возможность вместе с премьером, несмотря на все прежние договоренности. Так что для него такой способ действий был естественен и вполне понятен. Поэтому, назначая Медведева своим наследником, он наверняка постарался найти такие эффективные средства воздействия, которые предохранили бы его от возможных казусов со стороны преемника, даже если он и не собирался их осуществлять.

После того, как образовался тандем из президента, номинально первого лица по конституции, и его назначенца премьера, который, однако, сам определил своего патрона себе в наследники, встал вопрос: кто же все-таки в стране главный? Когда-то западные кремленологи вычисляли важность того или иного политического лица в советской иерархии по официальной фотографии на трибуне Мавзолея. По центру всегда находился генеральный секретарь ЦК КПСС – первое лицо в стране, а вокруг него по ранжиру стояли прочие военные и гражданские чиновники. Соответственно, по степени удаления от генсека можно было судить, насколько тот или иной стоит близко к центру власти. Это носило наглядный, так сказать, графический характер.

В первое время президент и премьер всюду на официальных мероприятиях появлялись вместе, как братья-близнецы, наверное, чтобы подчеркнуть, что никто из них не главный. Именно отсюда родился термин – тандемократия. Это было важно прежде всего для Путина, ибо конституция однозначно определяет этот вопрос. Видимо для компенсации этой его политической ущербности в первый год президентства Медведева официальные СМИ упорно называли Путина «национальным лидером», что при живом президенте и такой конституции – глупость сама по себе.

Тем не менее, некие признаки – кто является самой центральной фигурой – должны были проявиться. Одним из них стало обладание резиденцией Новоогарево. Она была президентской резиденцией еще с горбачевских времен. Она же была резиденцией Ельцина, потом, естественно, Путина. А вот при президентстве Медведева она из президентской вдруг стала премьерской. А Медведеву выделили какую-то другую. В чем здесь разница? Суть, естественно, не в названиях и не в предшественниках. Дело в том, что Новоогарево в силу своих президентских функций еще со времен Горбачева, по сути было отстроено как второй Кремль. Я не имею в виду архитектуру зданий. Это скорее центры коммуникаций плюс все, что туда подтянуто и отстроено, включая подземные бункеры и ходы для срочного бегства, то есть то, что просто так не может быть перекинуто из одного места в другое. Кто владеет Новоогарево, владеет реально вторым Кремлем. Тот и является истинным хозяином страны: у него больше телефонов на столе, с ним привыкли связываться все чиновники. Короче, Новоогарево вполне можно сравнить, оперируя государственной символикой, с царским скипетром и державой вместе взятыми. Шапка Мономаха досталась Медведеву, но тушкой российского орла, цепко вцепившегося в реальные инструменты власти, управляет Путин.

Итогом имитации выборов с подставным кандидатом должен был логически стать зиц-президент, исполняющий свои функции, так сказать, по доверенности. Поскольку срок действия этой доверенности подходит к концу, самое время подвести итоги третьей путинской четырехлетки.

Во-первых, было доказано на практике, что Стабилизационный фонд, в который за время второго путинского срока было запрятано нефтяных доходов на несколько годовых бюджетов России, ни от чего страну не стабилизирует. В самом начале кризиса, докатившегося до нас осенью 2008 года, Путин сдуру даже успел что-то ляпнуть про «остров спокойствия от финансовых бурь», в который превратилась Россия благодаря Стабилизационному фонду, созданному под его мудрым руководством. Спокойствия хватило ровно на три месяца, после которых рубль был фактически девальвирован на треть и все дальнейшие кризисные тяготы легли на население страны еще в большей степени, чем в США, где кризис зародился. А сам Стабфонд, к тому времени уже разделенный на два новых, но хранящихся все так же далеко от России, только подтвердил правоту русской национальной мудрости: «Что с возу упало, то пропало».

Впрочем, из всей этой истории правящий режим извлек для себя урок: хотя нефтяные доходы по той же схеме Стабфонда продолжают утекать за рубеж, пресловутая «цена отсечки», выше которой все доходы от нефти изымаются из бюджета страны, стала государственной тайной. Если раньше ее хотя бы можно было узнать при обсуждении бюджета, то теперь не найти нигде. Так что граждане страны теперь лишены даже возможности прикинуть, на сколько их обворовывает питерская шайка во главе с «национальным лидером». Действительно, чего зря переживать! Гуманизм!

Во-вторых, на смену тотальной коррупции, характерной уже для второго путинского срока, пришла «вертикаль коррупции», объединяющая структуры власти по их коррупционной специализации. Известно, например, что проституцию в России «крышует» милиция, то есть теперь уже полиция; наркотики – это тема спецслужб и успешного международного сотрудничества по линии ЦРУ – ФСБ, где первая обеспечивает повышение урожайности опиумных плантаций Афганистана, а вторая – провоз через территорию России с реализацией части товара на месте, то есть у нас. Прокуратура недавно засветилась на «крышевании» подпольных казино в Подмосковье, но, впрочем, не брезгует ничем, вплоть до палаток у метро. Однако, главный ее бизнес – это открытие или закрытие по заказу уголовных дел.

Главное здесь не то, что государственные должности стали основным источником коррупции, а то, что сама она стала невозможной без передачи части добытого наверх по служебной лестнице, упирающейся, в итоге, в правящий тандем.

В-третьих, у правящей питерской элиты появились новые развлечения. За два путинских срока до нее все же дошла, в основном, мысль, что за рубежом, после революции в России, их никто особенно не ждет. Сколько капитала туда не вывези, там питерские все равно станут отработанным материалом. Поэтому появилась сверхзадача: прожрать сколько возможно здесь и сейчас.

Покупка самых больших яхт и зарубежных вилл – уже пройденный этап. Актуальной стала организация жизни по царскому образцу прямо тут, на месте. У каждого из тандемократов уже свыше десятка личных резиденций по всей стране, причем резиденция для президента и для премьера – это отдельные вещи. Никто из них в чужую соваться не станет.

Сверх того, повальным увлечением правящей верхушки стало возведение дворцов для себя любимых. Не так давно в интернете появились фотографии почти законченного строительства копии Петродворца прямо здесь, под Москвой. С фонтанами, Самсоном и прочими увеселениями петровской эпохи, но, разумеется, современным комфортом внутри. Для кого строится дворец – не сообщалось, но думается, что вряд ли кому из олигархов захотелось бы примерять на себя царские атрибуты – загремишь по этапу, как Ходорковский. Можно лишь догадываться, судя по размеру «понтов», вложенных в эту стройку, что в итоге она предназначалась для «фартового пацана» Вована.

Другой дворец для него строится на берегу Черного моря и включает казино, зимний театр, плавательные бассейны и еще много всякой всячины, тянущей в совокупности на миллиард долларов. Неподалеку от него возводится сооружение сопоставимых масштабов для патриарха.

Тут надо отметить, что дворец – это не просто большая дача. Это место, куда царствующая особа выезжает вместе со своим двором. Так сказать, всей кампанией. Быть при дворе – означает, что твоя кампания монарху не противна, и он берет тебя в свою тусовку. Ведь казино и зимний театр строятся не для того, чтобы сидеть там в одиночестве или в семейном кругу, нужные придворные, фавориты.

И фаворитки тоже. В столь сильно пробудившийся у Вована инстинкт жизни по царским понятиям естественным образом вписалась история с бывшей чемпионкой мира по гимнастике Кабаевой, вроде бы даже родившей Путину сына. Наследника престола, если угодно. При этом его официальная супруга Людмила Путина вдруг так далеко ушла на задний план, что ее удается видеть только на церковных службах, да и то раз – два в году. Видимо это породило упорный слух, что ее по образу и подобию неугодных царских жен спровадили в монастырь.

Но апофеозом этого четырехлетия стала, безусловно, поправка в Конституцию о продлении президентского срока до шести лет, вступившая в действие в 2009 году. С ее проведением через Госдуму, рояль конституционного большинства Единой России, долгие годы прятавшийся в кустах, наконец, заиграл. И тем самым разрешил два деликатных момента, связанных с этим продлением. Во-первых, с обещанием Путина конституцию не менять. Вроде бы он тут и ни при чем, поправка-то как бы исходит от Медведева. А во-вторых, жалко было бы столь долгий срок кому-то отдавать. Вот тут самое время «национальному лидеру» снова сесть на трон, да чтоб подольше не беспокоили с этими выборными глупостями.

А там глядишь, со временем, и избирать не понадобится. Захотим – введем вместо «суверенной демократии» – «суверенную монархию»! Вот уже и дворцы с фаворитками, все готово. Глядишь и Александровский зал Кремля, заботливо снабженный царским троном для так и не решившегося на него сесть Ельцина, пригодится.

Правда, есть предположение, что вашингтонские кураторы путинского режима на это добро не дадут. Но эта надежда довольно иллюзорна: установленный в России режим, обеспечивающий выкачивание из нашей страны ресурсов, Запад устраивает. Все становится законным и справедливым в таком политическом режиме.

Поэтому проблема с согласием «вашингтонского обкома» на псевдомонархическое переустройство России под Путина состоит не в том, что на американскую администрацию будут давить демократические ценности, а в том, чтобы она поверила, что такой режим продержится дольше, чем игра в имитацию выборов.

Собственно, продление сроков правления и для президента, и для Думы (до 5 лет) по-своему тоже работают на эту задачу. Иллюзия выборов стала настолько очевидной, что проводить их слишком часто и тем более делать вид, что это выбор народа, стало полным издевательством над здравым смыслом. Чем чаще выставляешь себя на позор, тем хуже для тебя самого.

Все это означает, что президентские выборы 2012 года не могут не пройти по тому же сценарию, что и все предыдущие, возможно лишь обогатившись новыми ухищрениями, сводящими демократические процедуры к полному идиотизму. Поэтому участие в таких «выборах» становится бессмысленным само по себе, ибо любой пришедший на избирательный участок, что бы он ни делал со своим бюллетенем, может быть уверен, что его голос все равно будет засчитан нужным власти образом.

По сути, ей сейчас от избирателя требуется только одно: чтобы он пришел на выборы и своим присутствием подтвердил, что они состоялись при значащем скоплении народа. Это все. Все прочие детали по всенародному избранию с подавляющим перевесом в голосах Центризбирком берет на себя. Как сказал бы «фартовый пацан»: «За второй тур можете не париться!»

Поэтому единственным оружием гражданина России по отношению к этому фарсу остается только бойкот выборов. Характерно, что как только Национальная Ассамблея РФ выдвинула этот лозунг, власти немедленно задергались. Зампред Центризбиркома Ивлев, «смотрящий» за ним от президентской администрации, тут же попытался напугать россиян введением штрафа за неучастие в выборах.

Думается, вряд ли удастся оштрафовать большую половину России, и так уже игнорирующую избирательный фарс. А главное, вряд ли власть осмелится всерьез применить этот штраф, поскольку тогда станут явными истинные масштабы бойкота выборов, то есть то, что она изо всех сил старается скрыть.

Вопрос только в том, как долго продлится эта игра и как скоро России удастся освободиться от прилипшей к ней политической заразы. А это, в свою очередь, ставит вопрос об истинной природе политического режима, который мы получили.

3.3. Виртуальные выборы

Проведя обзор системы фальсификации выборов, начиная с тотального искажения результатов голосования и заканчивая допуском до выборов только контролируемых Кремлем политических организаций, остается задать себе вопрос – какое же будущее ожидает российскую избирательную систему при таком же развитии событий?

Ведь действительно, голос избирателя уже никакого значения не имеет, поскольку через систему ГАС «Выборы» его можно отдать любой нужной кремлевской администрации партии, и проверить или опровергнуть это будет нечем.

Отмена голосования против всех устраняет даже теоретическую возможность избирателя проголосовать не за какую-то конкретную партию, а против всех партий. То есть таким образом выразить свое недоверие всем, кто выставил свои кандидатуры на подобные выборы, потребовать привлечь к этому процессу новые силы, новых людей. Раз пришел на выборы – значит, проголосовал, раз проголосовал – значит, кому-то свой голос отдал, а уж как его посчитали – не проверишь.

Все теоретически возможные инструменты проверки результатов голосования с тем, чтобы избиратель мог убедиться в том, что его голос засчитан правильно, на сегодняшний день из законодательства либо устранены, либо им не предусмотрены, либо просто запрещены. Таким образом, какая-то легальная и реальная возможность убедиться в честном подведении итогов выборов в России сегодня отсутствует.

Наконец, начавшееся внедрение разного рода компьютеров для голосования, в этих условиях устраняет последнюю возможную ступень проверки голосования избирателей – сами избирательные бюллетени. С ликвидацией избирательного бюллетеня исчезнет последнее материальное свидетельство, которое в сомнительных случаях могло бы доказать, что голосование прошло не так, как об этом официально сообщено.

Плюс система доступа к выборам только контролируемых властями партий или кандидатов от них сводит весь избирательный процесс к тотальной и абсолютно замкнутой системе фальсификации выборов.

Что еще остается? Остается, тем не менее, проблема явки. Да, в законе и прописано, что теперь количество явившихся на выборы не имеет никакого значения. Но совершенно очевидно, что если на выборы в избирательном округе действительно явится 2 – 3, пусть даже 100 или 500 человек из 500 тысяч, которые имеются в наличии, то хотя выборы формально и можно считать состоявшимися, но фактически они уже никакой поддержкой населения не пользуются и потому являются чистым фарсом.

Поэтому следующий этап фальсификации избирательной системы – это уход от проблемы явки на выборы с тем, чтобы никто не мог даже достоверно установить – пришли ли избиратели на выборы и в каком количестве. Отсюда все те новации, которые обещал еще Вешняков, пока он находился во главе Центризбиркома и наивно полагал, что он и дальше будет рулить избирательным процессом в России. Я имею в виду голосование по мобильному телефону через SMS-сообщения, голосование по интернету и т.п.

Самое интересное, что при голосовании по телефону, по интернету установить, кто голосует, весьма легко, так как у каждого телефона есть свой номер, а адрес голосующего компьютера можно легко определить в сети. При этом, естественно, нарушается тайна голосования и появляется возможность оказывать давление на избирателя, в первую очередь властным структурам. Однако это почему-то Центризбирком не беспокоит.

Зато когда он отказывался и продолжает отказываться от любых систем, в том числе анонимных, для контроля за правильным подсчетом голосов, основная тому официальная причина – сомнение в сохранении тайны голосования! Согласитесь, кто боится проверки – тому есть, что скрывать.

А вот в развитии мобильно-интернетных технологий голосования Центризбирком заинтересован. И признает, что за ними будущее, что такие системы надо внедрять. Кстати, в одной из бывших советских республик – Эстонии, такая система голосования уже внедрена. Это как бы предварительная обкатка перед широким внедрением, чтобы проверить, как на нее реагирует население, не увидит ли подвоха? Заодно создается определенное реноме: мол, не мы первые придумали такую систему, она где-то уже применяется.

Чисто для сравнения приведу пример, как обстоят дела с этим вопросом «у них». Например, во Франции избиратель может голосовать только там, где он прописан. Если же он живет в другом месте и приехать туда не может, то должен заблаговременно оставить доверенность в избирательной комиссии на то, чтобы другой избиратель, обязательно из того же округа, распорядился его голосом. То есть, придя на избирательный участок, получил два бюллетеня. При этом на одно доверенное лицо разрешено выдавать только одну доверенность, максимум две – если доверители находятся за границей. И никаких открепительных талонов. Не говоря уж про голосование для местных бомжей – клошаров.

Суть приведенного мной сравнения в том, что по самой процедуре допуска к голосованию уже видно, что власти хотят: достоверно выяснить волю избирателей или максимально фальсифицировать выборы. Понятно, что для Франции это первое, а для России – второе. И именно поэтому во Франции стало возможным голосование против евроконституции, хотя за нее стояло горой все руководство страны, а у нас считается принятой конституция 1993 года, да и та не исполняется.

Соответственно встает вопрос: а что с этим делать? На что в этих условиях способен рядовой избиратель? Если он не участвует

в каких-то политических организациях, которые активно борются с фальсификацией выборов в России, что зависит от него?

Для него сейчас остается только один выход. Пассивный, но единственно возможный. Это неучастие в выборах до тех пор, пока они фальсифицируются столь наглым и бессовестным образом. Решать – поддаваться на правительственную пропаганду или не поддаваться – естественно, дело индивидуальное. Но в целом это единственное гражданское действие, которое по силам простому избирателю для того, чтобы выразить свой протест против аферы российских выборов.

Эта возможность пассивного сопротивления для нас с большой долей вероятности может оказаться последней. Потому что когда выборы станут полностью виртуальными и явки на избирательные участки даже не потребуется, то независимо от того, голосовали люди или нет, выборы все равно будут признаваться состоявшимися, да еще и с убедительным процентом якобы принявших в них участие.

Сейчас избирателю представляется, возможно, последний шанс оказать гражданское сопротивление тотальной фальсификации выборов в России.

У читателя, дочитавшего книгу до этого места, может возникнуть вполне резонный вопрос: разве один только автор знает об афере российских выборов? А как же все остальные их участники, все те, кто должен контролировать их честность и демократичность? Все те, кто следит за их полным соответствием международным стандартам? Как недостоверности выборов не замечает прокуратура, суды, в которых можно обжаловать их результаты? Почему о тотальной фальсификации ничего не говорят политические партии, хотя они должны быть первыми заинтересованы в том, чтобы выборы проходили объективно, чтобы все голоса избирателей были подсчитаны верно? Наконец, как же международные наблюдатели, которые независимы от наших властей, почему они ничего не говорят о том, что выборы в России – липа?

Об этих вещах мы и поговорим в этой главе.

4.1. Суды и прокуратура

Вообще-то органы правосудия – третья власть в стране – как раз и названы третьей властью для того, чтобы быть независимыми и от власти исполнительной, и от власти законодательной, и таким образом строго стоять на страже закона. Когда в 1993 году совершался государственный переворот, одним из его мотивов декларировалось то, что Съезд народных депутатов сосредоточил в себе всю полноту государственной власти. А вот теперь в настоящем демократическом государстве все будет строиться на разделении властей: исполнительная власть – отдельно, законодательная власть – отдельно, судебная власть – отдельно. На этом разделении и независимости друг от друга властей базируется настоящая демократия, такая, как, скажем, в Соединенных Штатах Америки. Примерно такая идеология в 1993 году вдалбливалась в мозги населению для оправдания государственного переворота.

Остается спросить только, почему же третья власть, то есть суды и прокуратура, оказались неспособными защитить эту самую демократию при самом ее зарождении, то есть в избирательном процессе?

Начнем с прокуратуры. Во-первых, прокуратуре по роду своей деятельности и по закону о ней как бы на лбу написано первой расследовать нарушения закона. В частности – избирательного законодательства. По логике вещей, все эти манипуляции с подписями избирателей, которые приводили к регистрации одних избирательных объединений и к отказу в регистрации других, равно как и то, что делается с подсчетом голосов, в первую очередь должны были привлечь внимание прокуратуры. И в первую очередь именно прокуратура должна была расследовать эти нарушения, причем не только при прямом обращении к ней тех или иных организаций или граждан, но и по самому факту публикации, например, в средствах массовой информации. Закон о прокуратуре прямо ее к тому обязывает.

Тут надо констатировать, что за все годы существования нынешнего Центризбиркома прокуратура ни разу не производила проверки его деятельности. Сведений о том, что Центризбирком мошенничает, неправильно подсчитывает результаты голосований, откровенно мухлюет с системой ГАС «Выборы» – предостаточно. Они сопровождают каждую без исключения выборную кампанию, начиная с 1993 года. Публикаций и непосредственных обращений в прокуратуру по поводу фальсификации выборов избиркомами всех уровней за это время было огромное количество. Но случая, чтобы прокуратура приняла какие-то действенные меры по этому поводу, не отмечено ни одного.

Основных причин тому две.

Первая выглядит вполне легальной. Дело в том, что статус Центризбиркома определен таким образом, что он ни к какой ветви власти не относится. Это вроде бы не исполнительная власть, точно не судебная власть, и не имеет права быть властью законодательной. Он вообще никто. То есть никакого отношения к какой либо ветви власти, деятельность которой может проверять прокуратура, у Центризбиркома нет, он ни при чем. Мы-то с вами знаем, что реально он является дубликатом администрации президента, то есть подразделением исполнительной власти, как бы это ни скрывалось. Тем не менее, формально он ни к какой из ветвей государственной власти не относится, хотя и определяет состав этих властей, проводя выборы и фиксируя их результаты. На этом основании Генпрокуратура всегда уклонялась от проверки Центризбиркома, апеллируя к тому, что законодатель не указал, к какой именно ветви власти относится сам Центризбирком и потому непонятно, кому и как ее проверять.

Вторая причина, более понятная и логичная, это то, что на самом деле Центризбирком относится к единственной реальной ветви власти – диктатуре президента, которая установлена в России. И эта диктатура, каким бы демократическим процессом ее ни прикрывали, реально базируется на власти аппарата президента во всех ее видах, к которой по факту относится и сам Центризбирком. Поэтому прокуратура, будучи государственным органом, назначаемым, в конечном счете, той же самой президентской администрацией, естественно, не может проверять того, кто ее назначает. И потому на ее реакцию в отношении заведомо беззаконных действий Центризбиркома рассчитывать просто не приходится.

Достаточно сказать, что когда в 1995 году Центризбирком нагло не выполнял решения Верховного суда России по делу Фронта национального спасения, мы неоднократно обращались в Генеральную прокуратуру с тем, чтобы обеспечить выполнение этих решений. Ответом были какие-то отписки о том, что дело передано чиновнику такому-то и так далее, но никаких конкретных действий от Генпрокуратуры добиться не удалось.

Что же тогда говорить об органах, которые находятся у нее в прямом подчинении? За прошедшие годы сведения о фальсификации выборов публиковались неоднократно. Например, на президентских выборах в Саратовской области, на всех 20 проверенных избирательных участках результаты голосования были существенно искажены, разумеется, в пользу Путина. Однако ни в одном из этих случаев не было даже возбуждено уголовного дела, не говоря уже про отмену результатов выборов. Точно такая же ситуация была с голосованием на президентских выборах в Татарстане, да и, собственно, в любом регионе России.

Так что на прокуратуру, этот важнейший орган государственного контроля, в расследовании аферы российских выборов рассчитывать нечего.

Остаются суды. Естественно спросить, почему же суды не принимают никаких решений, коль скоро они должны руководствоваться только законом? И вообще сам избирательный процесс предполагает, что любое его нарушение в кратчайший срок будет рассмотрено именно судом с тем, чтобы оказать влияние на результаты выборов. Иначе говоря, любое действие

Центризбиркома может быть оспорено в суде. Казалось бы, куда демократичнее?

Почему же судебная власть не может повлиять на беспредел избиркомов?

Надо начать с того, что судебная власть отнюдь не является такой уж независимой, как это хотели представить творцы российского разделения властей. Я уже писал о том, что пора высшего расцвета демократического процесса и самых светлых надежд, которые на него возлагались, наступила после августовского путча 1991 года, когда союзная власть практически исчезла и таким образом российская власть, та самая власть демократов, могла делать все, что угодно. Так вот, даже в тот период установить выборность судей, по примеру, скажем, Соединенных Штатов Америки, коль скоро нам ставили в пример американскую демократию, то есть принять такое в высшей степени демократическое решение российская государственная власть не смогла. Это обосновывали чем угодно: привычками, нашими традициями, неподготовленностью народа и т.д. Но демократы уже тогда не могли допустить того, чтобы судебная власть выбиралась. То есть была бы хоть в какой-то мере реально независимой от исполнительной власти, тем более что избирательный процесс в 1991 году еще не был фальсифицирован.

Особенно примечательно здесь, кстати, то, что в советское время судьи избирались. Пусть на безальтернативной основе, но сама необходимость их выборов под сомнение не ставилась. Так называемые демократические перемены в России уничтожили даже выборность третьей, судебной власти в принципе. Уровень советской демократии для российских демократов опять оказался слишком высок.

В 1993 году после государственного переворота, когда в ельцинскую конституцию вкладывались самые благие пожелания, законодательно было установлено, что она является законом прямого действия, то есть, обязана непосредственно применяться любым судом. При этом она стала приоритетной по отношению к любому другому закону. Казалось бы, теперь в государственное устройство России заложены столь незыблемые демократические нормы, что ее авторы достойны встать в один ряд с отцами-создателями американской конституции.

Однако вопрос с независимостью тех, кто должен был судить по столь демократическим нормам, был решен совершенно иначе. Теперь все судьи России без всяких там демократических затей назначались либо непосредственно президентом, либо по его представлению. При этом, естественно, независимости этой третьей власти, если всерьез говорить о разделении властей, взяться было неоткуда.

Кроме того, все назначения судейских начальников – председателей, заместителей председателей судов России осуществляются также президентом или по согласованию с ним. Реально это значит, что любое перемещение судей по служебной лестнице, а в некоторых случаях и сама возможность продолжать исполнение своих обязанностей прямо зависит от их лояльности президентской вертикали власти.

За примерами далеко ходить не надо. Я уже писал выше о том, как в 1995 году Фронт национального спасения боролся в Верховном суде России против Центризбиркома сначала за то, чтобы нам просто позволили собирать подписи за свой список кандидатов, а затем зарегистрировали и допустили до выборов. Мы провели 5 или 6 судебных процессов, доказывали свою правоту, суд принимал решения в нашу пользу, а Центризбирком их не исполнял. При этом каждый раз эти решения принимались разными судьями Верховного суда.

Наконец, дело дошло до последнего решения, самого одиозного в нашей кампании. Тогда мы обжаловали то, что Центризбирком не засчитал наши подписи по групповому признаку: если одна подпись в списке признавалась недостоверной, то вычеркивались все подписи, которые собрал данный сборщик. Когда этого оказалось мало, дело дошло до уполномоченного представителя нашего блока, который заверил подпись сборщика. Вычеркивались все подписи, которые он заверил, даже если это были подписи, собранные другими сборщиками, и к ним никаких претензий не было. То есть достоверные подписи на этом основании вычеркивались тысячами. Все это делалось ради того, чтобы не допустить нас до выборов. Противозаконность и дикость этой меры очевидна и бросается в глаза. Для того, чтобы это понять, не нужно быть судьей высшей квалификации.

Тем не менее, нашелся судья Верховного суда России, который признал эту меру соответствующей закону. И на этом основании подтвердил решение Центризбиркома о том, чтобы Фронт национального спасения не участвовал в выборах.

Так вот этот самый судья, г-н Федин А.И., с тех пор из рядовых судей стал председателем Кассационной коллегии Верховного суда. Кстати, этот орган – нечто вроде второй, высшей инстанции в самом Верховном суде, был создан по итогам избирательной кампании 1995 года с тем, чтобы судебные процессы не заканчивались в Президиуме Верховного суда и не беспокоили судей этого ареопага одобрением таких одиозных решений, как по делу ФНС. И председателем нового органа, то есть новым судейским начальником, оказался как раз тот судья, который смог так чутко уловить желания власть предержащих и оформить их именем закона. А остальные судьи, принимавшие решения по нашему делу на основании закона и своей совести, так и остались судьями Гражданской коллегии.

Можно сказать, что это случайность. Наверное. Но это случайность, которая определяет правило. Потому что для каждого судьи Верховного суда, а уж тем более для нижестоящих судов, стало ясно, что если ты принимаешь не то решение, какое угодно властям, ты можешь оказаться на обочине, а то и вообще выкинутым из судебной машины. А если принимаешь нужное решение, то на этой обочине не окажешься, и тебя ждет повышение. Вроде бы прямой связи нет. Вроде бы никто тебе не указывает в грамоте о пожаловании должности председателя Кассационной коллегии Верховного суда, что ты ее удостоен за то, что правильно учел требования президентской администрации в рассмотрении дела ФНС. Нет, конечно. Но совпадение и так достаточно красноречиво.

Естественно, что если такие вещи происходят в Верховном суде, уж тем более они очевидны для судов районного уровня. Пожалуйста, вот пример из избирательной кампании по выборам в местные органы власти и по перевыборам Путина, которые происходили в марте 2003 года. Районный суд Пресненского района, самый центр Москвы. В нем рассматривалось дело о фальсификации результатов выборов в этом районе. На основании копий протоколов, полученных наблюдателями от различных партий после голосования, было установлено, что итоги не соответствовали тем, что были заявлены территориальной избирательной комиссией. Там, где было больше голосов подано за одного кандидата, по итогам выборов, подведенным территориальной избирательной комиссией, оказалось, что больше голосов принадлежит совсем другому кандидату. Причем эта разница достигала от 20 до 40% в зависимости от избирательного участка. Размеры фальсификации были масштабными, внушительными. Кроме того, завышались данные о явке – до 98,4% проголосовавших по результатам ТИК, в то время как наблюдатели зафиксировали явку от 38 до 57% в зависимости от участка. Занижались также данные о голосовании против всех – до 0,6% – абсолютный рекорд по Москве – при реальных от 19 до 30% по данным наблюдателей.

Так вот когда в районном суде рассматривались эти протоколы, то судья анализировал их крайне придирчиво: все ли подписи правильно поставлены, на месте ли печати. Если поставлена подпись председателя комиссии, а нет секретаря, то протокол не засчитывал, или поставлена подпись председателя и секретаря, но нет печати, то тоже не засчитывал. А если поставлены все подписи и есть печать, то смотрел, правильно ли они поставлены, в том ли самом месте. Кстати сказать, правильное оформление копии протокола возложено на избирательную комиссию, а не наблюдателя.

Короче говоря, были использованы все возможные виды придирок к протоколам наблюдателей при том, что ни разу не было высказано сомнение в том, что этот протокол именно из этой избирательной комиссии, и даже если он небрежно оформлен, то все равно был получен именно там. Это под сомнение не ставилось, поскольку было очевидно. Но возможность не засчитать этот протокол как действительный, в судебном заседании использовалась любая.

И вот, наконец, дошла речь до тех протоколов, в которых все было поставлено на месте, но которые, тем не менее, не совпадали с официально подведенными итогами выборов. И что сделал суд? А ничего. Он констатировал, что да, расхождения есть. Тем не менее, по мнению суда, итоги выборов изменению не подлежат и являются достоверными. Как это может быть? Считайте, как угодно. Это, если угодно, плевок и в сторону здравого смысла, и правосудия, и всего того, чем является судебная система в современной России. Это означает, что справедливого решения у нее не добиться, и какие бы документы ни представлялись, все равно итоги выборов будут определены так, как необходимо власть предержащим.

Поэтому, коль скоро так поступает и Верховный суд, и местные районные суды, на какую же поддержку системы правосудия в России в разоблачении аферы российских выборов можно рассчитывать?

Впрочем, не все судьи российских судов – подлецы. Но для того, чтобы понять, каким образом власть манипулирует правосудием на повседневном уровне, хочу привести такой пример.

Как-то мне надо было обратиться в Гагаринский районный суд Москвы с неким банальным гражданским делом. Поскольку у меня за спиной были все те процессы в Верховном суде, о которых я писал выше, и я уже представлял, что происходит в российской судебной системе, то понимал, что к любому судье обращаться нельзя. Надо найти хотя бы более-менее честного. И потому я начал искать в интернете информацию о том, кто из судей такой репутацией обладает. И, что удивительно, нашел!

Эта судья была известна по интернет-конференциям тем, что в 1998 году рассмотрела гражданский иск некоего русского, жившего в Чеченской республике. Он хранил свои вклады в Сбербанке, и после того, как всех русских выгнали из Чечни, обратился в Сбербанк г. Смоленска, где он осел, за своими сбережениями. Сбербанк ему отказал на том основании, что у него плохие связи с Чечней, и поскольку он оттуда никаких денежных трансфертов не получал, то и выплачивать его вклады не собирается. Гражданин апеллировал к тому, что он оставлял свои деньги не в какой-то республике, а в государственном сберегательном банке, едином для всей России. Вот с этим иском он и обратился в Гагаринский районный суд, и судья действительно признала его правоту и обязала Сбербанк выплатить деньги. Правда, только сумму его вкладов, не удовлетворив ни морального, ни материального ущерба истца сверх того.

Уже тогда, в 1998 году, это было настолько неслыханно, что судья приняла решение в пользу гражданина, а не государственного учреждения, что это было расценено как некое событие всеми, кто обсуждал его в интернете. Само по себе оно свидетельствовало о том, что еще можно встретить судью, который хоть в малейшей степени придерживается закона, а не чинопочитания.

Прочитав все это, я решил обратиться со своим делом именно к этому судье. И когда пошел в Гагаринский суд, то нашел его кабинет. Это был кабинет судьи, такой же, как кабинеты 4—5 его коллег, которые принимали заявления по всем делам, вытекающим «из гражданских, жилищных, семейных и административных правоотношений», то есть по любым. Но у этой судьи было одно исключение. Она принимала только по делам о восстановлении на работе, расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества, взыскании алиментов, установлении безвестно отсутствующих и умерших – короче, по всем видам дел, которые имеют репутацию склочных. Но принимать к производству иски к государственным организациям, вроде рассмотренного ею дела о вкладах в Чеченской республике, она уже не могла. Председатель суда своей административной властью определил ей такую зону ответственности. И только ей одной – все остальные судьи могли заниматься всеми делами, в том числе и склочными. Хотя предпочитали переадресовывать их ей.

Иначе говоря, из той сферы дел, в которой она приняла единственно правильное решение, ее административно вышибли, бросив на всякого рода склочные дела, которые она вынуждена была разбирать в исключительном порядке.

Понятно, что эта судья надолго в Гагаринском суде не задержалась, и, в конце концов, оттуда убыла, восстановив монолитность судебной системы по части принятия угодных властям решений.

Когда такие вещи происходят даже на уровне районного суда, то совершенно ясно, что вся судебная система в целом является абсолютно ангажированной и не может принимать решений, исходя из принципов правосудия. Для того чтобы в этом убедиться, попробуйте обратиться в суд и выиграть там хоть какое-нибудь дело на основании статей Конституции Российской Федерации. Той самой, что прямого действия. Уверен, что у вас ничего не выйдет.

Примеров, когда законы или действия органов государственной власти противоречат конституции, более чем достаточно. Я уже приводил пример по объединению субъектов Федерации, что прямо противоречит конституции.

А вот другой пример, более близкий к правам человека. Статья 31 Конституции РФ гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Имеют право – это значит, что не должны просить на это у кого-то разрешение. Максимум – уведомить о своих намерениях власти. Однако попробуйте собраться на какой-нибудь митинг, например, под лозунгом «Россия – без Путина», как это было у «Другой России». Отведаете спецназовских дубинок. А «Единая Россия» может перегораживать своими сборищами хоть Тверскую улицу, хоть Ленинский проспект. Под охраной милиции. И оспорить это положение ни в каком российском суде вам не удастся.

Таких примеров – множество. Когда отношение к конституции страны и вообще ко всей системе законов такое, то понятно, что судебная система России является не третьей независимой ветвью власти, а фактически подчиненной президентской диктатуре структурой, которая действует по ее команде. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такая «третья власть» никакого, даже малейшего сопротивления извращению избирательных норм, фальсификации выборов в России оказать не может.

4.2. Политические партии

Суды и прокуратура не могут противостоять фальсификации выборов, поскольку это органы, подчиняющиеся все той же государственной власти, которая, несмотря на фиктивное разделение властей, якобы содержащееся в конституции, фактически является единым диктаторским целым и диктует своим же государственным органам, в частности судам и прокуратуре, как им действовать.

А что же политические партии? Они ведь не являются государственными органами. Они от государства независимы, зарплату от него в общем-то не получают, не стоят на его содержании. Почему же они не заинтересованы в том, чтобы открыто говорить о фальсификации выборов для того, чтобы сделать эти выборы честными? Действительно, если голоса кому– то приписываются, то у кого-то же они уворовываются на тех же самых выборах. И почему же обворованным не кричать о том, что у них украли голоса, почему не обличать эту систему выборов, при которой такая кража стала возможной?

Для начала давайте определимся с тем, что такое политические партии. Вообще-то, по смыслу, политическая партия – это любая общественная организация, которая занимается политической деятельностью. Не какой-нибудь правозащитной, охраной труда, помогающая инвалидам, а занимающаяся именно политической деятельностью в масштабе общества. По смыслу, именно это является политической партией.

Такой смысл им и придавался в начале 90-х годов, когда у нас начали создаваться общественные организации. Любая из них могла заниматься политической деятельностью или не заниматься ею, и, таким образом, выделение политических партий происходило по факту занятия политической деятельностью. Это и есть самая демократическая и самая разумная форма.

Последующие действия после государственного переворота сначала ельцинских, а потом путинских администраций привели к тому, что количество этих организаций пытались неуклонно сузить до тех пор, пока в 2002 году не был принят так называемый Закон о политических партиях. Он фактически поставил организации, которым разрешено заниматься легальной политической деятельностью, в разряд лицензируемых. Те, кому выдана от лица государства, через Министерство юстиции, лицензия на занятие политической деятельностью – то есть официально присвоено звание «политическая партия», те имеют право выдвигать своих кандидатов на выборы. А те, у кого такой лицензии нет, этого права не имеют. Понятное дело, что само предоставление этой лицензии и ее дальнейшее обладание какой-либо организацией оговорено целым рядом условий, к которым можно подойти точно так же, как Центризбирком подходит к проверке подписей организаций, участвующих в выборах. Одни он проверяет тщательно и под лупой, придирается ко всякой мелочи и доводит дело до судов, которые решают вопрос в его пользу, поскольку суды, как уже говорилось выше, действуют в интересах государственной машины, а не в интересах закона или справедливости, либо подходит к ним лояльно, ничего не проверяя и не препятствуя участию в выборах.

Поэтому на сегодняшний день организации, занимающиеся политической деятельностью, фактически оказались разделены на два неравных отряда. Один – это политические партии, официально признанные властями, которым разрешено заниматься политической деятельностью, выдвигать своих кандидатов в депутаты. Второй – все остальные политические организации, которые даже если и занимаются политикой, властями политическими партиями не признаются и таким образом считаются вроде бы как маргинальными, то есть находящимися на обочине общества и как бы не выражающими его интересы. Хотя совершенно ясно, что общественные организации, которые создаются без поддержки государственной машины, и, тем не менее, существуют, они-то как раз и выражают интересы определенных слоев общества, в отличие от партий государственного типа, таких, как Единая Россия, Наш дом – Россия и прочих тому подобных видов и разновидностей.

По этому разделению получается, что фактически право голоса, то есть право на то, чтобы заявлять свои требования и быть услышанным обществом, то есть быть ретранслированным через средства массовой информации, которые находятся под тем же диктатом государства, получают возможность только партии, представленные в Государственной Думе, то есть уже прошедшие через государственный отбор. Те же, кого в Думу не пустили, те из числа политических организаций как бы исключаются и соответственно права голоса через средства массовой информации не имеют. То есть даже если они и возражают против этой системы выборов, то их не видно и не слышно. Таким образом, проблема состоит не в том, что все политические партии и организации молчат об этой всероссийской афере, а молчат в первую очередь те, кто представлен в Государственной Думе. Мнения же остальных, таких, как Фронт национального спасения, даже если они знают об этой системе фальсификации выборов и открыто говорят о ней, вы просто никогда не услышите.

Встает вопрос: почему же молчат именно те, кто представлен в Государственной Думе? Ведь именно у них крадут голоса. Значит, им и надо громче всех бить во все колокола. Давайте рассмотрим этот вопрос поподробнее.

Во-первых, большей частью голоса крадутся и крались до сегодняшнего дня как раз у тех партий, которые в Государственной Думе не представлены. Например, в выборах 1995 года участвовала целая группа левых организаций различной политической направленности, разные блоки, коммунистические партии помимо КПРФ. Все они, так или иначе, были опущены усилиями Центризбиркома за 5%-ную планку голосов. В итоге их избирателей обокрали дважды: один раз, когда часть их голосов перекинули другим партиям, чтобы не дать этим организациям преодолеть 5%-ный барьер и пройти в Государственную Думу. Второй раз – когда и остальные голоса этих не прошедших в Думу в итоге были распределены между другими партиями. Даже по официальным данным половина всех голосов на тех выборах была перераспределена таким образом, то есть досталась не тем партиям, за которые голосовали избиратели. И так получилось потому, что часть голосов этих партий была переброшена другим.

Во-вторых, надо четко понимать, кто выигрывает от такого мошенничества и кому есть смысл об этом молчать. Ведь в Думе представлены несколько политических кланов. Во-первых, это правящий политический клан, то есть партия или несколько партий, которые, так или иначе, являются партиями Кремля. Когда-то это был Выбор России, потом Наш дом Россия, затем Отечество вся Россия, теперь Единая Россия. Структуры имели разные названия, но суть всегда была одна: это была политическая партия, поддерживаемая Кремлем. Голоса всегда крались в пользу именно этой партии, а не у нее. Из этого следует, что самые крупные политические силы, представленные таким образом в Думе, как раз меньше всего расположены к тому, чтобы обличать фальсификацию выборов, поскольку она делается в их пользу.

Можно сказать, что ведь есть же оппозиция. Давайте посмотрим на нее. Возьмем самую крупную, явно оппозиционную силу в лице КПРФ. Вот уж, казалось бы, коммунисты – противники режима, те, кого свергли в результате путча 1991 и 1993 годов, отстранили от власти. С какой стати они должны идти на компромисс?

Это как сказать. Во-первых, в той истории выборов 1995 года, о которых я писал выше и в которых все остальные левые политические партии оказались опущенными за 5%-ный порог выборов, коммунисты в лице КПРФ, а точнее их руководство получило явный политический выигрыш.

Оно избавилось в Государственной Думе от самых главных своих конкурентов. Тех, кто представляет тот же самый левый фланг, что и они, но гораздо решительнее, отчетливее, с гораздо более честных позиций, чем это делает нынешнее руководство КПРФ, которое бесконечно виляет из одной стороны в другую. Ему такие союзники по Государственной Думе нужны менее всего. Потому что именно они, обладая собственной фракцией в Государственной Думе, сколь бы мала она ни была, каждый раз своими действиями будут обличать беспринципность КПРФ. А руководству КПРФ такие действия нужны менее всего. Ему не нужно конституционное большинство в Государственной Думе. Оно вряд ли будет знать, что с ним делать. Но вот такого рода союзники, которые будут его обличать своими действиями, для него хуже ножа.

В результате усилий Центризбиркома по фальсификации выборов уже в 1995 году часть этой фальсификации была сделана именно в интересах и в пользу КПРФ. И КПРФ, естественно, зная об этой фальсификации, поскольку имеет своих представителей в Центризбиркоме, менее всего расположена к тому, чтобы ее раскрыть.

Но что значит знать о фальсификации и не разоблачить ее? Это значит принять ее целиком. Ты не можешь обличить какую-то ее часть, а другую часть оставить незамеченной, как будто ничего не произошло. Поэтому руководство КПРФ уже в силу того, что Центризбирком в нужных случаях подыгрывает ему, должно молчать. А такое молчание – это уже соучастие.

Второй момент. Даже в тех случаях, когда КПРФ доставалась победа, как, например, на президентских выборах Зюганова против Ельцина в 1996 году, она боялась эту победу признать. Потому что понимала, что просто так, какими бы ни были результаты выборов, ельцинский клан «демократов» победу ни за что не отдаст. Раз они не отдадут, значит, за это надо бороться. Это столкновение, битва, где есть победители и проигравшие, где вообще можно серьезно пострадать шкуркой. Если бы эти коммунисты были теми, кто в свое время делал революцию 1917 года, наверное, такой оборот событий их бы не удивил. Но Зюганов со товарищи отнюдь не из того теста. Повторяя слова того же Зюганова, они уже давно исчерпали лимит на революции. Наверное, еще ни одна коммунистическая партия в мире не заявляла, что ее лимит на революцию исчерпан. Додуматься до этого могла только одна – КПРФ в лице своего руководства.

Поэтому для них заявить о своей победе и соответственно – о фальсификации выборов, значило бы войти в достаточно жесткий конфликт с существующей властью, к которому они просто были не готовы и которого не хотели. Их устраивает положение прикормленной оппозиции при Кремле, которая выражает свои мнения, что-то там бухтит, не добивается ничего из того, что обещает избирателям, якобы из-за происков врагов, и, таким образом, обеспечивает себе безбедное хлебное существование при существующей системе власти. Вот действительное место КПРФ. И в этой системе ей ломать что-либо, будучи уже запятнанной в фальсификации выборов 1995 – 1996 годов, а, если уж на то пошло, то и еще ранее в выборах 1993 года, – ломать в этой системе что-то ни сейчас, ни даже потом ей совершенно не с руки.

Тем более, что кремлевская власть в лице своих последовательно сменяющихся администраций в общем-то честно отрабатывает свою сторону контракта с КПРФ. Кремль не пускает в Государственную Думу никакую иную левую организацию помимо КПРФ. Таким образом, она может спокойно преподносить себя единственной, самой большой, самой главной левой силой, которая реально противостоит ельцинскому, путинскому или другому какому режиму, а фактически играет заранее отведенную ей роль тихого стойла для левой оппозиции, из которого та уже никуда не шарахнется. Поэтому естественно, что КПРФ никогда не будет разоблачать аферу российских выборов.

Интересный штрих. КПРФ по числу своих членов была, а может, и до сих пор является, одной из самых массовых партий, потому что численность партий типа Единая Россия или Отечество вся Россия и т.п., естественно, фиктивная. В те партии записывают скопом. Так можно набрать и 1 миллион, и 5 миллионов членов. Естественно, толку от них никакого нет, потому что они записываются туда отнюдь не по идейным соображениям, а по конъюнктурным, потому что так легче продвинуться по службе, получить повышение. В общем, организация чисто шкурная. Естественно, как только шкурный интерес пропадает, такая партия тут же распадается. Поэтому численность проправительственной партии считать за реальную совершенно нет смысла.

В отличие от них численность КПРФ реальная. Это те люди, которые так или иначе связали себя с бывшей КПСС, не продали ее идеалы и считают нужным сохранять ей верность. Так что, если не брать продажную верхушку КПРФ, то собственно сами-то ряды партии состоят из убежденных людей, какого бы возраста они ни были. КПРФ поэтому является фактически единственной массовой оппозиционной партией, которая в состоянии организовать проверку выборов в масштабе всей страны. То есть путем

сбора копий протоколов участковых избирательных комиссий – первичных сведений о голосовании, свести итоги выборов в одну общую картину по всей стране с тем, чтобы доказать, как именно власть их фальсифицирует.

Так вот о том, чтобы проверить результаты этих выборов, КПРФ говорит каждый раз, начиная с 1995 года. Руководство партии говорило об этом в 1995 году, потом в 1999 году, в 2003 году. Наверняка скажет об этом еще и в 2007 – 2008 годах. Объявлялось даже что-то вроде создания параллельного Центризбиркома.

Периодически публиковались сведения о результатах выборов по отдельным округам, отдельным субъектам Федерации. Писали о подтасовке результатов выборов в Татарстане, когда-то такое же дело было в Архангельской или Астраханской области или в Амурском крае. Таким образом, где-то в отдельных местах альтернативный подсчет голосов велся и несовпадение его результатов с официальными результатами выборов перерастали в скандал местного значения, инициированный КПРФ. Более того, перипетии этих скандалов через коммунистическую прессу (например, «Советскую Россию») доводились до сведения всего населения.

Но никогда, ни на каких выборах КПРФ не представляла своих данных о том, как фальсифицируются их результаты в масштабе всей страны. Она никогда не утверждала, что какие-то выборы прошли честно. Такого сертификата доверия со стороны КПРФ ни одни выборы не получили. Но результаты подведения итогов голосования в масштабах всей страны, то, что КПРФ обещала сделать в каждую выборную кампанию, никогда этой партией не публиковались и не сообщались. Та единственная сила, которая реально имела возможность это проверить, либо в конечном итоге их не проверяла, либо проверяла, но напрочь молчала о результатах. Во всяком случае, о подлинных масштабах фальсификации, которые достигнуты в целом по стране.

Когда КПРФ, единственная партия, способная самостоятельно это сделать, в течение многих лет от этого воздерживается, это означает только одно – контракт с властью. В обмен на то, что ее обеспечат местами в Государственной Думе и уничтожат ее политических противников на думском горизонте силами Центризбиркома, президентской администрации и ее структур, КПРФ не создает трудностей правящему режиму и дает ему возможность спокойно фальсифицировать выборы. Вот к чему сводится этот контракт. И КПРФ его выполняет так же добросовестно, как и президентская администрация.

Посмотрим на другие политические партии в Государственной Думе.

Особое место в ней принадлежит ЛДПР. Периодически она позиционирует себя как оппозиция. Хотя после всего того, что она сделала в политической жизни России, назвать ее оппозицией вряд ли у кого повернется язык. Самое точное определение этой организации – подставные. Эта организация и ее лидер впервые возникли как подставные кандидаты на первых президентских выборах России, которые якобы из себя изображали оппозицию, но в реальной жизни, как только это требовалось, всегда шли рука об руку с властью. Точно так же ЛДПР ведет себя сейчас.

Я уже упоминал об истории с председателем Центризбиркома, который является очевидным путинским ставленником, и вместе с тем выходцем из рядов ЛДПР. Само собой разумеется, что Чуров никогда не был оппозиционером Путину, иначе он на эту должность никогда бы не был назначен.

Фактически до своего назначения он как бы отсиживался в засаде в партии Жириновского, с тем, чтобы до поры до времени «не светиться». Сейчас уже ясно, что когда из федерального закона, по указанию Кремля, убирали пункт об обязательном высшем юридическом образовании членов Центризбиркома, это делалось именно под Чурова, по профессии физика. Критерий его личной преданности Путину был важнее образования. Однако в рядах Единой России никто не готовил замены председателю ЦИК – Вешняков мог не беспокоиться. Ее там и не было – Чуров «сидел в засаде» в рядах ЛДПР. Вообще, нынешние кремлевские перемещения надо рассматривать с точки зрения не политологии, а скорее практики агентурной работы ФСБ – она главному «вертикалу» ближе.

Но это же высвечивает и роль самой ЛДПР. Это партия подставных. Поэтому как бы она ни надувала губы и громогласно не говорила о том, что она может что-то сделать в отличие от Единой России и т.д., реально это управляемая из Кремля организация. Управляемая через свое руководство, которое, таким образом, направляет членов своей партии – либо осознанно для них, либо неосознанно, что уже не столь важно, – на поддержку кремлевских инициатив. Сколько бы она не бубнила о том, что выборы в том или ином виде фальсифицированы и голоса отобраны у ЛДПР, это лишь свидетельство того, что об этом говорят во всей России. ЛДПР это знает и, как и всегда, пытается заработать на политической конъюнктуре. Собственно, это ее кредо – говорить одно, а делать совершенно другое. Реально же это организация, спонсируемая и руководимая Кремлем, и потому, естественно, обнажать кремлевских фальсификаторов она не будет.

Наконец, остается третий элемент – так называемая демократическая оппозиция в лице Яблока и СПС, которых, как известно, на выборах в Государственную Думу 2003 года прокатили. В разных ипостасях они входили в предыдущие составы Госдумы, а сейчас оказались выкинутыми из нее силами той же самой избирательной машины, которая раньше работала против других. Казалось, почему бы именно им не заявить громче всех о том, что выборы фальсифицируются?

Думаю, этот вопрос для них крайне непростой. В первую очередь по политическим соображениям. Дело в том, что это организации и люди, которые создавали и эту конституцию, и эту систему выборов. Я уже рассказывал в самом начале этой книги, как шли споры в Комитете по конституционному законодательству Верховного Совета. Там достаточно откровенно высказывались мнения, в частности нашими оппонентами – так называемыми демократами, – о том, почему они против Съезда народных депутатов, почему его надо ликвидировать как конституционное образование, с какой целью вводить так называемое разделение властей и почему вообще надо написать новую конституцию. Ельцин и члены его администрации по сути своей

всегда были конъюнктурщиками, а не борцами за идею. Их дело – ловить нужный политический ветер, который вынесет их на вершину власти.

А вот идеологами государственного переворота 1993 года были как раз именно эти демократы – Яблоко, СПС. Правда, тогда, в девичестве, все они были фракциями Демроссии. Потом поменяли еще несколько имен (главным образом для того, чтобы стереть в памяти людей свою предысторию), пока не дошли до нынешнего своего наименования. Но существо вопроса осталось тем же самым. Именно они требовали государственного переворота, именно они разрабатывали эту избирательную систему, именно они закладывали в нее все эти хитрые инструменты типа постоянно действующего Центризбиркома, который маскируется под некий независимый орган, но на самом деле является вариантом президентской администрации. Механизмы фальсификации выборов, саму идею ГАС «Выборы» тоже разрабатывали деятели именно этого политического крыла для того, чтобы получить управляемые выборы.

Но они рассчитывали на управляемые выборы в свою пользу. Именно поэтому они молчали все эти годы, потому что так или иначе эта выборная машина работала на них. И вот сейчас, когда столько лет спустя она обернулась против них, что, собственно, тоже естественно, потому что раз уж они создали механизм, который фальсифицирует выборы, почему он должен всегда работать на них? Он будет работать на того, кто держит его в руках. В данном случае, если их пути разошлись с кремлевским начальством, то естественно, этот механизм направили и против них самих.

Вот характерное свидетельство, которое ввиду его наглядности привожу полностью, без сокращений и изъятий.

«Как будут считать голоса – дело избирательных комиссий, а не граждан.

Независимые российские эксперты в области избирательного законодательства считают, что несовершенство правовых норм дает власти возможность для свободного их толкования и, следовательно, расширяет пространство для административного произвола в ходе выборов.

Об этом Радио Свобода рассказал московский эксперт Леонид Кириченко:

– Наш закон очень долго совершенствовался. Никто никогда не говорит о том, что в законе есть прямая норма, что под предлогом обнаруженной ошибки комиссия имеет право, законное право – подчеркиваю, переписать протокол об итогах голосования заново с новыми результатами. Этот протокол будет являться подлинным и действительным. А те копии, которые получат наблюдатели, они, естественно, являются ошибочными, предварительными. Поэтому в суде, как это было четыре года назад, ничего сделать нельзя. Закон очень предусмотрительный: комиссия сама решает – показывать ли кому-нибудь эту ошибку или просто вежливо отказать всем желающим установить истину.

Любые фальсификации являются основанием для отмены результатов выборов, итогов голосования, допустим, на участке, но неизвестно, какое основание достаточно или недостаточно. Поэтому суд сам решает, что, да, действительно, нарушение было, но это недостаточное основание. За фальсификацию член избирательной комиссии не может быть привлечен ни к какой ответственности без согласия либо генерального прокурора, либо прокурора субъекта Федерации. Как вы думаете, зачем это сделано? Чтобы он честнее считал голоса?

– А чем вы это объясняете?

– Некомпетентностью автора избирательного законодательства. Он просто наивный человек. Ему говорили, что это нужно для независимости членов избирательных комиссий. И он соглашался с этим. Эти заготовки попадали в закон. Им уже 10 лет. 13 лет в наш закон не может попасть норма, что государство должно гарантировать честность подсчета голосов, которую мы подписали в декларации о честных и справедливых выборах. Гарантируется только свобода волеизъявления граждан, а вот как считать голоса будут – это дело избирательных комиссий, а вовсе не граждан.

– Я верно вас понимаю, что такая ситуация возникла еще когда в России были другие политические навыки, существовала некая возможность для общества контролировать выборы. Сейчас политическая ситуация изменилась?

– Законодательство стало хуже. Оно становится все более и более двусмысленным. Вот, например, наш закон запрещает суду опротестовывать результаты выборов, отменять результаты выборов, если они сфальсифицированы. Есть такое интересное понятие, что, оказывается, если, допустим, партия «Яблоко» не прошла, потому что у нее голоса похитили и подбросили тем партиям, которым вообще ничего не светило, норма закона такова, что это не является основанием для отмены итогов выборов, как не являются основанием действия, направленные на прохождение в Думу тех партий, которые и так не пройдут, даже с приписками. Приписки обратно вернуть нельзя. И Страсбург ничем им не поможет. Такая норма закона.

(Андрей Шарый, радио «свобода», 1.11.07».)

После того, что вы только что прочли, остается только задать вопрос: и кто же это те жутко наивные авторы избирательных законов? И кто это в 1994 г. не мог провести в закон норму о гарантиях честных выборов? Да тот же Выбор России – нынешний СПС вместе с Яблоком. Они тогда были не только в Думе, но и в правительстве. И что-то я не припоминаю, чтобы эти нормы предлагались Думе и ею потом отвергались. Этого не было, потому что тогда фальсификация выборов работала на демократов и ими же закладывалась в закон именно с этой целью.

Конечно, рядовые демократы сейчас сталкиваются с избирательными махинациями, и, коль скоро они направлены против них,

трубят об этом. Но это все частные примеры. Руководство демократов, которое знает о фальсификации выборов из первых рук, разоблачать ее именно как всероссийскую аферу не торопится.

Теперь для них раскрыть этот механизм – значит разоблачить самих себя, все то, что они делали, прикрываясь демократическими фразами и благородными устремлениями, в течение всех этих лет российской истории. Именно поэтому они, попавшись в свой собственный капкан, сегодня молчат, прикусив язык, и тихо надеются на то, что, провернув какую-нибудь очередную финансовую комбинацию, влив деньги в созданный ими коррупционный выборный механизм, опираясь на помощь Запада, которая не прекращалась со времен Демократической России, они сейчас опять смогут заставить эту систему работать на себя.

Заметьте, что вопрос о том, чтобы они сами еще раз завоевали доверие народа своими демократическими взглядами и суждениями, для них самих практически решен: они на это уже и не рассчитывают. Их надежда только на то, что в один прекрасный день афера российских выборов снова заработает на них. И разоблачать ее – значит лишить себя последнего шанса на политическое будущее в России. А без него они и на Западе никому не нужны.

Поэтому из официальных политических партий, получается, обличать действующую систему фальсификации выборов как раз и некому.

4.3. Средства массовой информации

Следующий вполне резонный вопрос: почему об этой тотальной системе фальсификации выборов не пишет подавляющее большинство основных средств массовой информации в России? Об этом ничего не узнаешь из программ телевидения, об этом молчит радио, не пишут крупные газеты, которые хвалятся своими миллионными тиражами. В чем дело? Ведь все-таки свобода прессы – это одна из форм демократического устройства общества. Об этом неоднократно писалось, об этом прилюдно говорится. Поэтому эта свободная и независимая пресса, принадлежащая самым разным направлениям и группам, казалось бы, должна писать о тотальной фальсификации выборов, потому что это угроза демократии в целом и угроза их свободному демократическому существованию в частности.

Я думаю, что для большинства граждан России ответ на этот вопрос ясен или чувствуется. Крупных независимых средств массовой информации с миллионными тиражами или тех, что выходят на телеэкраны, в России не осталось. И даже те, кто не знает, по какой причине это произошло, все равно это чувствуют. Когда включаешь телевизор и на всех каналах, принадлежащих различным, как бы независимым владельцам, видишь один и тот же подбор новостей с комментариями одного и того же толка, становится понятно, что кто-то определяет – каким новостям в эфире быть, а каких вообще не выпускать и какую оценку этим новостям давать.

Примерно то же самое, хотя и с чуть большим разнообразием, происходит в прессе. Во всяком случае, такие острые сюжеты, как массовая фальсификация выборов, в крупные средства массовой информации не попадают, несмотря на то, что они всячески стараются подчеркнуть свою независимость: независимое телевидение, независимая газета. «Независимый» и «демократический» – это чуть ли не синоним многих наших крупных средств массовой информации. Почему же они не пишут о фальсификации выборов?

Потому, что сейчас все крупные СМИ так или иначе принадлежат крупным финансовым группам, начиная с тех, которые прямо контролируются государством, типа Газпрома, и кончая внешне независимыми, но которые тоже находятся под политическим контролем государства. Не секрет, что волна приватизации, которая прошла в 1995 – 1997 годах, породила так называемых олигархов за счет того, что государственная, то есть общенародная собственность перешла им в руки через некие фиктивные, так называемые залоговые аукционы, и по массе других схем фактически задаром. В основном обещали вложить средства в предприятие, а когда оно становилось их, деньги оттуда забирали, или же расплачивались за акции предприятия, которые поступали в их распоряжение, средствами или дивидендами самого же предприятия, – то есть действовали по чисто жульническим схемам.

Все это означает, что у всех тех крупных капиталистов-олигархов, которые появились в 1995 – 1997 годах и стали эдакими тузами промышленности и финансов в России, честно заработанных средств нет. Поэтому те средства массовой информации, которые опираются на эти финансовые группы, а иначе сейчас крупные СМИ и не функционируют, они, естественно, опираются на этот самый ворованный капитал и обслуживают его. А единственная защита этого капитала – это правящий ныне в России режим. И если какая-нибудь финансовая группа (пример тому – Ходорковский) решит вдруг действовать не считаясь с правящим кланом, то российскому государству ничего не стоит в два счета доказать, что весь тот капитал, которым эта финансовая группа обладает, – ворованный. И на этом основании забрать его в полном соответствии с законом, как и поступили с Ходорковским.

Обратная сторона медали дела Ходорковского – это то, что точно таким же образом можно посадить в тюрьму любого из представителей олигархического капитала, от Потанина до Абрамовича, потому что все они получали свои средства точно так же. Но поскольку они обслуживают интересы государственной машины и политически подыгрывают ей, им дается какая-то свобода действий, оставляется возможность красть средства из народного достояния, эксплуатировать те предприятия, которые принадлежат всему народу, но были отданы в собственность лично им, и таким образом поддерживать существующую систему.

Поэтому понятно, что средства массовой информации, которые существуют на эти деньги, могут только поддерживать государственную машину России, которая фальсифицирует выборы, и никогда ни звука об их фальсификации не проронят.

Отдельно надо сказать несколько слов о телевидении. Я уже мимоходом упоминал о его роли ранее. Но сейчас остановлюсь на нем поподробнее. В свое время, еще при Съезде народных депутатов, произошел такой очень интересный казус. Когда телевидение освещало работу Съезда и, соответственно, работу противостоящего ему президента, то оно постоянно принимало президентскую сторону, то есть президентские трактовки того, что происходило на Съезде народных депутатов. Короче, занимало необъективную, явно тенденциозную позицию. Это было настолько очевидно, что на VIII Съезде народных депутатов нам удалось провести через Съезд постановление о недопустимости цензуры на государственном телевидении. Смысл этого постановления был в том, чтобы создать группу народных депутатов, которая осуществляла бы наблюдательную деятельность за телевидением и таким образом не допускала бы, чтобы информация на телевидении подавалась тенденциозно и однобоко.

Это вызвало на телевидении, как и в президентской администрации, страшный переполох. Одна из негативных ролей Хасбулатова в то время состояла в том, что он приложил все возможные усилия для того, чтобы это постановление не начало действовать. Оно не публиковалось в течение почти двух месяцев после его принятия. А когда оно было опубликовано, то оказалось в таком перековерканном виде, что группе демократических депутатов ничего не стоило обратиться затем в Конституционный суд России и доказать, что это выпущенное постановление недействительно, поскольку это не то, за что голосовал Съезд народных депутатов. В результате оно так никогда и не было применено.

Но пока постановление готовилось к выпуску, и телевидение дрожало от того, что его деятельность, наконец, может быть проконтролирована, в предварительном порядке шла ознакомительная работа с деятельностью телевизионных каналов назначенной тогда комиссией Съезда народных депутатов. И самым удивительным в работе этой комиссии было обнаружение того факта, что цензуры в прямом смысле слова на телевидении действительно нет. То есть никто не диктует телевизионным продюсерам, какую политическую точку зрения занять, и они занимают ее, таким образом, хотя и тенденциозно, но совершенно самостоятельно!

Однако под эту самостоятельность и за поддержку линии президентской администрации в рамках телевизионного канала им обеспечивается своеобразная свобода рук. Тогда, в 1992—1993 годах, на телевидении сложилась странная ситуация. С одной стороны это была некая государственная система, причем совершенно дефицитная: нечем было платить зарплаты, нечем было оплачивать услуги связи, шли постоянные конфликты с Министерством связи, которое грозилось отключить телевизионные передатчики, потому что не платили за электроэнергию, – короче, состояние финансового банкротства. А с другой стороны, сами телевизионные передачи были полны рекламных вставок. Уже было известно, что это достаточно эффективный вид рекламы, что она продается очень дорого. И потому вставал вопрос: а куда же деваются деньги от этой рекламы, если само телевидение нищее?

Оказалось, что само телевидение, государственные каналы, популярные программы сами не продают рекламное время, а сдают его в аренду за какие-то копейки неким рекламным фирмам. Тогда вокруг 1-го канала – самого доходного – их было штук 5, одной из них, кстати, руководил господин Лисовский, тот самый, который в 1996 году вместе с Евстафьевым выносил коробку с полумиллионом долларов из Белого дома и был на этом застукан. Так вот, эти самые фирмы продавали рекламное время уже за большие деньги, а разница девалась неизвестно куда. В бюджет телевидения она не попадала – туда шли копейки, а остальное было доходом этих рекламных компаний, которые делали миллионы на ровном месте.

Естественно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что миллионы эти не кладутся в карман рекламных компаний за просто так. Они, по сути, являются чем-то вроде офшорных предприятий неких телевизионных руководителей, которые эту разницу делят и кладут уже себе в карман. То есть фактически приватизировали государственное телевидение, присваивая львиную долю его рекламных доходов.

А исполнительная власть в лице президента и его команды, прекрасно зная об этом, в обмен на политическую поддержку позволяет им воровать. То есть, как в средневековой Руси отдало государственное телевидение им на откуп. Выполняй политическую функцию, а дальше, что имеешь, – все твое.

При такой системе, естественно, никакой политической свободы взглядов на телевидении ожидать не приходилось. Цензуры в буквальном смысле слова, как приказов цензора – что передавать, а что нет, – тогда не существовало, но реальная финансовая узда, которая работала не хуже цензуры, – была.

Эта система не очень изменилась в последующие годы. Когда в 1996 году произошло убийство известного тележурналиста Листьева, оно произошло как раз потому, что он, став директором 1-го канала, решил положить конец левым доходам от рекламы. Он объявил, что отныне всю рекламу будет продавать единственная компания, которая будет учреждена при 1-м канале, и установил, что на 3 месяца телевизионный эфир будет свободен от какой бы то ни было рекламы вообще. За это время планировалось старые фирмы прикрыть, а новую государственную компанию, которая должны была работать на 1-м канале, создать.

Этих трех месяцев хватило для того, чтобы Листьева при каких-то загадочных и до сих пор не выясненных обстоятельствах убили. Если, однако, принять, что заказное убийство совершается в чьих-то интересах, то не надо далеко ходить, чтобы понять, что те, кто получал и делил эти доходы от рекламы, оказались первыми заинтересованными лицами. Ясно, что эти лица, поскольку они до сих пор находятся в тех или иных отношениях с существующей системой управления и телевидением, являются теми фигурами, которых расследование этого убийства затронуть не может. Поэтому убийство Листьева до сих пор находится в нераскрытом состоянии.

Как видите, уже тогда разборки за телеэкраном носили весьма серьезный характер. Их жертвой стал даже Листьев, известный журналист и, кстати, демократ. Так что можно предположить, что ответственность каждого, кто поставил бы под угрозу благополучие телевизионных боссов из-за неправильной политической ориентации, была бы весьма серьезной.

С той поры цепь взаимоотношений, установившаяся на телевидении, оказалась подкрепленной помимо финансовых, еще и чисто административными подпорками. Телеканалы перешли в ведение финансовых монополий типа Газпрома, которые напрямую зависят от государства, так что к меркантильным интересам прибавилась еще и властная вертикаль. В результате получается, что ни одного телевизионного канала, который был бы способен осветить проблему фальсификации выборов, в России нет.

Итак, средства массовой информации, как и экономика России, оказались поделенными между крупными олигархическими группами. Они же, если не подчинены напрямую государству, то ввиду воровского происхождения своего капитала всецело зависят от государственной машины, во власти которой разоблачить их или не разоблачить, и, соответственно, посадить или не посадить в тюрьму. Таким образом, реально средства массовой информации оказались под контролем той же самой государственной машины, которая фальсифицирует выборы. Соответственно, разоблачать избирательную аферу крупные российские СМИ совершенно неспособны.

4.4. Международные наблюдатели

На суды и прокуратуру в России рассчитывать не приходится, потому что они напрямую зависят от государственного аппарата, то есть от президентской администрации. На политические партии тоже, поскольку Кремль повязал их соучастием в афере российских выборов, и, следовательно, официальные думские партии в разоблачениях не заинтересованы. Реально независимых крупных СМИ в России не осталось, во всяком случае, таких, для кого интересы демократии были бы приоритетны.

Но ведь есть еще международные наблюдатели, которые тоже непосредственно задействованы в избирательном процессе. Более того, на всех российских выборах, начиная с 1993 года, западные наблюдатели присутствовали, и каждый раз своим участием и своими отчетами удостоверяли, что выборы прошли в соответствии со всеми международными нормами и, таким образом, признаются западным сообществом как демократические выборы. Спрашивается, как же они могли это удостоверить, если в действительности выборы фальсифицируются? Или же наоборот, их участие свидетельствует о том, что выборы проходили честно, а все слухи об их фальсификации – чистый домысел?

Во-первых, надо отметить, что опыт западной демократии – это не какое-то надуманное явление, ложный стандарт, которым нам забивают голову, а на самом деле ничего для нас поучительного в нем нет и все это ерунда. Я считаю, что опыт есть, причем весьма серьезный. Действительно в западных странах, в частности в странах Западной Европы, накоплено много полезного по части избирательного законодательства и вообще выборности органов власти. Сюда же относится борьба со всякого рода коррупцией этих органов, чтобы сделать исполнительные органы власти действительно исполнительными по отношению к законам, которые принимает законодательная власть, а судебная власть гораздо более независима, чем та, которую мы знаем в России. Для того, чтобы в этом убедиться, достаточно просто посмотреть на современное положение вещей, при котором, например, ни один судебный орган России на сегодняшний день не примет какого-либо решения против государственной власти России в пользу некоего частного лица, даже если это частное лицо будет тысячу раз право. А в практике западных стран это рядовое явление.

Возьмите еще один, еще более частый случай, с которым сталкивается каждый гражданин. Известно, что полиция в подавляющем большинстве стран Западной Европы не коррумпирована, во всяком случае, как у нас. Разумеется, она подчиняется распоряжениям государственных властей, но она не подкупается частными лицами на каждом шагу. А российская полиция и юридические карательные органы России, назовем их так, – тотально коррумпированы. Я подчеркиваю, что они коррумпированы не на уровне отдельных представителей, а тотально, как система, снизу доверху.

Взять хотя бы те же штрафы ГАИ. Все знают, что рядовой лейтенант берет на дорогах взятки с водителей, но потом кто-то из этих лейтенантов вырастает в капитаны и становится начальником отделения. Что, после этого, руководя отделением, он уже ничего не берет? Тогда зачем ему больше ответственности за меньшие деньги? Тогда он стоял бы по-прежнему на большой дороге, и на должность начальника его было бы не затянуть. Значит, ему несут какую-то часть от собранных подчиненными взяток, и система их раздачи растет вверх. А когда один из этих капитанов в отделениях вырастает, наконец, в полковника и начинает руководить городским ГАИ, он начинает жить на одну зарплату? Если бы он оказался в таких условиях, то ни один из этих лейтенантов или капитанов не захотел бы становиться полковником. Он сидел бы в самом низу и предпочитал бы руководить отделением, чтобы получать взятки от своих подчиненных. Значит, несут и тому полковнику. А гаишный генерал, который стоит над ними? Он с неба, что ли, свалился? Он тоже вырос из таких же нижестоящих гаишников и тоже, соответственно, получает свою долю. И так до самого верха.

И на самом верху тоже происходит дележка. Только за путинское правление увеличение штрафов происходило несколько раз. Эти решения пробивали генералы ГАИ при помощи своих лоббистов в Кремле, и, соответственно, цепь интересов от увеличивающегося объема взяток, который растет с увеличением штрафов, тянется до самого верха через всех, кто поддержал эту меру. В думских кругах в связи с этим даже родилось такое понятие как «взяткоемкость» законопроекта. Кстати, подписывает его последним Путин.

Я говорю сейчас о ГАИ, потому что это наиболее ясный и яркий пример, который у всех на глазах. Но то же самое касается и любого другого органа, вообще нашей системы государственного управления. У нас тотальная система коррупции. В западных странах все-таки такой тотальной системы коррупции нет. Я их не идеализирую. Там есть свои проблемы и свои махинации, свой блат и свои коррупционные скандалы. Но, подчеркиваю, такой тотальной, повсеместной и всеобъемлющей коррупционной системы, как была создана в последнее время в России, в западном мире все-таки нет.

Поэтому их пример государственного устройства, безусловно, поучителен. Например, Венеция была одной из крупнейших демократических республик на протяжении всего Средневековья. Особенно впечатляющим является то, что она просуществовала более 800 лет! И за эти 800 лет она руководилась только выборными органами, даже дож Венеции был выборным лицом. Его права и обязанности были строго определены и не давали ему действовать самодержавно, подобно другим средневековым князьям. Хотя по уровню он был князем и руководил не только городом на водах, но и достаточно солидной областью, которая к нему примыкала и тоже считалась территорией Венеции, не говоря уже о том, что в те века это была крупнейшая торговая держава.

Помимо выборного дожа в Венеции была масса других властных органов, которые образовывали весьма своеобразную систему выборной власти в Республике. Например, среди этих органов власти были даже карательные органы, что-то вроде нынешнего ФСБ. Так вот этим венецианским ФСБ руководила коллегия, которая состояла из выборных членов, избираемых на месячный

срок. Это делалось для того, чтобы ее члены не успели коррумпироваться и не начали использовать служебные полномочия в личных целях.

Особо венецианские законодатели оттачивали избирательную систему, чтобы сделать в ней невозможными коррупцию и подлоги. Кстати, высшим органом власти в Венеции был не дож, пусть и выборный, а Генеральный Совет, который состоял почти из двух тысяч венецианских аристократов, то есть древнейших венецианских фамилий. Можно сказать, что этот Генеральный Совет являлся своего рода прообразом Съезда народных депутатов, который мы знали уже в современное время. Он также обладал высшей государственной властью. Генеральный Совет Венецианской Республики имел право решать абсолютно все вопросы, которые считал нужным рассмотреть, и собирался еженедельно. Его заседания носили отнюдь не формальный характер – на них обсуждались и решались самые крупные вопросы венецианской жизни.

Я упоминаю обо всем этом потому, что когда в России в 1993 году готовился государственный переворот, президентская пропаганда изображала Съезд народных депутатов как некий атавизм советской власти. На самом же деле, венецианскому аналогу съезда не меньше лет, чем британскому парламенту. А в Венеции сейчас работает европейский Институт выборов, который опирается в своих анализах и оценках демократичности выборного процесса на богатую историю Венецианской республики.

Поэтому опыт, на основании которого можно было бы судить о том, демократические или недемократические выборы прошли в той или иной стране и управляют ли ей демократические или недемократические институты, у западных стран есть. Это очевидно. И более того, это очень ценный опыт. Поэтому в этом смысле наблюдатели от западных стран действительно могли бы оказать очень большую помощь и поддержку в оценке того, насколько демократическим является выборный процесс у нас.

Кроме того, когда они приезжают на выборы, они же не только смотрят за урнами для голосования и следят за избирательными участками. Их адреса известны, и к ним могут обращаться все те, кто пострадал в ходе избирательной кампании, чьи права были нарушены. Обоснованность этих жалоб могут оценить специалисты. Спрашивается, почему же эти специалисты молчат? Может, к ним жалобы не попадают? Или они не могут их адекватно оценить?

У меня есть личный опыт в этом деле. В 1993 году насилие над демократией приняло самый откровенный, явственный характер. Парламент был расстрелян; была навязана новая конституция, которая фактически принята не была; все избирательные действия творились по некоему указу, даже не закону, потому что принимать его было некому; целый ряд партий и движений, обладавших весом в политической жизни России, были просто не допущены к участию в выборах. То есть все эти нарушения демократических выборных норм проходили явно, нагло и очевидно. Тогда ничего особенно и не скрывалось, да и скрыть было нельзя. И вот тогда же, в 1993 году, вместе с представителями ряда политических партий мне довелось присутствовать на встрече с международными наблюдателями от парламентов Европы на этих выборах. Происходила она в небольшом двухэтажном здании напротив Дома советских обществ дружбы с зарубежными странами на тогдашнем проспекте Калинина.

Мы сидели за длинным столом: с одной стороны наблюдатели, с другой – мы, представители партий, которых либо не допустили до выборов или уже в процессе выборов не дали выставить своих кандидатов. Шла оживленная дискуссия насчет того, что за выборы происходят в России, и насколько они могут считаться демократическими. Наши выступления сводились к тому, что вы прочитали в предыдущих главах этой книги.

Так вот эти самые наблюдатели в ответ на наши конкретные аргументы говорили примерно следующее: «Да, действительно, нарушение. Но, в Европе, например, в той же Англии, демократия устанавливалась чуть ли не 200 лет! Бывают такие огрехи. Что ж поделаешь? Подождите, лет через 200 и у вас будет настоящая демократия». Когда же мы им на это отвечали, что если нам надо 200 лет ждать демократических выборов, то, значит, сейчас они точно недемократические? Это надо хотя бы констатировать. В ответ наблюдатели загадочно смотрели то на нас, то в потолок и отвечали, что они, мол, с большим оптимизмом относятся к российской демократии, поэтому считают, что, несмотря на все эти нарушения, выборы у нас все равно демократические.

Именно так они официально и оценили те российские выборы, хотя все те нарушения, о которых свидетельствовали мы, шли с этой оценкой вразрез. То есть, как вы можете заключить, обо всех вопиющих нарушениях демократии на этих выборах им было достоверно известно, и они действовали совершенно сознательно. Добавлю к этому, что эта встреча, естественно, никакого отклика в средствах массовой информации ни у нас, ни на Западе не получила. Поэтому все эти размышлизмы представителей западной демократии остались за четырьмя стенами, совершенно неизвестными широкой публике.

В 1995 году очередная группа международных наблюдателей приехала на думские выборы. В очередной раз мне довелось сообщить им о тех нарушениях избирательных прав, о которых я писал выше. Как вы помните, речь тогда шла о вычеркивании десятков тысяч подписей в нашу поддержку по специально изобретенному Центризбиркомом «групповому» принципу. С руководителем группы этих международных наблюдателей, некой дамой, жившей в гостинице «Националь», я общался по телефону. Вначале она очень оживленно реагировала на то, какие нарушения в ходе выборов нами выявлены. Причем, поскольку мы вели в то время процессы в Верховном суде, это имело особое значение, так как отражало ситуацию не только с избирательными правами граждан, но и с правосудием в России. Кроме того, по причине судебных разбирательств наши аргументы были подтверждены документами.

Так вот вначале она очень живо на все это реагировала, даже собиралась встретиться с нами – представителями политических партий, которым Центризбирком препятствовал участвовать в выборах. Потом начала справляться о нашей политической

ориентации, к какому направлению мы относимся – демократическому или патриотическому. И узнав, что к лагерю демократов-западников мы не относимся, тут же свернула свое любопытство, и в итоге до встречи с нами как-то так и не добралась. На посылку нами документов, подтверждающих нашу позицию, она также не отреагировала.

Само собой разумеется, что все это никак не повлияло на признание западными наблюдателями и этих выборов свободными и демократическими.

С тех пор эта история повторялась каждые российские выборы, вплоть до последних федеральных по перевыборам Путина в 2004 году. Максимум, на что хватало западных наблюдателей – это пожурить российские власти за неравный доступ кандидатов к средствам массовой информации. Видимо это должно было объяснить в глазах западного общественного мнения феерический, неестественный успех только что созданной партии власти, или кандидата-президента. Все доказательства явной и грубой фальсификации выборов пропускались ими мимо ушей и никак не отражались на очередном признании российских выборов свободными и демократическими.

Все это лишний раз демонстрирует то, в чем мы убедились еще в 1993 году. Демократический опыт у Запада, безусловно, есть. Ему есть, с чем сравнивать, и, разумеется, его представители могут принять объективное решение о том, демократические в действительности выборы в России или нет.

Другая сторона этой медали в том, что для них важнее не установить некую абстрактную истину, а подыграть своим политическим интересам. Если какая-то политическая партия работает в направлении, выгодном тому или иному западному правительству, и оказывается как-то притесненной в период выборов, естественно, об этом будут трубить во все трубы и заявлять, что это угроза демократии. Если же, наоборот, результаты выборов, которые происходят в стране, устраивают западное сообщество именно с политической точки зрения, то какими бы отвратительными и фальсифицированными они ни были, они все равно будут признаны демократическими.

Проще говоря, если Путин осуществляет курс, который в целом в интересах Запада, то любые выборы, которые будут происходить в России сейчас или в последующем, будут признаваться западным сообществом свободными и, несмотря на отдельные недочеты, соответствующими демократическим нормам. А если политический курс, например, Белоруссии с Лукашенко, западную администрацию не устраивает, то какими бы безупречными ни оказались там выборы, они все равно будут признаны несоответствующими демократическим нормам и, соответственно, расцениваться как несвободные, незаконные, какие угодно.

Иначе говоря, международные наблюдатели, несмотря на весь тот опыт демократии, который имеется у Запада, действуют не на основе этого опыта, а в интересах той политической системы, которой служат. Соответственно, то, что в их понимании идет на благо этой системы, заслуживает демократической оценки, а то, что не идет – нет. Причем под благом системы подразумеваются не какие-то общедемократические ценности – все это благообразные фразы для широкой публики, – а совершенно конкретные и осязаемые преимущества, которые получают правящие круги западных стран. Происходит своеобразная торговля индульгенциями по средневековому образцу: мы вам – сертификат о демократии, вы нам – преференции, которые легко конвертируются в деньги.

Поэтому сегодня международные наблюдатели на выборах – это чисто политическая игра, которая, к сожалению, ничего общего с демократическими ценностями не имеет. И поэтому оценку западных наблюдателей по тем или иным выборам можно спрогнозировать заранее с практически 100-процентной уверенностью, исходя из того, какой политический курс проводит руководство страны, в которую эти международные наблюдатели посылаются. Если этот политический курс соответствует интересам Запада, можно быть 100-процентно уверенным, что по оценке международных наблюдателей выборы будут соответствующими всем демократическим нормам, если не соответствует, то нет. Во всяком случае, я не припоминаю случая, чтобы правительство страны шло западным курсом, а выборы в нем были оценены как недемократические. Даже в Ираке и Афганистане.

4.5. Мировые державы

Как мы выяснили, международные наблюдатели поддержат любого, кто действует в их интересах, т.е. в стратегических интересах США. Естественно, у непредубежденного читателя может возникнуть вопрос: если на предыдущих выборах они оказывали неизменную поддержку Путину, – то он действовал в интересах США? С какой стати?.. Ведь в 2007 г. он выговаривал НАТО за создание баз противоракетной обороны в Польше и Чехии и обещал принять адекватные ответные меры. И за ними дело не стало: уже в середине года было объявлено о том, что Россия может выйти из договора о ракетах средней и малой дальности в Европе, и теперь эти ракеты могут в России создаваться и быть направлены на создающиеся ракетные базы. Правда вышли пока только из договора об обычных вооружениях, что не одно и то же. Но движение уже обозначено.

Кроме того, сама риторика Путина по этому вопросу была уж такой патриотической, что большего и ожидать-то сложно. Какой контраст с тем же Ельциным, который объявил о том, что российские ракеты будут снабжены нулевым заданием, то есть, направлены в никуда! Получается, что Путин – самый большой защитник интересов России, который только возможен. О каких же интересах США здесь может идти речь?

Давайте попробуем с этим вопросом разобраться. Будем руководствоваться знаменитым изречением Мао Цзэдуна, который когда-то во время советско-китайского конфликта сказал крылатую фразу, которая потом стала произноситься многими в самых разных контекстах: мы будем судить о действиях Кремля не по его словам, а по его делам. Вот и мы давайте будем судить о реальных действиях Путина, и в чьих интересах он так поступал, исходя из его дел.

Начну с того, что ельцинское заявление о том, что российские ракеты будут снабжены нулевым пилотным заданием и ни на кого, дескать, не будут нацелены, – это чистой воды блеф. Это понятно абсолютно каждому, кто знаком с ракетной техникой как у нас, так и на Западе. Потому что полетное задание в современную ракету может вводиться за секунды. И соответственно, тот компьютер, который ею руководит, будет направлять ее либо в одну, либо в другую сторону. Поэтому вопрос о нулевом пилотном задании означает только то, что даже если эта ракета не направлена в какую-то конкретную точку, то она будет направлена в любую точку в любой момент. Поэтому это нулевое задание не более чем пропагандистский ход. Именно так его на Западе и оценили.

Что более реально в действиях Ельцина по стратегическому разоружению России, это то, что в начале 1993 года, когда был взят курс на государственный переворот, он подписал договор СНВ-2 с Соединенными Штатами. Тогда это политическое действие осталось как бы незаметным для широкой публики. Всех тогда занимало больше противостояние Съезда и президента. А какой-то там договор СНВ-2, который к тому же еще и не был ратифицирован, никого специально не заинтересовал.

А, между прочим, зря. Потому что этот договор – очень серьезное соглашение, о котором стоит упомянуть отдельно. Он стал одним из ключевых элементов расплаты Ельцина за политическую поддержку Соединенными Штатами расстрела Съезда народных депутатов России.

Тут надо немного напомнить историю. Дело в том, что когда Советский Союз и США достигли первых соглашений по ограничению стратегических вооружений, то первый договор, который был подписан, касался противоракетной обороны. Стороны договорились не создавать систем ПРО для всей страны, поскольку тот, кто вырвется вперед, будет стоять перед соблазном нанести ядерный удар первым, зная, что он сам защищен.

С тех пор США предпринимали неоднократные попытки обойти договор по ПРО и начать новую гонку вооружений, как бы с оборонительным уклоном. Но главным препятствием в ней оставались советские тяжелые ракеты с разделяющимися боеголовками шахтного базирования СС-18 «Сатана», которые делали развертывание такой системы бессмысленным даже в случае, если бы она была действительно создана. Затраты на создание и содержание такой системы были неприемлемы даже для США. Получалось, что эти ракеты гарантировали, что Советский Союз, а затем Россия не подвергнется ядерному шантажу даже в случае, если американцы будут не слишком честны в соблюдении условий договоров.

Так вот, Ельцин согласился на то, чтобы уничтожить эти ракеты, и обязался больше их не производить. Более того, помимо ракет должны были быть уничтожены и шахты, в которых они стоят, а это сооружения, стоящие едва ли не больше, чем сама ракета, особенно с учетом обслуживающей ее инфраструктуры. Понятное дело, что для США это являлось стратегической удачей, на которую при существовании СССР они и рассчитывать не могли.

С американской же стороны наиболее сильные части американского ядерного потенциала, а именно боеголовки, находящиеся на самолетах или на подводных лодках, предполагалось просто складировать. То есть снимать с них и просто отвозить на склад. Понятно при этом, что точно таким же образом в случае необходимости боеголовку можно привезти обратно и весь ядерный потенциал окажется на месте. В этом суть договора СНВ-2.

Разумеется, такой договор в советское время никем и никогда не мог быть подписан. На это и был ельцинский расчет. Это создало тот самый политический задел, за который Соединенные Штаты были готовы поддержать Ельцина любой ценой, пусть он даже расстреливает из пушек российский парламент. И именно это было для США главным, а отнюдь не какие-то построения баркашовцев перед Верховным Советом, которые якобы убедили общественное мнение в том, что власть там захватили какие-то мифические фашисты. Это все не более чем прикрытие для реального хода дел. Потому что в действительности Ельцин сделал Соединенным Штатам важнейшую стратегическую уступку, фактически пообещав разоружить Россию в случае, если он останется у власти.

В 1993 году Ельцин этот договор подписал. При этом уже тогда было понятно, что Съезд народных депутатов его не ратифицирует, поэтому разгром конституционной власти России подразумевался, если угодно, как секретное приложение к СНВ-2. Однако и после избрания Думы ратификации СНВ-2 не произошло. Во всяком случае, при ельцинском президентстве. Ельцин, естественно, объяснял все это Соединенным Штатам политической ситуацией, оппозиционной Думой, где у него нет устойчивого большинства. Потому-де и договор никак не можем ратифицировать. А соответственно и выполнить.

Разумеется, он сделал это отнюдь не потому, что не мог манипулировать результатами выборов, а прежде всего потому, что понимал как политик, хоть и пропитый, что если он окажется вообще без козырей, то с ним и дела всерьез никто иметь не будет. Советские ракеты в его руках – это был стратегический козырь, и до тех пор, пока он у него в руках оставался, Соединенные Штаты с ним считались. Поэтому они и были готовы с ним договариваться и переговариваться, а не заставлять его что-либо делать и навязывать ему свое мнение. Не ратифицировав этот договор, Ельцин сохранял эти козыри в политической игре с американцами в своих руках.

Обо всем этом я напоминаю для того, чтобы читатели по достоинству оценили первый политический шаг Путина, когда он пришел к власти. Его первым и самым главным политическим обязательством была именно ратификация договора СНВ-2. И то, с чего он начал свою политическую деятельность как президент, это добился, чтобы Дума ратифицировала договор СНВ-2, благо в условиях аферы российских выборов в дополнение к президентству Центризбирком сделал ему еще и парламентское большинство.

Таким образом, было выполнено ельцинское обещание. Теперь, я думаю, читатель без труда догадается, кто именно поддерживал выдвижение Путина в качестве наследника Ельцина, и кто реально спонсировал и подталкивал этот процесс. Те же силы, которые хотели добиться, чтобы Россия была разоружена по договору СНВ-2.

Путин не только ратифицировал этот договор, но и стал его исполнять. Причем стал исполнять, демонтируя и разрушая, взрывая в соответствии с договором под американским контролем шахты с ракетами «Сатана» именно в центре страны, где они были менее всего доступны для потенциально проектируемой американской системы ПРО.

Когда значительная часть ракет была разрушена, развертывание системы противоракетной обороны Соединенными Штатами наконец-то обрело смысл. Ведь сама американская идея ПРО состоит в том, чтобы сбивать ракеты над территорией противника. А, следовательно, станции, которые сбивают эти ракеты, должны быть расположены как можно ближе к его территории. Кстати, по их местоположению можно без труда определить, какого противника они имеют в виду.

Вот где они построены или планируются: на Аляске, в Гренландии или на Шпицбергене, в Польше и Чехии, если получится, то и на территории Украины. Короче говоря, окружается существующая территория России. Если бы удалось подавить иракское и афганское сопротивление, то можно не сомневаться, станции ПРО были бы и там.

Это окружение и строительство самой системы противоракетной обороны стало возможно именно благодаря действиям Путина. И поэтому если он начинал вдруг громогласно заявлять о том, что мы этого не потерпим и дадим этому адекватный ответ, то это не более, чем акция прикрытия. Потому что все реально необходимое для того, чтобы эта система развивалась в соответствии со стратегическими интересами США, он уже сделал.

Уместно, кстати, вспомнить о договоре о ракетах малой и средней дальности, выход из которого готовится как бы в ответ на строительство систем ПРО в Восточной Европе. Получается что американские еще строящиеся станции ПРО будут чуть ли не под прицелом российских ракет. Давайте вспомним, что это был за договор и для чего он был заключен.

В свое время, когда еще граница между восточным и западным блоками пролегала еще по территории Германии, в Европе были размещены ракеты средней дальности СССР и США. Таким образом, выходило, что и Западная, и Восточная Европа стали возможным полем боя для этих ракет, гораздо более трудных для перехвата именно потому, что их время полета гораздо короче, чем у тяжелых баллистических ракет, запускаемых чуть ли не с противоположного конца земного шара. Разумеется, эта ситуация мало нравилась американским союзникам по НАТО, которые вовсе не хотели, чтобы Соединенные Штаты отсиживались у себя за океаном, а они тем временем, в случае возникновения какого-то конфликта, в том числе и по американской инициативе, превратились бы в горящее поле войны. Отсюда и заключение договора о ракетах средней дальности, который предоставлял стратегическим противникам, то есть СССР и США, возможность в случае конфликта уничтожать друг друга, не вовлекая в это дело и не ставя под угрозу европейские страны.

Сейчас территория Восточной Европы является передним флангом НАТО, и станции противоракетной обороны готовятся расположить именно на этой территории. Выход из договора по ракетам средней дальности означает, что в случае, если он прекращает свое действие для нас, то из него автоматически, причем по инициативе России, выходят и Соединенные Штаты. Таким образом, западный военный блок получает на законных основаниях и вроде бы даже не по своей воле право размещать свои ракеты средней дальности уже не как раньше – в Западной Германии, Италии и Англии, а непосредственно в районах, прилегающих к России, то есть в Польше, Чехии, Болгарии, Румынии и т.д. И эти ракеты будут бить не по странам восточного блока, – некогда нашему стратегическому предполью. Они будут бить непосредственно по территории России: по Смоленску, Москве. А в ответ, разместив свои ракеты малой и средней дальности, Россия получит возможность наносить ракетные удары по Польше, Чехии, Болгарии и Румынии. Что, как вы понимаете, до слез расстроит США.

Спрашивается, в результате такого выхода из договора для кого реальная угроза нападения возрастает больше? Очевидно, что для России.

В чьих же тогда интересах были такие действия Путина? Похоже, что не в российских. Во всяком случае к системе ПРО, развертываемой против наших стратегических ядерных сил, добавятся ракеты средней дальности – уже чисто наступательное оружие. И более того, получается, что эта угроза нападения создана даже не руками НАТО и Соединенных Штатов, а руками самой России, о чем громогласно заявляет Путин. Причем даже как бы при официальных сожалениях из США. Мол, не стоило прекращать договор, но раз уж вы так пожелали, то мы не виноваты, что вы теперь под прицелом.

Напомню кстати, что советское руководство всегда остро реагировало на попытки нацелить на СССР такие ракеты короткого боя. Всем памятный карибский кризис 1962 года начался не с завоза советских ракет на Кубу, а с их размещения американцами в Турции. И закончился, когда они их оттуда убрали.

Теперь же, усилиями Путина, новый ракетный кризис начинается у самого порога России, да еще и без возможности дать ему адекватный ответ. Впрочем, если такой ответ вообще входит в истинные планы Путина.

Вспомните затопление подводной лодки «Курск» американской субмариной, следы чего всячески пытались скрыть, даже разрезав наш несчастный «Курск» под водой, что было тяжелейшей самой по себе операцией. Ее цель – не поднимать носовую часть лодки, которая явно хранила на себе следы американской атаки. Затем ее даже взорвали под водой, лишь бы только не оставить на будущее улики, указывающие на истинную причину гибели «Курска». И все для того, чтобы скрыть очевидное: то, что американские подводные лодки продолжают в Мировом океане охоту за российскими лодками, и ни о каком геополитическом мире нет и речи.

В чьих же интересах скрывать истину? Естественно, не в наших, поскольку, маскируя американскую угрозу, легче разоружать российский флот. Легче, например, под предлогом внедрения новой ракеты «Булава», которая до сих пор не вышла из стадии испытаний, ликвидировать ракеты советского производства. В результате наши атомные подводные лодки оказываются без ракет и даже их выходы в Мировой океан по существу боевыми дежурствами не являются. А у американцев – являются, и их ракеты нацелены отнюдь не на Иран.

А подводные лодки «Тайфун», две из которых собираются попросту разрезать на куски? Ведь это не просто подводная лодка, это по водоизмещению линкор, который спрятан под воду и обладает стратегической военной мощью. В советское время таких подводных линкоров было построено

6. Можно спорить о том, насколько это был правильный или неправильный шаг. Но это огромный корабль, и модернизировать его явно проще, чем уничтожить. Сами Соединенные Штаты до недавнего времени держали на вооружении даже свои линкоры времен 2-й мировой войны, периодически перевооружая их, и использовали, например, во время войн в Персидском заливе.

И если у нас эти линкоры остаются, во-первых, без движения, во-вторых, без ракет, а часть из них просто уничтожается, то это прямой удар по стратегической безопасности России, и он наносится не из Вашингтона, а из Кремля.

Вспомним про космическую станцию «Мир», которая была затоплена в Мировом океане. Россия, между прочим, была единственной страной, обладающей своей собственной космической станцией. И сколько бы ни рассказывать баек про ее устарелость, остается фактом, что ни у кого в мире ничего подобного не было. Помимо своего научного потенциала, к уровню которого только сейчас подошла международная космическая станция, «Мир» имел еще и несомненную стратегическую ценность, наблюдая за всеми важными районами Земного шара. Не говоря уже о том, что станция с постоянно пилотируемым экипажем обладала гораздо большими возможностями стратегической разведки, чем любой автоматический спутник. И вот именно это стратегическое преимущество России, неоценимое уже потому, что его не с чем было даже сравнить, было затоплено по приказу Путина. Официальная причина – «Мир» дорого нам стоит. Об этой дороговизне стоит сказать несколько слов особо.

Незадолго до затопления станции в Россию срочно приехал президент Ирана Хатами с предложением: либо оплатить расходы по содержанию «Мира», при условии, что на нем вместе с российскими будет работать и иранский член экипажа, либо вообще выкупить ее целиком. Причем в качестве цены сделки фигурировала сумма порядка 3 миллиардов долларов. Поскольку сейчас один полет космонавта-туриста на несколько дней на МКС стоит 20 миллионов долларов, эта цена не выглядит завышенной. А если учесть, что Иран – вторая по объему экспорта нефти страна ОПЕК, то и средства у него есть.

Так вот Ирану в этой сделке было отказано – мол, поздно. Хотя понятно, что такие предложения не делаются в последний день, и о нем было наверняка известно загодя. Тем не менее станцию предпочли утопить в океане, не получив за это ни цента.

Чтобы понять, чем были тогда, да и сейчас 3 миллиарда долларов для России, стоит сказать, что за месяц до затопления «Мира» в 2001 году Путин специально ездил в Южную Корею, чтобы договориться об отсрочке выплат российского долга размером около 2 миллиардов долларов. Он, кстати, до сих пор не оплачен.

Так вот, единственный, кто выиграл от затопления «Мира» – это США. Во первых, Россия лишилась своего стратегического преимущества в космосе, а, во-вторых, Иран, нападение на который уже просчитывалось, не получил стратегического оборонного объекта, с которого можно наблюдать за американскими военными приготовлениями. Все это достаточно очевидно. Странно другое: почему Путин предпочитает американские стратегические интересы российским?

Давайте также вспомним закрытие стратегической базы России в Лурдесе, на Кубе, которая прослушивала практически всю территорию Соединенных Штатов лучше любого спутника и контролировала пуски американских ракет, причем этому невозможно было помешать. То есть находилась в положении, сходном с нынешней позицией США в Восточной Европе и

Прибалтике. Вспомним также закрытие военно-морской базы во Вьетнаме, которая являлась единственной надежной точкой опоры в Юго-Восточной Азии в военном отношении, поскольку она находилась на территории дружественного нам и весьма стабильного вьетнамского правительства. Нас оттуда никто не гнал. Закрытие этих баз тоже на совести Путина.

Именно при нем появились военные базы США в бывших республиках советской Средней Азии. Поскольку все они так или иначе находятся в стратегических отношениях с Россией, без согласия Кремля это было невозможно. Базы открыли как бы для подготовки военного вторжения США в Афганистан. Вторжение произошло, а базы остались…

А вот вам почти анекдотическая ситуация, которая сложилась на второй год президентства Путина. 1 апреля 2001 года американский самолет-разведчик вторгся в воздушное пространство Китая и был посажен на аэродром военной базы КНР на острове Хайнань. Поднялся жуткий международный скандал. Китайцы конфисковали самолет за шпионаж и арестовали экипаж – 24 человека.

По ходу скандала прозвучал комментарий от пограничной службы России: выяснилось, что у нас таких нарушений происходит около 1000 в год, то есть буквально по три раза на день! Причина тому веская: оказывается, Ельцин еще в марте 1992 года подписал так называемый договор об открытом небе, в соответствии с которым американские разведчики могли свободно проникать в небо России и препятствовать им наше ПВО не имело права. Конечно, договор был на взаимной основе. Но российские разведчики в США не летали. Типа не было горючего. Да и вообще не интересно. А вот американцы чего-то прям такие любопытные – все летают и летают!

Самое пикантное в договоре было то, что как и СНВ-2 он не был ратифицирован. То есть для России не действовал, хотя по факту было приказано его исполнять. Вот и поинтересовались по случаю пограничники, не пора ли мол это безобразие и для России прикрыть: вот ведь Китай-то защищает свои воздушные границы!

Ну и верховный главнокомандующий, то бишь президент Путин, оперативно отреагировал. Поставил задачу перед думским большинством – будущей «Единой Россией». И ударными темпами, уже 26 мая 2001 года договор об открытом небе, хоть и десять лет спустя, но был ратифицирован! С тех пор американские разведчики спокойно летают в нашем небе на полностью законном основании.

Такие истории можно приводить бесконечно и их список вышеприведенными не исчерпывается.

Спрашивается, когда руководство страны постоянно так действует, в чьих интересах оно работает? Понятно, что не в российских. Во всяком случае, если бы американский президент вел себя таким образом по отношению к России, никто бы в США не сомневался, что он агент Кремля. И вряд ли бы при всей дружбе и партнерстве между двумя державами, он бы надолго остался президентом.

Послесловие

Суверенный фашизм

Шествие России по демократическому пути, начиная с 1991 года, привело нас в итоге к имитации выборов и, как следствие, отсутствию избранной народом власти. Современный российский политический режим никак не тянет на демократию, даже «суверенную», он выглядит совсем по-другому.

Реальная политическая конструкция путинской России такова: страной рулит так называемый национальный лидер, даже если при этом он формально не занимает высший государственный пост. Под себя он формирует так называемую партию, у которой нет какой-либо иной явной задачи, кроме поддержки его самого. Все ветви власти сведены в вертикали, главная особенность которых в том, что они формируются сверху, а не избираются снизу, как при демократическом устройстве общества. Последние остающиеся рудименты демократии уже не играют какой-либо существенной роли и постепенно искореняются (выборы мэров городов, муниципальных собраний).

У такой власти есть вполне четкое родство и характерные признаки, которые позволяют назвать ее современной формой фашизма. Слово «фашизм» у нас часто употребляется в качестве некоего политического ругательства. Тех, кого хотят политически оскорбить, называют не гадами, сволочами или как-то покрепче, а фашистами. Тем самым вольно или невольно затемняется сам смысл этого понятия, к нему вырабатывается отношение как к некоему хулиганскому действию в политике. С фашизмом олицетворяются скинхеды, все, кто носит свастику, хотя на самом деле это древний языческий символ, которому не только в Третьем рейхе придавали значение. Короче говоря, всё, что угодно, кроме подлинного смысла этого слова – что именно является фашизмом, кому и для чего он нужен.

В действительности, речь должна идти не о какой-то частной инициативе марширующих молодчиков, натягивающих на себя образцы нацистской атрибутики, а об особой государственной системе. Потому что фашизм – это не столько идеология, сколько способ построения государства. И с этой точки зрения он должен быть проанализирован достаточно серьезно.

Если взять за отправную точку труды классиков фашизма, в первую очередь Муссолини, и затем уже Гитлера, поскольку он создал скорее свою форму фашизма и сам считал его родоначальником Муссолини, то можно увидеть описание определенной политической системы, которая по своей сути является антиподом демократии. Она базируется на трех «китах».

Во-первых, это культ дуче, фюрера, вождя нации, которого никто не должен переизбирать, ибо быть вождем своего народа – это его карма и счастье для нации.

Во-вторых, система власти, формируемая самим вождем и его назначенцами принципиально сверху вниз, а не снизу вверх, как при представительной демократии. Характерный тому пример – известный фильм Лени Риффеншталь «Триумф воли» об одном из съездов нацистской партии. Внимательный зритель обратит внимание, что на нем фюрера никто не выбирает. Это фюрер выбрал себе партию! Совсем как Путин – Единую Россию. Кстати, само ее название как нельзя лучше отражает фашистскую идею.

И, в-третьих, это корпоративная экономика, смысл которой в том, чтобы подчинить частный сектор воле государства, ибо основное финансирование экономики идет через эти корпорации. Само собой, что ими руководят ставленники фюрера. Идея здесь в том, что независимый производитель может позволить себе и независимые политические взгляды, а будучи привязанным к фашистскому государству через корпорации, он будет подчинен его воле. На этом фоне путинская идея о создании госкорпораций в России, изначально непонятная многим, наполняется смыслом.

Если сопоставить эти фашистские принципы с тем политическим режимом, который реально создан в России, то их родство станет очевидным. Буквального сходства с каким-либо ранее существовавшим фашизмом, разумеется, не будет, их не было и тогда, когда в половине Европы имелись фашистские государства. Время тоже вносит свои коррективы, и то, о чем раньше заявлялось открыто, теперь маскируется под некую «суверенную демократию», суть которой затрудняются определить даже ее создатели. Совсем как «план Путина».

Символом же фашистской системы, с подачи Муссолини, является вовсе не свастика, а ликторский топорик – древнеримское оружие почетной стражи императора. Его длинное тонкое древко обкладывалось прутьями и туго перевивалось лентой, благодаря чему становилось прочным и не ломалось при ударе. Аллегория здесь такова: сам топорик – вождь, прутья – народ, а лента, притягивающая народ к вождю – фашистская партия. Этот символ фашизма был известен в Европе гораздо больше, чем свастика; его взяла себе, например, петеновская Франция.

Хотя свастика у нас теперь является запрещенной, гораздо более родной фашизму ликторский топорик можно лицезреть совершенно свободно. Например, на решетке Александровского сада возле Кремля или на эмблеме Федеральной службы исполнения наказаний. Интересно, случайно ли его ввели в эмблему путинского ГУЛАГа? Судя по установленному в России строю, и там, и там он к месту.

То, что у нас сейчас установлен осовремененный фашистский режим, не должно кого-либо шокировать или пугать – это просто констатация факта. Придя к ней, есть смысл задуматься как минимум над тремя вещами.

Первое. Почему у нас в стране так ожесточенно преследуют за какое-либо серьезное исследование или цитирование классиков

фашизма? У нас это является уголовным преступлением. Но по какой причине? Если кто-то прочтет или процитирует «Майн кампф», сразу станет фашистом? С той же степенью вероятности можно говорить о том, что любой человек, прочитавший коммунистический манифест Карла Маркса, тут же станет коммунистом. Очевидно, что это не так. Более того, как человек, читавший «Майн кампф», хочу сказать, что это скорее исторический памятник, нежели какое-то руководство к действию. Это достаточно откровенное произведение, написанное в свою эпоху, которое с современной эпохой имеет мало общего, кроме, пожалуй, некоторых теоретических выводов, которые могут осмыслить только люди, всерьез интересующиеся историей и политикой. Но стать каким-то убежденным национал-социалистом от ее прочтения совершенно невозможно. Не говоря уже о том, что эта книга достаточно трудна для изучения и понимания. Во всяком случае, в русском переводе и в сопоставлении с русскими реалиями. Поэтому когда запрет на распространение и анализ первоисточников присутствует, в первую очередь появляется вопрос: а зачем это нужно? Я могу на это найти только один ответ: чтобы как можно меньше людей в России могло понять, что такое государственный фашизм в действительности, и сопоставить его с тем режимом, который сегодня реально существует. То есть это запрет не в целях предохранения общественной морали от фашистской заразы, а наоборот, чтобы эта фашистская зараза стала возможной и реализуемой в России.

Второе. Говоря о нашем современном фашистском режиме, надо понимать, что история никогда не повторяется в точности дважды. А точнее, как говорит известная пословица, повторяется один раз в виде трагедии, другой раз – в виде фарса. Примерно это мы сейчас и наблюдаем. Трагедия произошла, когда фашизм пришел впервые в середине XX века в Европу и достаточно широко по ней распространился, впоследствии захватив даже часть государств Латинской Америки. А в виде фарса он повторяется сейчас. Комичность этого фашистского режима в том, что хотя он трудолюбиво придерживается политических рецептов середины XX века, в него никто не верит как в национальную идею, а «национальный лидер» набирает свои липовые проценты рейтинга за счет явных махинаций, а не в результате подлинно народной поддержки.

В свой трагический период фашизм был национальной идеей народов, в него реально верило значительное число людей, за него сражались, и именно поэтому он стал мировой трагедией. Не говоря уж о том, что ее главные актеры (я имею в виду лидеров фашистских государств) были по природе аскетами, не гнавшимися за личной выгодой. Они довольствовались достаточно немногим и всю свою жизнь посвящали политической идее. Это касается самых разных людей, не только дуче или Гитлера, но и Франко, Салазара, Петена, Маннергейма – людей, имевших определенные регалии и заслуги перед обществом, но не ставших роскошествующими баронами, которые пируют, пожирая все, до чего только дотянется их рука. Какой явный и разительный контраст с нынешней российской верхушкой и её так называемым национальным лидером!

И третий момент, особенно актуальный в связи с происходящим в России. Стоит задуматься над закономерностью, почему так часто представительная демократия перерождается в фашистское государство? Видимо, в ней самой есть некий изъян, который предопределяет возможность ее скатывания к фашизму примерно так, как определенная конструкция самолета способствует его срыванию в штопор.

В конечном счете, сама фашистская теория, фактический отказ от выборной системы и обоснование перехода к фюрерству зиждется на критике представительной демократии. Автор «Майн кампф» посвятил немало страниц доказательству того, насколько представительная демократия недееспособна, коррумпирована и идет вопреки национальным интересам страны, развив эту идею на примерах той эпохи. Очевидно, этот вывод соответствовал мнению достаточно большого числа его сограждан, которым фашисты пропагандировали свои идеи. Они поддерживали их не из корыстного интереса, как это происходит сейчас в Единой России, а именно потому, что они в это поверили.

В чем, еще раз подчеркну, коренное отличие европейской трагедии середины XX века от того фашистского фарса, который мы переживаем сейчас.